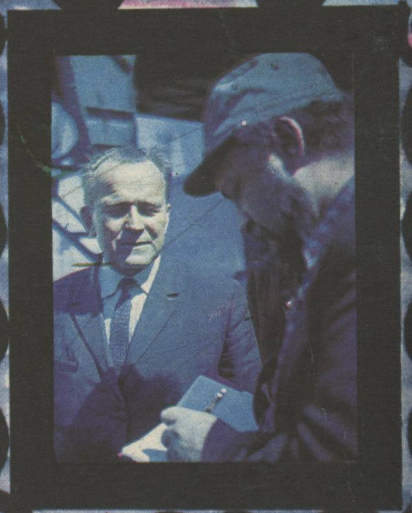

Космос

4
АПРЕЛЬ
1972

РАМПА, АКАЦИЯ И ДРУГОЕ

Ф. Нафтулев

Если сверху, с Вышгорода, взглянуть на древний Таллин,
на его черепичные крыши, крыши, крыши,
на флюгера, флюгера, с драконами,
русалками, львами, медведями, единорогами,
на ущелья улиц, над которыми высятся
шпили старинных церквей,

вдруг покажется:
на горизонте,
в лиловой мгле,
словно стая пеликанов присела.
Это — портовые краны.

Они не из пятнадцатого века,
не из шестнадцатого,
не из семнадцатого,
но все равно —
они не портят пейзажа.

Потому что как бы ни был стар город Таллин,
он не древнее, чем
Таллин-порт.

А день был такой: красный, котлам и машинам. Славное
белый и синий. выдалось плавание, да скорей
бы земля.

Синий — от моря, красный —
от кранов, белый — от тепло-
ходов у причала.

И на всем этом пылало и
плавилось солнце.

Медяшка корабельных на-
званий вспыхивала ослепи-
тельно, и на белоснежных бор-
тах плясали кружевные зайчи-
ки ряби.

Был День Великих Пеших
Хождений, потому что пло-
щадь порта огромна, День
Гулких Трапов и Глубоких
Трюмов, потому что куда нас
только не заносило.

А еще это был День Новых
Слов.

Неважно, что некоторые из
них на первый взгляд не ка-
жутся новыми. В тот много-
цветный, сверкающий День са-
мые привычные слова открыва-
лись незатертым значением.

Акация

Из дальних жарких морей с
грузом какао возвращался
«Повенец». Не терпелось ему
поправить такелаж, дать отдых

Вот уже и береговые птицы
закружились над мачтой, пря-
но запахло цветами и травами,
проплыла от носа к корме зе-
леная ветка...

— Акация, капитан! — вос-
кликнул радист.

И защелкал переключате-
лями:

— «Акация», «Акация», я
«Повенец»!

— Я диспетчер порта. Слу-
шаю вас внимательно.

— Что нас ждет?

Известно что: не бури, не
шквалы. Входи в акваторию,
бросай якоря, разгружайся.

А где? А когда? А как?

Диспетчер Юрий Николае-
вич Матвейкин сидел за сто-
лом в своей служебной сухо-
путной комнатухе. Но мгно-
венно, не сходя с места, мог
очутиться и на причалах, и на
подъездных путях, и в кабинах
крановщиков, и опять вернуть-
ся туда, к выходному бую, где
сбавлял ход «Повенец», —

— Ваша линия третья, —
сказал он в микрофон. — Швар-

товаться левым бортом. Обра-
ботка в... Сейчас уточню. Будь-
те на связи.

Нахмурился, уткнулся в схе-
мы и графики и засвистел: «На
приморской улице акация цве-
тет».

Помаргивая лампочками,
она настороженно дремала по
соседству. Не цветок, не кус-
тарник, ветвями не шумит, ле-
пестков не роняет, — но спро-
сите капитана-таллинца, чем
его встречать в родном пор-
ту, — розами? Астрами? Гла-
диолусами?

— «Акацией», — улыбнется
он.

Порой в ее репродукторе
возникал целый хор: чуть не
десяток голосов наперебой
твердил ее позывные.

— Кто самый вежливый,
пусть помолчит, — предупреж-
дал тогда Матвейкин. И дина-
мик притихал, — во-первых,
каждому лестно оказаться са-
мым вежливым, а во-вторых,
такое правило: заговорил дис-
петчер — дай тишину. Вдруг
экстренное сообщение?

Ничего экстренного не воз-
никало. Моторы у кранов ис-
правны, перешвартовок не
предвидится, порожняк подан,
бригады портовиков наготове.

— Поздравляю с прибыти-
ем, — говорил Матвейкин в
микрофон ради-«Акации».

И для корабля, спешащего к
дому, начинался порт.

Костёр

4

АПРЕЛЬ

1972

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Пилот

На стене висела гравюра. Называлась она «Лоцманский экзамен», и отроду ей было лет триста.

Койка, по-солдатски заправленная серым одеялом, намекала: здесь дежурят круглосуточно.

В любой час вероятен звонок из диспетчерской: «Вставай, надевай непромокайку, иностранец пришел». И тогда, зарываясь в волны, пыля колючими брызгами, в открытое море, к внешнему рейду полетит легкий катер. И на палубу зарубежного гостя ступит немногословный человек.

Он корректно представится: «Капитан, я к вашим услугам».

Осведомится, каковы размеры судна и скорость его, какой шаг у винта — левый или правый.

И встанет на мостике, и поведет теплоход, и никакого в том недоверия к капитану не будет, потому что капитан плавает в океане и знать всех узкостей не может, а для лоцмана окрестные районы — что дом родной.

Вон буй открылся, вон маяк замигал, — к норду камни, к весту мель, и все-то, лоцман, помни, доказывай в малом плаванье большое свое уменье.

Случаются форсмажорные обстоятельства, шторм, например, или густой туман. Но судно все равно надо заводить, хоть ты что угодно делай. И есть у этого «что угодно» три трети.

Первая треть — сквозь волну и ветер пробиться на крошке-суденышке, которому болтаться бы сейчас на приколе, — пробиться и вылезть с него, низенького, на высоченный борт, вскарабкаться по скользким палочкам-ступенькам.

Вторая треть — попасть в ворота.

Портовые ворота узкие, чуть пошире судна. Лоцман вдевает корабль в ворота, как нитку в иголку.

Вдел, довел, — теперь третья, последняя треть: швартоваться. И причала не попортить, и соседей не задеть, и себе скулу не помять.

Удалось — молодец, спасибо. Иди досыпай.

— А если не удалось? — округляем мы глаза. И старший лоцман Василий Николаевич Лукьянов от такой постановки вопроса даже вздрагивает:

— Как «не удалось»? У нас всегда удается.

Прочтите, что он написал вам на память, и обратите внимание, на чем написал. На бланке лоцманской квитанции, — ежели по-английски, на «пайлотс билл».

«Лоцман» и «пилот», оказываются, одно и то же...

Прибрежные работяги, пилоты местных рейсов, — бесменно их дежурство в комнате, похожей чем-то на военную караулку, с койкой, заправленной по-солдатски, со старинной гравюрой на стене.

ЛОЦМАНСКАЯ КВИТАНЦИЯ PILOT'S BILL

Формы документа
Pilot's name

Наименование судна
Ship's name

Флаг судна
Flag

Под движителем
Kind of engine

Описание судна в метрической системе
Description of the vessel in English

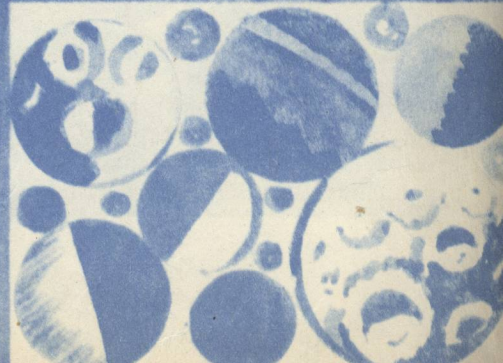
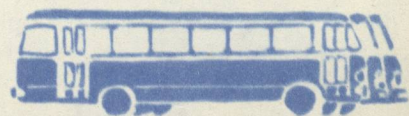
Длина
Length

Ширина
Breadth

Регистровый тоннаж нетто
Registered tonnage net

Фамилия капитана
Captain's name

*Формы документа
Пилотского билла
Лоцманской квитанции
Морского пилота
Спасибо капитану*

Гравюре триста лет. Триста лет экзаменуют на ней новичка бородастые поморы—храбр ли, смекалист ли, изрядно ли преуспел в навигации, а также в иных науках.

Пилоты нарисованному новичку сочувствуют:

— Сам виноват, захотел в лоцмана, — терпи.

Рампа

Колодец трюма, огражденный поручнями, был похож на бассейн, из которого выпустили воду. В глубине его хлопотал стропальщик в белой каске. Цеплял бумажные рулоны, перевязанные специальной лентой, на крюк.

Соорудив гроздь, он вскидывал ладонь, словно подбросив на ней невидимый мячик, и откуда-то с неба отвечали на этот жест свистком.

Стрела крана плавно ворочалась, пронесла гроздь по дуге и опускала на площадку, длинную, как железнодорожный перрон.

Это и был отчасти перрон, поскольку с другой его стороны вереницей стояли вагоны.

Теперь к рулонам спешили автопогрузчики. На их спинах восседали водители в белых касках. Рядом с громадами крана и корабля юркие машинки выглядели муравьями. И движения их были по-насекомьи отрывисты: вперед, назад, подцепил, приподнял, повез — прямо в раздвинутые вагонные двери.

Машинкам приходилось кой в чем помогать: ставить рулон на торец, распутывать упаковочные ленты и складывать их в желтые жесткие килы.

Этим занималось несколько парней опять же в белых касках.

Никто не суеился, руками зря не махал. Совпадало будто ненароком, случайно: плывет по воздуху кладь, снует автомуравьишка, и вдруг они встречаются — как раз в нужной точке и вовремя. Так бывает, когда люди очень привыкли работать вместе.

Стивидор Борис Петрович Голитвин предложил:

— Хотите фокус? Кто на стропе, полезет на кран, кто на кране — сядет к рулю. Хотите? У нас быстро! Ать-два!

— Нет-нет! Верим! — воспротивились мы.

Мы понимали, что он шутит. Если комплексная бригада сегодня распределилась именно так, значит, сегодня, именно при этом грузе, это наиболее выгодно.

А назавтра, возможно, будет иначе. И нынешний стропальщик вправду вознесется в застекленной кабине к небесам, а кто-то станет вместо него цеплять на крюк рулоны.

Тем и хороша комплексная бригада, что в ней все умеют все.

— Они только огорчаются, — сказал Голитвин, — когда их по старинке называют грузчиками. Разве они грузчики? Они — портовые рабочие первого класса!

Площадка, где мы находились, называлась рампой.

Рампа — это в театре. К рампе, на край сцены, выходит актер, чтобы произнести свой главный монолог.

Здесь монологов не произносилось. Здесь не было главных и неглавных ролей. Под синим небом, под ярким солнцем, на грузовой рампе Таллинского

Оформление
В. Прошкина

СССР
МАШИН. ТРАНСП. МОР. ВОЗД. И РЕЧ.
МОРСКОЕ ПАРОВОЗНОЕ

Получатель груза
СССР
Исходный документ
ВХОД
Исходный документ
ВХОД
Исходный документ
ВХОД

ГРУЗОВОЙ ПЛАН
CARGO PLAN

Порт
Судно
Колонна
Исходный документ
ВХОД
Исходный документ
ВХОД
Исходный документ
ВХОД

Погрузка
loaded
Tr. No 1
hold
535,0
Tr. No 2
hold
932,0
Tr. No 3
hold
625,4
Tr. No 4
hold
287,6
Tr. No 5
hold
Tr. No 6
hold

24.1-220т 24.1-133т 14.1-24.1т
41 6 части
24.1-275т 14.1-24.1т

ФРУИТАН	КАСАБАЯ	ФРУИТАН	ФРУИТАН	КАСАБАЯ
41 6-9, 15-17 ЖЕКА 67,3т ЛАГОС ЧАЙ ЗЛАЧЫЙ 116,8т ЛАГОС 41 1 ОДЕЖДА СТЕЛЛО 111,8т	41 1 ЧАЙ ЗЛАЧЫЙ 115,2т 41 3 САХАР В КОРБЯКАХ 120т	41 13 САХАР 8 ЛАЧУКИ 105т ЛАГОС	асбест 260т 41 3-5 ЖЕКА 24,4т ЛАГОС 41 3 САХАР В КОРБЯКАХ 335т	41 7 ЧАЙ 1170т 41 13, 14 САХАР В МЕШКАХ 400т

порта люди в белых касках дружно показывали красивое искусство труда.

Стивидор

У меня есть друг, который любит укладывать чемоданы.

Узнав, что собираюсь в командировку, он заходит как бы невзначай, но я-то знаю, чего ему надо.

— Помоги, старик, — говорю ему, — ужасно много вещей.

Их действительно много, всегда так получается перед отъездом, — лежат горкой на столе, висят на спинке стула, а чемоданчик маленький, и вроде бы не поместится в нем ничего.

Но мой друг принимается за дело. Он работает медленно и основательно, часто задумываясь. Тяжелое кладет поглубже, громоздкое обкладывает мелочами, мягкое — на самый верх, чтобы не мялось.

Он опускает крышку — не захлопывает, не давит на нее коленом, просто опускает, и звонко щелкают замки.

Прежде чем поставить чемо-

дан на пол, он секунду-другую держит его на весу. Вероятно, в эти секунды ему представляется, что он сам едет...

Корабли причаливают и отчаливают, а стивидоры остаются на берегу.

Тут можно воскликнуть: «Неправда! Стивидор тоже в пути! Он участвует в рейсе! Трудом своим! Стараньем! Уменьем!! Знаньем!!!»

Однако, как сказано у Шекспира, всё это слова, слова, слова.

Вот идет старший стивидор Арно Алексеевич Кримсес по палубе только что прибывшего судна. Каждая пылинка вокруг — привет из далеких стран. Каждая заклепочка помнит о муссонах и пассатах.

А Кримсес вряд ли об этом думает.

Он думает о том, что трюмы полны «под забой», и как бы их опорожнить аккуратнее, и не в разных ли местах одинаковый груз, а если в разных, то плохо, усложнится переработка.

Для иных корабль — гордый скиталец морей, победитель штормов, а для Кримсеса — огромная коробка, и нужно

массу всякой всячины из нее вытащить, а потом такую же массу в нее положить.

Шевелят стрелами краны, трудятся бригады. Трюмы становятся пустыми и снова полными. С палубы судна, готового отплыть, сходит стивидор.

Вероятно, в эту минуту он разрешает себе подумать о пассатах и муссонах. Но — немножко, самую малость, чуть-чуть.

Вон уже следующее судно на очереди. Что там у него в грузовом плане? Ну-ну. Начнем разбираться.

Карго-план

Итак, грузим теплоход. На какую букву? Все равно. На букву «А».

Арбузами, Автобусами, Айсбергами, Ананасами, Аэростатами, Астероидами, Анакондами, Антилопами, Аллигаторами...

Стоп, стоп. Пора прикинуть, как это все разместить.

Чтобы Аллигаторы не слопа-ли Антилоп, расселим их по-дальше друг от друга. Одних, скажем, в носовой трюм, дру-гих — в кормовой.

Автобусы останутся наверху, палубным грузом. Привязать покрепче, закрыть брезентом, и прекрасно.

Арбузы объединим с Анана-сами, благо порт назначения у них один и получатель общий.

Айсберги надо ближе к холо-дильнику, иначе растают. За-то Анаконды любят сырость и тепло, их — к машинному от-делению.

В самую глубину, к днищу, полагалось бы запрятать Аэро-статы, их очередь выгрузки последняя, да вот беда: слиш-ком они легкие, повлияют на остойчивость. Лучше опустим туда Астероиды, чтоб служили дополнительным балластом.

Так, от строки к строке, и составляется наш игрушечный карго-план.

Посмотрите еще раз, как на-стоящий карго-план выглядит.

А теперь вам задание не совсем шуточное. Из Таллин-ского порта выходит — ну, до-пустим, «Нарва». Пойдет спер-ва в Ригу, потом — через Гиб-ралтар — в Одессу. Везет для Риги сахар в мешках, листы стали, лекарства, огнетушите-ли, для Одессы — оконное стекло, станки, смазочные мас-ла, бумагу, электроприборы.

Перерисуйте контур кора-бля, разметьте его и объясните, что куда вы погрузили и по-чему.

Учтите: безобразие, когда из-за десятка тонн приходится разворошить весь теплоход. А уж если стекло приплывает би-тое, а чай — с запахом кероси-на, тогда вообще позор.

Таллинские портовики ни за что этого не допустят.

Мы решим им ваши пись-ма — пусть определяют, кто из вас рассудил правильней.

Пятилетка

Заместитель начальника порта Евгений Александрович Бурсон рассказывал, как в ближайшие годы порт расши-рится, больше станет причалов, увеличится количество перера-батываемых грузов.

Александр Михайлович Емельянов, старший технолог, битый час объяснял вдохно-венно, какие совершенные при-дут на рампу автопогрузчики,

какой широкой и удобной бу-дет сама рампа.

Слез по лестничке из кабины крана Василий Васильевич Ва-сильев, портовый рабочий пер-вого класса, и оказалось, что он — слушатель учебно-курсово-го комбината. Учится, несмотр-я на свою первоклассность.

Наш провожатый, секретарь комитета Владимир Эльмаро-вич Рогозин, собирался посту-пать в высшую комсомольскую школу.

Все они, как говорится, ду-мали о завтрашнем дне — и от-нюдь не ждали, что им этот день поднесут на блюдечке.

И всем им было ясно, что главное в их жизни — не то, что случилось, а то, что еще случится.

Рогозин торопил:

— Вот сейчас, пойдемте, учебная бригада, там новички физически втягиваются, — ин-тересно!

А через сорок минут:

— Это что, а вот, пойдемте, двадцать восьмая бригада, там из тринадцати человек — во-семь ударников! Интересно!

Прощаясь с нами у проход-ной, он сказал:

— Приезжайте летом! Бу-дет интересно!

Он словно на праздник звал, на свой собственный, личный, домашний. И привычное слово «пятилетка» зазвучало для нас по-новому.

Если встать в портовых воротах
и взглядеться как следует

в краны, краны, краны,
в корабли, корабли, разных очертаний,
имен и подданств,
и в балтийскую синь, которая
начинается тут же, за молом,

вдруг покажется:

на горизонте,
в лиловой мгле,
маячат дальние страны.
Пусть до них сотни миль,
и тысячи,
и десятки тысяч, —
все равно:

они рядом.

Потому что неустанно,
днем и ночью трудится
Таллин-порт.

Фото
О. Василевского

СВЕТЛОЙ
ПАМЯТИ
РОДИТЕЛЕЙ
ПОСВЯЩАЮ

Привет от Вернера

РОМАН

Юрий Коринец

Рисунки А. Слеткова

В тумане

Вы когда-нибудь видели город в тумане? Это очень красиво! Хотя не все видно. Один дом, например, видно, а другие нет. Или — ты идешь в тумане по дороге. Где-нибудь в деревне. И вдруг из тумана выезжает лошадь, запряженная в телегу. И ты видишь только лошадь, и на ней дугу, оглобли и сбрую, а телегу и седока не видишь. Потому что они в тумане.

Вот такая вещь — туман! Он все старается спрятать. Особенно прошлое. Меня, например, когда я был маленьким. И все же я себя вижу. Вижу смутно — как в тумане. Я смутно вижу пеструю Москву и серебристый Берлин: такими, какими они были в то далекое время. И сердитого немецкого Деда-Мороза с розгами в руке. И добрый памятник Воровскому.

Наш дом

Наш дом высокий — шесть этажей! Вы смеетесь? Вы говорите, что это совсем невысоко? Нечего смеяться! Я же описываю свое детство, которое было очень давно. Сейчас наш дом, конечно, кажется невысоким, потому что сейчас есть дома и в сто этажей. А когда я был маленьким, наш дом считался очень высоким.

В далеком детстве что-то странное происходит с размерами. Давно когда-то покинул я этот дом на Кузнецком мосту — дом, в котором родился. Но я часто вспоминал о нем, и в воспоминаниях он всегда казался мне очень большим, просто огромным! Много лет вспоминал я этот дом и все не мог на

Печатается в сокращении. Роман выйдет в издательстве «Детская литература» в 1972 году.

него взглянуть, потому что юность моя протекала в дальних краях. И когда я, наконец, вернулся в Москву и снова увидел этот дом, он показался мне странно маленьким! Он вдруг словно съёжился. Он был намного меньше, чем тот, который стоял в детстве! Но дом-то один и тот же! Никто его не отрезал, как можно отрезать кулич! Вот в этом смысле я и говорю, что с размерами происходят странные вещи: в памяти они как бы растягиваются! Становятся больше. Не потому ли так происходит, что сами мы растем и растет все вокруг? И детство как бы растет вместе с нами? Или потому, что мы видим свое детство в тумане, а в тумане все расстояния и размеры увеличиваются? Не знаю! Знаю только, что там — в тумане детства — наш дом стоит очень высокий!

Он стоит буквой «П», с крылышками внизу, вот так: — видите? Кружочек в середине двора — это памятник Воровскому. А точкой в углу я отметил наше окно. Оно самое верхнее, в углу под крышей. Там у нас одна комната в коммунальной квартире. Нас в комнате трое: отец, мама и я. А в других комнатах вокруг живут соседи.

Но все это не столь интересно. Интереснее, что наш дом называется дом Наркоминдела. Все наши жильцы работают в Наркоминделе. Взрослые, конечно. А дети не работают. Дети играют. Дома и во дворе. И ходят в школу. Но они тоже наркоминдельцы. И памятник Воровскому наркоминделец. Он когда-то работал в этом доме. Потому он здесь и стоит.

Вы спрашиваете, что такое Наркоминдел? Это Народный Комиссариат иностранных дел. Мы все в доме занимаемся иностранными делами. Разными странами. И ездим за границу. Я тоже поеду за границу — когда-нибудь!

Но и это не самое интересное. Самое интересное то, что наш дом — интернациональный! Вот какое слово я вам сказал! Значительное слово! Интернациональный дом — это значит дом, в котором живут люди разных национальностей. Ведь бывает, что в доме живут одни только русские. Или только англичане — где-нибудь в Лондоне. А бывает, что в доме живут сразу и русские, и евреи, и немцы, и татары, и латыши. Такой дом и называют интернациональным. Дом моего детства — именно такой дом.

Памятник Воровскому

Сейчас, когда мне уже много лет, я сижу и смотрю в свое прошлое: в разноцветный туман. Он очень, очень густой, и разглядеть в нем что-нибудь трудно. Я долго смотрю. Наконец, туман рассеивается, я вижу наш дом и двор. Зимнее утро.

Мы одни во дворе: я и памятник Воровскому. Он всегда здесь стоит и никуда не уходит. Потому что он каменный. Это он раньше ходил, когда был человеком и революционером. А потом его убили враги. И тогда он стал памятником и поселился у нас во дворе.

Это очень хорошо, когда во дворе живет памятник! С ним вы никогда не потеряетесь. Мама сказала, что можно уйти в город и там потеряться. И тогда подойдет милиционер и спросит: «Мальчик, ты где живешь?» И я отвечу: «Я живу у памятника Воровскому». И все сразу станет ясным. А без памятника надо называть улицу и номер дома... Улиц, домов, номеров — страшно много, в них можно запутаться: А памятник Воровскому один.

Я смотрю на него, задрав голову. А он смотрит на меня сверху вниз. Ночью выпало много снега, и памятник Воровскому стоит весь белый. Ему холодно, он легко одет — в пиджаке и брюках, без шапки. У него такой вид, как будто он хочет куда-то уйти. Но он не может уйти. Он памятник.

А еще ему надоели птицы — воробьи и голуби. Они облепили его со всех сторон и сидят нахохлившись. Если бы памятник мог схватить какую-нибудь птицу за

хвост! Или хотя бы двинуть плечом. Но памятники не шевелятся, в том-то и беда! Потому он такой грустный.

— Эй, вы, воробышки! — кричу я. — Слезайте отсюда! Что вам — карнизов не хватает? Хулиганы какие!

Но птицы не обращают на меня никакого внимания. А может, они просто спят, запорошенные снегом...

Я бегаю и прыгаю вокруг памятника, размахивая шапкой, и вдруг вижу во дворе какую-то девочку. Я не заметил, как она появилась. Раньше я ее никогда не видел. Интересная девочка. Тоненькая такая, как цветок колокольчик! Только одета она странно. Я-то одет не странно: я в валенках, шубе и шапке-ушанке. А на девочке желтое кожаное пальтишко, желтая шапочка с помпонами и высокие желтые ботинки, зашнурованные до колен. Я никогда не видел таких ботинок!

Девочка смотрит на меня очень внимательно. Ну и пусть! Некогда мне ею заниматься.

Я опять кричу на птиц. Жаль, что все камни под снегом. Я беру дворницкую лопату в углу двора и разгребаю снег: развиваю бурную деятельность. Я всегда развиваю бурную деятельность, так говорит мама. А девочка все стоит и смотрит. Наконец, ура! — я нахожу несколько обломанных кирпичей. Сейчас мы им покажем, этим птицам!

Я размахиваюсь и кидаю камень. Но он летит мимо. Я опять кидаю. И опять мимо. И девочка все это видит. Тогда я хорошенько прицеливаюсь в одного жирного голубя и опять швыряю... и попадаю прямо в этого голубя! Голубь кувырнулся и полетел. За ним все птицы. Они взвиваются прямо тучей. И тут кто-то хватается меня за воротник...

Это дворник Ахмет в белом переднике с бляхой. Наш дворник татарин. Наш дворник очень высокий, здоровый.

— Ай, как плохо! — качает головой Ахмет. У него черные глаза и острые скулы. — Такой хороший мальчик, а хулиганишь! Зачем? Где мама?

— Мама дома, — отвечаю я. — Я не хулиганю. Это птицы хулиганят. Я их гоню...

— Ай-ай, нехорошо! — говорит Ахмет. — Аллах все видит! Идем к маме...

Он берет меня за руку и ведет в парадное. Все это, конечно, очень неприятно. Тем более, что я не виноват.

Памятник-то это понимает. А дворник не понимает. И аллах не понимает...

Я еще раз оглядываюсь: птиц на памятнике нет. Победа все-таки!

И тут я вижу, что та девчонка показывает мне язык... длинный, острый, красный язык!

Яблоки на голове

Когда дворник Ахмет привел меня к маме, она сказала:

— Спасибо вам. Я с Юрой поговорю.

И дворник ушел. Он, конечно, подумал, что мама будет меня ругать. Или даже бить. Ничего подобного! Меня вообще никогда не бьют. И не ругают. Со мной разговаривают. И мама со мной поговорила. Она сказала,

спускается глубоко вниз, туда, где когда-то действительно был мост через речку Неглинку. Сейчас вместо речки улица — улица Неглинка, и моста давным-давно нет. Никто даже не помнит, когда он был. А река течет в трубе под Москвой. Теперь вы понимаете, почему наша улица называется Кузнецкий мост?

Я мог бы прокатиться по всему Кузнецкому на санках или самокате — до самой Неглинки! Но мама сказала, что это опасно. Я могу попасть под лошадь или сшибить прохожего.

Поэтому я просто иду с мамой вниз пешком. У меня там одно важное дело: я должен получить подарок. Дело в том, что у меня есть один друг, продавец Ваня. Мы покупаем у него яблоки. Он их носит на голове. Как? Очень просто!

У Вани есть такой матерчатый бублик: он скручен из разных тряпок, а сверху обшит ситцем — синим в белый

что не надо сшибать птиц с памятника. Никто не поймет моих добрых намерений. Потому что со стороны это выглядит некрасиво.

А вообще-то мама со мной согласилась, что это плохо, когда на памятнике птицы сидят. Отучить бы их от этого. Но как? Вот в чем вопрос!

Потом мы с мамой идем на Кузнецкий мост. На самом деле это вовсе не мост и никаких кузнецов там нет. Это наша улица. Мама сказала, что кузнецы жили здесь когда-то очень давно. Наша улица горбата. Она

горошек. Этот бублик Ваня кладет себе на голову. А на бублик ставится деревянный лоток. С яблоками, например. Или не с яблоками. В общем, с любой поклажей. И так ее носят на голове, и поклажа не падает.

Это очень удобно — потому что руки остаются свободными. Если встретишь знакомого, можно с ним за руку поздороваться. А то как бы вы поздоровались, если руки заняты? Пришлось бы сначала ставить груз на землю, а потом уже здороваться. А это очень неудобно. А так — с грузом на голове — удобно...

Так что мы идем с мамой вниз по Кузнецкому к определенной цели; к моему продавцу Ване. Без цели я не люблю гулять. А если идешь к цели, то гулять интересно. Особенно с мамой: идешь и беседуешь! С мамой беседовать хорошо, потому что на всякий вопрос она знает ответ. Вот я ее и спрашиваю:

— Почему Аллах все видит?

— Откуда ты взял? — удивляется мама. — Кто тебе это сказал!

— Ахмет, — говорю я. — Аллах подглядел, как я гоняю птиц и сказал Ахмету... а он пожаловался тебе!

Мама смеется:

— Ох и хитрый этот Ахмет! Ничего не видел аллах! Его и нет вовсе! Дворник все это выдумал.

— Почему?

— Чтобы ты не шалил.

— А кто — Аллах?

— Аллах это бог. Но его нет.

«Какой хитрый этот дворник! — думаю я. — И — странно: почему есть Аллах, когда его нет? Почему у него тогда имя? Почему?»

Я иду и думаю, а вокруг так красиво. Падают пушистый снег и тепло. И народу много. И лошадей. И саней. Все это едет и ходит вверх и вниз, туда и сюда. И магазинов много. И торговцев — прямо на улице. У нас очень веселая улица!

— А у нас во дворе какая-то новая девчонка появилась, — говорю я маме. — Кто она?

— Немка, — говорит мама. — Она со своей мамой приехала из Германии. И будет жить у нас.

— В нашем доме?

— В нашем доме. Даже в нашей квартире.

— А почему она немка?

— Потому что у нее такая национальность. Вот ты, например, русский. У тебя русская национальность. Дворник Ахмет — татарин. А наш сосед Зусман — еврей. Все это люди разных национальностей. На земле много разных национальностей.

— А как зовут эту... немку?

— Ее зовут Гизи...

— Она показала мне язык!

— Это плохо, — говорит мама. — Наверное, ты ее обидел?

— Я с ней даже не разговаривал!

— Это недоразумение, — говорит мама. — Подожди, скоро ты с ней познакомишься.

Я иду и думаю: «Почему эта Гизи немка, а я русский? И почему дворник — татарин? Почему? Странно все-таки! И почему мы все не одной национальностей?»

— А вон твой Ваня! — говорит вдруг мама.

Я вижу вдали продавца Ваню. Он несет на голове яблоки. Они высоко плывут над толпой — красные веселые яблоки! Целая гора! Они так хорошо уложены на лотке, что ни одно не падает, хотя Ваня идет быстро. Он идет и размахивает руками. Не пустыми руками! Вон у него что-то в правой руке — это лоток! Маленький гладкооструганный лоток из желтого свежего дерева! Это лоток для меня! А в левой руке синий матерчатый бублик... Тоже для меня!

— Доброго здоровьица! — говорит Ваня. — А я шел к вам... Вот тебе, Юра, лоток...

Я беру лоток и бублик, задыхаясь от счастья. Я шепчу «спасибо» и смотрю на Ваню... но ничего не вижу: опять в памяти туман. Я только помню, что от Вани пахнет яблоками... сеном... и дегтем...

Присшествие на кухне

Вы видите — вон там, далеко-далеко в тумане стоит маленький мальчик с яблоками на голове? Маленький кудрявый мальчик, похожий на девочку? Он стоит в коротких штанах до колен, в красном свитере, с синим бубликом на голове, на котором лежит лоток с яблоками — видите? Этот мальчик — я.

Я стою в темном коридоре нашей квартиры. Коридор у нас изогнутый — буквой «Г». В одном конце коридора парадная дверь, а в другом кухня, и из кухни еще одна дверь — так называемый «черный ход». В середине этой буквы «Г» — в углу — наша комната, а направо и налево комнаты соседей. Я стою и думаю: куда мне сначала пойти продавать свои яблоки? Я их, конечно, продаю понарошку. Просто я так играю. Я продаю не на деньги, а на фантики. Фантики — это бумажки из-под конфет. Это большая ценность — фантики! В них тоже можно играть. А сейчас я играю в продавца.

К кому же мне пойти? Можно к рыжему Вовке. Вовка мой друг. Он очень передовой человек — Вовка, он пионер и ходит в пятый класс. И здорово рисует. Как настоящий художник. Фамилия его Зусман, и его отец, портной, тоже Зусман. А Вовкина мать не Зусман — она Жарикова. Странно, правда? Но это вовсе не странно, потому что Вовкина мать не настоящая мать — она мачеха. О, она очень строгая! Она курит. Но строгая она не потому, что курит, а вообще. Даже мужа своего, Вовкиного отца, она называет по фамилии: Зусман. Хотя у него тоже есть имя и отчество, как у всех нормальных людей. А Вовку она то и дело называет «товарищ пионер». Эту Жарикову я боюсь. Ее все боятся. Все называют ее за глаза Жарикова, а в глаза Анна Пална.

Но нет, лучше я пойду на кухню! Там сразу могу убить много зайцев... Вы знаете, что значит убить много зайцев? Никаких зайцев на кухне нет, и вовсе я не хочу их там убить. Я хочу увидеть на кухне жильцов. Там иногда можно увидеть сразу всех жильцов. Или почти всех. Я бы мог своим лотком на голове поразить сразу почти всех! Вот это и значит: убить много зайцев. Это так говорится.

Из кухни раздается сильный шум: гудение примусов, бульканье воды, звяканье посуды. Значит, там кто-то есть! И я иду на кухню.

Представьте-ка себе, что сразу включены десять приемников, которые не музыке передают, а рев и гудение. Это будет очень неприятный шум! Но происходит он вовсе не от приемников, а от примусов. Примуса, это, конечно, не приемники. Они ничего не принимают и не передают. Они варят. Газовая плита варит тихо и скромно. А примус не отличался скромностью. Он очень громко шумел, он коптил — кастрюли от него становились черными. Но больше варить было не на чем. Разве что на керосинке, но она тоже коптила. И всем дышала в лицо своим керосином. Примус и керосинка были тогда в почете, потому что деваться от них просто некуда было.

Если поставить рядом десять таких примусов, представляете, какое будет сумасшествие? Вы спросите — почему десять? Потому что раньше в одной квартире жило очень много народу — по десять семей! Да и сейчас еще живут, но сейчас это не повсюду, а раньше было повсюду. Раньше, в моем детстве, каждая семья жила в одной комнате. Каждая семья имела один, а то и два примуса, и все эти примуса стояли в общей кухне на маленьких колченогих столиках вдоль стен. И ревели.

Сейчас мы не представляем себе кухни без белого цвета. А раньше в кухне не было ничего белого. Разве что тарелки и чашки. А так все было темным. Грязно-зеленые стены, серый потолок, коричневый пол. И все это освещалось голой пыльной лампочкой под потолком. Вы спрашиваете: почему голой? Потому что на кухнях, обычно, не было абажуров. Кухня была общая, и никому не хотелось ею особенно заниматься. Но это еще не все. Белье тоже кипятили на примусах. Представляете себе: орут примуса, над бельем вздымаются клубы пара, тут же кипят борщи и шипят котлеты... Вот какой неудобной была коммунальная кухня! Сумасшедший дом какой-то! В этом сумасшедшем доме, конечно, не было никаких холодильников. Продукты хранили зимой за окном на веревочках, а летом вообще не хранили. Да и нечего было порой хранить. Потому что продукты вы-

давались по карточкам, ничего нельзя было себе купить сколько хочешь. Все выдавалось по норме, в ограниченном количестве. Тогда не говорили: «Я пойду покупать». Говорили: «Я пойду отоваривать карточки». Такая была жизнь.

Но относились все к этой жизни довольно спокойно, потому что другой жизни себе просто не представляли. А если и представляли, то только еще худшую: представляли голод. Все еще помнили этот голод, разруху,

Потому что если бы она мне не нравилась, было бы куда легче! Тогда бы я ее не стеснялся. А я ее стесняюсь! Именно потому, что она мне нравится. Когда я вижу Гизи, я сразу становлюсь неловким. Мне тогда все мешает, даже мои собственные руки! И ноги мне мешают, и голова! Я сам себе мешаю. А она мне не мешает. Нисколько! Даже наоборот: мне хочется с ней играть, но я не знаю, как начать. Я ничего не имею против, что она будет рядом — пожалуйста! Пусть всегда будет ря-

гражданскую войну — все это еще было свежо в памяти. Особенно у взрослых.

Вот в такую кухню я и шел по коридору — сорок лет назад, с лотком яблок на голове.

Войдя в кухню, я увидел там... Да, в худшее общество я попасть просто не мог! Угадайте-ка, кто там был! Никогда не угадает! Там была Гизи со своей мамой. Я сразу растерялся и прирос к месту. Почему я не мог попасть в худшее общество, спрашиваете вы? Вы, наверное, думаете, что Гизина мама плохая? Не угадали! Вообще не хочу сказать, что Гизина мама плохая. Может быть, вы думаете, потому это худшее общество, что Гизи показала мне у памятника язык? Вы думаете, мне не нравится Гизи? И вообще не поэтому! Чепуха это — язык! Я сам не раз показывал язык! Не в этом дело. Ну, так и быть, я вам скажу, в чем дело, — по секрету скажу! Теперь-то это можно сказать, потому что прошло уже сорок лет! Теперь-то можно сказать, после стольких лет, да и то под секретом, а тогда этого нельзя было сказать даже под секретом. Дело в том, что Гизи мне нравится... ну вот, вот я вам и сказал. Ну, так что же? — скажете вы. Почему она тогда «худшее общество»? Что-то непонятно! А вот и понятно! Очень даже понятно!

дом, всю жизнь! Не в этом дело. Все дело в том, как быть рядом с ней мне! Вот что сложно! Потому-то я сразу и прирос к месту, когда увидел ее на кухне.

Гизина мама стирала в большом корыте, а Гизи ей помогала. Девочки любят стирать, вы же знаете. По всей кухне стоял пар, три примуса рыдали во все свои медные огненные глотки, на них кипело белье и грелась вода в больших цинковых баках, потому что в те годы не было в кранах горячей воды, только холодная, и Гизи наливала эту холодную воду из крана в кастрюльку, а потом в корыто, а Гизина мама, вся красная, со слипшейся на лбу прядью волос, с засученными рукавами, в переднике, терла в корыте белье.

Когда я вошел, Гизина мама кивнула мне, улыбнувшись. А Гизи не кивнула, хотя она меня тоже видела, не могла не видеть, как я стоял со своими яблоками на голове. Гизи тоже была в переднике, с белым бантом в черных волосах — волосы у Гизи гладкие, как воронье крыло. Глаза черные, большие. А щеки бледные, с розовым румянцем. Когда она улыбается, у нее на щеках появляются ямочки. Но сейчас она не улыбалась. Она ходила по кухне с маленькой кастрюлькой в руках: от умывальника к корыту и обратно. Наливала маме воду.

Нет, Зусман мужской портной, он даже на парадной двери табличку прибил: «Мужской портной Липа Борисович Зусман». И все! Коротко и ясно! Буквы на этой табличке не простые, а с вязью. Это значит, с разными узорами в буквах, сами буквы как узор, так что вы сразу и не поймете, какие это буквы. Я-то понимаю, потому что мне мама объяснила, какие это буквы.

Зусман сидит на большом столе, поджав под себя ноги, в жилете поверх полосатой рубашки, на длинной худой шее у него висит сантиметр, он склонил голову, и лысина его светится, как луна, потому что прямо над ней горит яркая лампа под газетным колпаком. Лампа всегда горит, даже днем. От Зусмановой лысины исходит сияние на всю комнату, потому что вокруг лысины выются рыжие кудри. Зусман смотрит на меня поверх очков, не поднимая головы:

— Здравствуйте-пожалуйста! — говорит он. — Что это за новости?

Он имеет в виду мои яблоки на голове.

— Это я яблоки продаю! — я ставлю лоток на стол, заваленный лоскутами материи.

— Какие такие яблоки? — раздается бас из-за ширмы в углу, и оттуда выходит Жарикова, жена Зусмана. Она говорит басом и все время курит. Хотя сама маленькая и худая. Мама говорит, что это просто удивительно — где в Жариковой помещается этот бас, такой богатый и глубокий! Но человеческий организм очень сложная машина, говорит мама, некоторые толстые люди пищат, как котят, а худые, как Жарикова — басы, как будто у них внутри помещается труба! Я смотрю на Жарикову и думаю об этой трубе — где она в ней помещается? Совершенно непонятно!

— Совершенно непонятно, откуда у тебя такие замашки — яблоками торговать! — трубят Жарикова. — Ты же сын интеллигентных родителей!

— Ну, что вы, Анна Пална! Коммерческая жилка человеку не помешает! — поднимает голову Зусман; он называет Жарикову по имени-отчеству и говорит ей «вы».

— Я хочу с Вовкой поиграть в лоточников! — говорю я робко.

Я ее немножко боюсь, как все в квартире.

— Этого еще не хватало! — дымит папиросой Жарикова. — Вова придет из школы и будет рисовать! Ему некогда!

— Я тоже хочу рисовать, — говорю я тихо.

— Рисование не баловство! — строго возражает Жарикова. — Это серьезное дело...

— И я хочу серьезно, — говорю я.

— Ты еще мал! — категорически изрекает Жарикова. — А Вова занимается этим серьезно! Потому что у него талант! Он будет художником!

— Я тоже хочу художником, — говорю я. — Я могу лошадь нарисовать... — мне вдруг очень хочется стать художником.

— Ты еще неизвестно кем будешь, — басит Жарикова. — Надеюсь, конечно, не лоточником... Подрасти немного, тогда увидим, — и она опять уходит за ширму.

А мне становится грустно, что она мне не верит. Ведь я же могу лошадь нарисовать! И дом нарисовать могу!

И танк. И самолет. Я много что могу нарисовать. Вова, конечно, лучше рисует, раз он в пятом классе. Но и я ведь не маленький. А она всегда говорит, что я мал. И это мне очень обидно...

— Ты не сердись на Анну Палну! — с улыбкой говорит Зусман. — Она человек серьезный! И к рисованию относится свято!

— А почему вы на столе сидите? — спрашиваю я.

— Чтобы быть ближе к свету, — говорит Зусман.

Он действительно сидит под самой лампой.

— А у вас ноги не устают так сидеть?

— Я привык, — говорит Зусман. — Я могу так всю жизнь сидеть. Конечно, с перерывами...

— И я могу! — говорю я гордо. — Я на полу так сижу, когда играю... Я тоже так могу всю жизнь!

— Не хочешь ли ты уже стать портным? — смеется Зусман.

— Хочу! — говорю я, мне вдруг очень хочется стать портным.

— Вот видишь! — басит из-за ширмы Жарикова. — Ты еще сам не знаешь, кем хочешь стать...

Над ширмой клубами поднимается дым — как будто там костер горит.

— Я всем хочу стать, — говорю я. — И художником, и портным, а еще летчиком!

— Леонардо-да-Винчи! — смеется Зусман.

— Чего? — спрашиваю я.

— Был такой художник — Леонардо-да-Винчи, — объясняет Зусман, — он был художником, изобретателем, врачом...

— Ну что ты, Зусман, морочишь ребенку голову! — возмущается Жарикова. — Человек должен выбрать одну цель и к ней стремиться.

— Я не хочу одну, я хочу много! — говорю я весело. — Я хочу все!

— Юлий Цезарь! — смеется Зусман.

— Да ну вас! — сердито басит Жарикова. — Пойду лучше суп поставлю... Скоро Вова придет...

И она выходит, дымя папиросой «Пушка». Она сама дымит, как пушка после пальбы.

Зусман сидит, низко склонившись над левым коленом, и в руках у него мелькает иглолка.

— Ты ее боишься? — весело спрашивает Зусман. Я киваю. — Ты не смотри, что она такая строгая! — говорит Зусман. — Она шумная, но добрая! И очень любит Вову. Она и тебя любит...

— А что это у вас под коленом? — показываю я на деревяшку под левым коленом Зусмана, на котором он шьет.

— Это рукавная колодка, — объясняет Зусман.

— На ней рукава шьют?

— Ты же видишь — я перешиваю рукав...

— А почему вы его перешиваете?

— Взятся костюм переделать, — говорит Зусман. — Рукава у него очень передисты...

— Как — передисты?

— Вперед вшиты, как для извозчика! — говорит Зусман. — Извозчик ведь как на облучке сидит? Вот так! — и Зусман вытягивает вперед руки, как будто держит в них вожжи. — Если рукава вперед смотрят, говорят, что они передисты, то есть для извозчика шиты. А бывают задистые рукава, — которые назад смотрят...

— А это для кого?

— А это тем, кто любит спину чесать! Понятно? — подмигивает Зусман.

Мне все это очень интересно.

— Надо, чтоб рукава прямо вниз висели, вон как на том пиджаке, — кивает Зусман на красивый синий пиджак, который висит рядом на манекене. — Это нормальные рукава.

Манекен в пиджаке выглядит очень важным. Хотя он без головы и без рук. У Зусмана несколько таких манекенов, они стоят у стены. Когда они голые, они какие-то жалкие, а когда в пиджаках — очень важные, даром

что без головы и без рук! И мне почему-то хочется на них шляпы надеть.

У Зусмана очень интересная комната — когда в нееходишь, кажется, что в ней много народу — это потому, что у стены собрались манекены. Они там как будто шепчутся. Потом только видишь, что они безголовые.

— А еще какие рукава бывают? — спрашивал я.

— Больше никаких не бывает!

Тут открывается дверь и входят Вовка с Жариковой. Вовка весело кивает мне и швыряет на диван свой ранец.

— Сейчас Вова будет уроки делать, а потом рисовать! — громко говорит Жарикова. — Так что ты, Юра, иди-ка лучше домой...

Я грустно беру со стола свой лоток с яблоками. Вовка провожает меня до двери.

— Выходи через час во двор, — шепчет он. — Нарисуй ей одну картиночку — и сбегу... Жди меня там!

— Давай, давай, товарищ пионер! Принимайся за дело! — слышу я за спиной трубный глас Жариковой.

Вовка

Вовка — это мой самый близкий друг! И я его люблю! Конечно, он не такой уж красивый, Вовка. Он рыжий. И все лицо у него в веснушках. Даже зимой. Но не в этом дело. Он же не девочка, чтобы обязательно быть красивым. Так мама говорит. Зато Вовка ловкий. И сильный. И умный. И еще он за меня во дворе заступается. Когда Вовка во дворе, тогда я спокоен: никто меня не обидит. И моя мама тогда спокойна. Потому что Вовка каждому сдачи даст, кто захочет меня обидеть.

Не знаю, почему мы так с Вовкой подружились. Наверное потому, что нам с ним всего интереснее. Ему со мной интересно, а мне с ним. Вовка ведь все знает, про все рассказать может. И про машины он знает, какая какой марки — «Форд», или «Амо», или «Линкольн» — и про самолеты он тоже знает. И про радио знает, а про радио в моем детстве никто почти не знал. Ни у кого в нашей квартире приемника не было, а у Вовки был! Он его сам в Доме пионеров собрал, «детектор» называется. Там такой маленький кристаллик под стеклом — тыкаешь в этот кристаллик рычажком с проводочкой на конце и ловишь разные станции! «Коминтерн», например! А можно и за границу поймать! Ночью, когда все спят...

Но лучше всего Вовка умеет рисовать. «Он будет большим художником!» — это все всегда говорили. Особенно Жарикова, его мачеха. Настоящая Вовкина мать давно умерла, он показывал мне ее карточку в альбоме. Тайком показывал, когда Жариковой дома не было. Вовка говорит, что она не любит, когда он вспоминает свою настоящую мать. Вовка говорит, что Жарикова его ревнует к умершей... Странно, правда? Что к ней ревновать, когда она все равно умерла! Но такой уж она, Жарикова, человек. Она Вовку очень любит. И Зусмана она очень любит. Она их обоих ко всем ревнует. Хочет, чтобы Вовка стал человеком. Она все время об этом твердит. Как будто Вовка не человек! Он ведь и так человек! И еще какой человек, скажу я вам! Очень хороший человек...

Мне иногда немножко жалко Вову, что у него не мать, а мачеха. Хотя я ему этого не говорю. Мама сказала, что это неудобно говорить. Надо Вову просто уважать, и все. Потому что он добрый. И самостоятельный. Он всегда сам уроки делает. И пол в комнате моет. И обед иногда готовит, когда Жариковой некогда. Он в школу ходит один с первого класса, с самого первого дня! Согласитесь, что это редкость! Обычно всех мамы в первый раз в школу приводят. А Вовка сам пошел, и даже не плакал. Он мне рассказывал. Такой уж он самостоятельный человек.

Первое письмо Воровскому

В нашем дворе я часто гулял один. Вовка редко бывал во дворе, он ходил в школу, а потом делал уроки и рисовал — времени у него было мало. Моей маме некогда было со мной гулять, она все время работала и, когда я гулял, смотрела на меня из окна. Так что я был во дворе большей частью один, правда, не совсем: со мной еще был памятник Воровскому. Он то всегда был во дворе, в любую погоду! Поэтому я не особенно скучал — я думал. Я смотрел на Воровского и мысленно с ним разговаривал.

Я очень жалел Воровского, что его убили. Отец говорил, что Воровский был очень хорошим человеком. Умным. И добрым. Они с отцом вместе работали за границей, даже были друзьями. Когда меня еще не было на свете, вот когда! Странно, правда — что меня когда-то на свете не было? А отец, мама и Воровский уже были... А сейчас я есть, а Воровского нет! Его нет как человека, он стал памятником. Как будто свет — это дом, в который приходят, а потом опять куда-то уходят. Откуда приходят и куда уходят?

Я стоял и думал, глядя на Воровского. Он был ярко освещен морозным солнцем. Зимой, когда яркое солнце, у нас всегда мороз. Воровский был четко освещен, каменные черты его лица были неподвижны. Он весь был неподвижен, хотя весь в движении, как будто только что говорил речь и вдруг застыл на одно мгновение. И это мгновение остановилось. Но мне казалось, что он вот-вот снова заговорит. У него был очень живой вид, даром что он памятник. У него была какая-то своя, памятник-овская жизнь, я это видел ясно... А может, он все-таки живой?

В тот день я много думал о Воровском — когда гулял и смотрел на него во дворе, и потом, дома, когда смотрел на него из окна. Мне все казалось, что он может пошевелиться, когда я на него не смотрю... когда я отворачиваюсь. «Неужели у него не затекают руки и ноги?» — думал я.

Я так много о нем думал, что решил вдруг написать ему письмо. Я только маме показал это письмо, больше никому. Но она сама ничего не смогла прочесть. Потому что у меня такие буквы. Мама их еще не понимает. Тогда я объяснил ей, что я написал. Я написал:

«Дорогой памятник Воровскому! Я знаю, что ты живой. Этого никто не знает. Все говорят, что ты раньше был живой, а сейчас не живой. Но ты не беспокойся, потому что я знаю, что ты живой. Меня зовут Юра. Через год я в школу пойду. Ты приходи к нам когда-нибудь в гости. И мы с тобой будем сказки рассказывать. И про революцию ты расскажешь. А я скажу тебе про секрет: мне нравится Гизи. Я только не знаю, как мне с нею познакомиться. Конец. До свидания. Юра».

Мама сказала, что это очень хорошее письмо.

А потом мы с мамой идем во двор и я потихоньку кладу письмо на камень, на котором стоит Воровский. Вечером, чтобы никто не видел. Я хотел ему в карман сунуть, но карман очень высоко. А потом мы уходим — тихо-тихо, на цыпочках.

Завтра утром я пойду и проверю — где письмо. Если письма нет, значит, он его взял и прочел... Посмотрим!

Иосиф, ах Иосиф!

Я иногда зову отца Иосиф. Маму я всегда зову мама, а отца иногда зову Иосиф. Многие, конечно, этому удивляются. Для них это звучит странно. Особенно соседка Ляпкина удивляется, когда это слышит. Она говорит:

— Как тебе не стыдно! Какой он тебе Иосиф? Он тебе папа, а не Иосиф! Разве это воспитание?

Я говорю:
— Воспитание!
— Это просто ужас! — говорит Ляпкина. — Никакого уважения!

— Уважение! — говорю я.
— Это не уважение! Это отрицание! Всего святого!
— Какой святой? — спрашиваю. — Мой отец не святой!

Ляпкина хватается за голову. За свои локоны, похожие на сосиски.

— Ужас! — восклицает она. — Куда ты идешь? Куда?

— В кино, — говорю я. — С Иосифом!

Я нарочно говорю: «с Иосифом».

— Ужас! — восклицает она. — Ты ребенок или не ребенок?

— Не ребенок! — говорю я. — Я Юра. А мой папа Иосиф.

Она поднимает над головой руки и так, с поднятыми руками, поворачивается ко мне спиной и уходит.

Когда Ляпкина рассказывает об этом маме, мама смеется. «Ах, оставьте его!» — говорит мама. — Ему так нравится. И Иосифу нравится. У них с отцом особые отношения».

Ляпкина никак не могла понять, какие у нас с отцом отношения. Откуда ей понять? Во всяком случае, меня никогда не порют. А Ляпкин своего сына порет. Хотя он называет отца только «папа». Что лучше, по-вашему? Когда называют отца папой и он тебя порет или когда его называют Иосифом и он тебя не порет? Вот то-то и оно!

У нас с отцом совсем особые отношения. Товарищеские. А с «Иосифом» у нас была целая история. Не просто же так, ни с того ни с сего, стал я звать его Иосифом. Тут секрет! Сейчас я вам расскажу.

Один раз я слышал, как мама читала отцу стихи. Вот с этими стихами и случилась история. Стихи написал один известный поэт, и что самое интересное — его тоже звали Иосифом: этот поэт был Иосиф Уткин. Очень хорошие стихи он писал. В одном стихотворении у него такие строчки:

И взгляд подслепый бросив,
Старуха обмерла:
Иосиф, ах Иосиф!
Я так тебя ждала!

Очень трогательные стихи! В этих стихах описывается, как одна мать ждала своего сына. Она очень долго его ждала, а он все не приходил. А она его очень любила, конечно, ей без него было плохо. Трудное время было, она голодала. Разруха, война и так далее. И сын был где-то далеко, кажется, на фронте. И вдруг он пришел! Вы представляете, какая радость была для матери? Она уже совсем было ослепла. Все свои глаза слезами выплакала. И вдруг он приходит! Вот тут она и сказала ему:

Иосиф, ах Иосиф!
Я так тебя ждала!

Эти стихи я сразу запомнил. Хотя я их вовсе не заучивал, один раз только слышал, как мама читала. Стихи мне очень понравились! Во-первых, потому, что это трогательные стихи. А во-вторых, вы догадываетесь почему? Потому что там сказано «Иосиф»! Так тепло сказано. Хотя Иосиф там вовсе не отец, а сын. Совсем наоборот! Но не в этом дело.

Дело в том, что я эти стихи один раз здорово прочитал...

Я вам уже говорил, что мой отец всегда поздно приходил с работы. Мы с мамой к этому, в общем-то, привыкли.

Но один раз отец хотел прийти пораньше. Мы должны были с ним идти в кино. Мы давно хотели с ним пойти в кино, и все как-то не удавалось. А тут уж мы решили пойти твердо. Во что бы то ни стало! Вот я отца

и ждал. Ждал долго-долго, весь день. А он все не приходил. Уже давно ночь наступила, и я уже хотел спать ложиться — как вдруг — представляете: он входит! Усталый и грустный. И тут я подошел к нему и говорю:

И взгляд подслепый бросив,
Старуха обмерла:
Иосиф, ах Иосиф!
Я так тебя ждала!

Вот это был номер! Он сразу схватил меня в охапку, закинул на спину и стал катать по комнате на спине! И хохотал! И я хохотал! И мама хохотала! Мы все хохотали! До глубокой ночи!

В тот вечер мы должны были идти в кино, в клуб ВЦИКа, мы об этом давно мечтали, и кино должно было быть замечательным, но мы не пошли в кино! Потому что было уже поздно! Это во-первых! А во-вторых, мы в этот момент вдруг забыли про кино! Мы просто сидели, пили чай и хохотали! И так, смеясь, легли спать.

А всего-то стихи были в этом виноваты! Вот что могут сделать с человеком стихи! Конечно, если они талантливые. И если их вовремя вспомнить. Вспомнить к месту.

Второе письмо Воровскому

На другое утро я пошел и проверил — где мое письмо, которое я написал Воровскому... Письма на месте не было! Значит, он его взял и прочел! Вот что интересно!

Я посмотрел на Воровского — и он мне подмигнул, честное слово! Хотя стоял с таким видом, — как будто никакого письма не читал! Но это он нарочно делал такой вид, чтобы никто не знал о нашей переписке. Это же ясно! Молодец, Воровский! И тогда я сразу побежал домой и написал ему еще одно письмо. Я написал:

«Дорогой товарищ Воровский! Хорошо, что ты прочитал мое письмо. Если тебе трудно, ты не отвечай. А я все равно буду писать. Часто. Чтобы тебе было веселей. Чтобы ты знал, что у нас бывает. Вот Ляпкин-маленький дразнит немку «Гизи-Дризи». И это плохо. Я Ляпкину сказал. Когда мы делали ковер на снегу, ее не хотели в игру взять. Говорят, что она девчонка. Ну и что же, что девчонка? Что тут плохого? А потом, она гость. А гостя дразнить нельзя. Жалко, что я на кухне поскользнулся. Теперь не знаю, как мне быть. Мне очень хочется с ней играть. Но это секрет. До свидания. Юра».

Это письмо я тоже положил на пьедестал. Так, чтобы видел только Воровский, а больше никто.

Красная девица

Каждая глава всегда начинается с красной строки. То есть с большой буквы, немного отступая от края. Начнешь с красной строки и жмешь до конца, пока не сказал все, о чем хотел сказать. Так же я буду писать и эту главу. И все-таки эта глава особенная: я начинаю ее с красной строки, чтобы поговорить обо всем красном!

Какой цвет самый лучший? Ясно, что красный! Это я так считаю. И не только я. Мой отец так считал. И мама. И все их друзья. И мои друзья тоже — Вовка, например. И Гизи. И еще тысячи и миллионы других людей. Может быть, кто-нибудь скажет, что красный цвет не самый лучший? Вполне это допускаю. Допускаю, что где-нибудь на другом конце земли в почете какой-нибудь другой цвет. Но у нас, у русских, всегда в почете был именно красный цвет.

Красным наш народ всегда называл все самое лучшее: так повелось с древнейших времен. Недаром солнышко в сказке всегда называлось не желтым или оранжевым, а именно красным. Хотя красным оно бывает только на восходе или на закате или в сильный мороз.

А в сказке оно всегда красное. И про хорошего человека там всегда говорится: он, как красное солнышко!

А красная изба? Так всегда называлась самая красивая изба. Не какая-нибудь там халупка, а изба светлая, чистая, с трубой, с изразцовой печкой и резными нарядными окнами. И самое почетное место в избе всегда называлось — красный угол. Туда сажали почетного гостя. И окна, которые смотрят на восход, всегда назывались красными окнами. И лавочка под этими окнами всегда называлась красной. И парадное крыльцо называлось красное крыльцо... да, все, все самое лучшее всегда называлось в нашем языке красным! Красное дерево, красный товар, красное настроение.

С красным цветом у нас были всегда исключительные отношения. Но особенно почетным стал у нас красный цвет в начале века. Когда рабочие и крестьяне стали подниматься на борьбу с царем, когда они впервые вышли на улицу с красным флагом. А после Великой Октябрьской революции, когда рабочие и крестьяне победили, красный цвет стал у нас самым главным: он стал государственным цветом!

Посмотрите только, какое важное место занимает красный цвет в нашей жизни! Наше знамя — красное, и самый наш старый боевой орден называется орденом Красного Знамени, и пионерский галстук — красный, и октябрятский значок...

Вы видите, что все это не случайно. Так получилось потому, что в красном цвете наше героическое прошлое и светлое будущее. Здесь и вековая любовь нашего народа к красному цвету. И память о пролитой крови миллионов народных борцов. И наша будущая цель — коммунизм.

Слово «красный» — очень богатое слово. В нем много оттенков. И много старинных выражений, поговорок связано с этим словом.

Говорят, например: «Рыжий да красный — человек опасный!» Ну, в отношении рыжего это я так понимаю, что в шутку говорится. Ибо какой же он, рыжий, опасный человек! И вовсе не опаснее черного! Вот Вовка, например, был рыжий, и вовсе он был не опасный, а мой друг! Тут рыжему попало просто ради шутки, ради красного словца. Ведь говорят же: «Ради красного словца не пожалел родного отца!» Это надо понимать в том смысле, что шутки иногда бывают несправедливо обидными. Начнет кто-нибудь шутить, не подумав, просто так — шутит ради шутки, языком болтает, может быть, и красиво, да не по существу. Глядь — и человека обидит, да не кого-нибудь, а родного отца! Это уж никуда не годится! Вот я и считаю, что рыжего в данном случае обидели незаслуженно. Но если откинуть рыжего, если сказать — «красный — человек опасный» — эта поговорка уже звучит серьезно! Почему? Да потому что красный, конечно, человек опасный! Вопрос только — для кого? Для белых он опасный, вот для кого! Недаром фашисты — самые уж белые из белых — так ненавидят красных, то есть нас! Наколотили мы им когда-то, в свое время! И еще наколотим, если они попробуют поднять голову!

Так что красный — человек опасный! Это уж точно. Спросите любого белого, и он вам это подтвердит. А для честных людей всего мира красный цвет вовсе не опасный. Наоборот! Они его любят и чтут, и знают за что: за то же самое, за что любим и чтим его мы с вами. Так оно было в моем детстве и осталось до сих пор, даже если мы об этом иногда и не говорим.

Да, но при чем же здесь «красная девица»? — спросите вы. Дело в том, что это тоже старинное русское выражение, связанное со словом «красный». И еще это выражение связано с этой повестью, со всем, что я вам сейчас рассказываю. Это связано с Гизи! Да, да! Гизи вполне можно было назвать красной девицей: во всех отношениях. И потому, что она была красивой — это раз! И потому, что она была наша красная маленькая коммунистка, из такой же красной семьи, как я — это два! Ее семья была семьей немецких коммунистов, а моя

семья — семья русских коммунистов. Но не в этом дело. Все это связано с Гизи не потому, что она была красной девицей, а потому, что красной девицей был я!

Вы спрашиваете, как может мальчик быть красной девицей? Дело в том, что это выражение применяют не только к девочкам, но и к мальчикам. Сейчас я вам поясню это на примере...

Мы с мамой ходили в магазин на Кузнецкий мост, а когда вернулись и вошли во двор, он был пуст и тих. Только памятник Воровскому стоял задумчиво в середине. Вовка еще в школе сидел, а Ляпкин-маленький не

известно где сидел. Мы медленно шли через двор — у мамы была тяжелая сумка, — скрип-скрип — похрустывал под ногами снег.

И вдруг я увидел — вышла Гизи из парадного! «Вышла, вышла, вышла!» — скрипел снег под ногами. Да я и сам вижу, что вышла! Я вспомнил тот позорный случай на кухне, как я поскользнулся с лотком на голове. И сделал вид, что не вижу, как Гизи идет по двору с лопаткой в руке.

Мама останавливается: скрип — смолкает снег.

— Юра! Посмотри! Вон Гизи вышла! — говорит мама.

— Где? — я нарочно смотрю в другую сторону.

— Да не туда смотришь! — тянет меня за руку мама. — Вон, видишь?

— Вижу...

— Пойди с ней поиграй!

— Не хочу я...

— Почему?

— Так...

— Что это за «так»? Ничего не бывает «так»... просто стесняешься ты, как красная девица!

Ну вот! Вот мама и сказала эти слова! Понимаете, в каком смысле обо мне она это сказала? Это было, конечно, очень неприятно!

— Вовсе я не красная девица!

— Тогда подойди!

— Не хочу я!

— Ну, как знаешь! — сказала мама. — Будь красной девицей...

Краем глаза я смотрел на Гизи — она разгребала лопаткой снег...

Я нарочно сказал, что не хочу к ней подойти. Я очень хотел подойти! Неплохо бы построить с ней какую-нибудь крепость! Но оттого, что мне очень хотелось подойти, я еще больше не мог подойти! Понимаете? Разве с вами такого не случалось? Конечно, случалось!

И тут вдруг высочила эта сумасшедшая собачка! Собачка высочила из-за угла, постояла секунду как вкопанная, покосилась на нас, а потом вдруг кинулась с лаем на Гизи! Я знал эту собачку, она часто гуляла у нас во дворе со своей старушкой хозяйкой, она была очень глупая, часто лаяла ни с того ни с сего, вот как сейчас. Не старушка, конечно, а собачка. Наверное, она увидела, что Гизи — новый в нашем дворе человек, вот и кинулась сдуру на Гизи.

Гизи, видно, испугалась. Хотя эта собачка была совсем маленькая, но очень уж свирепая: вся лохматая, с нависшими на глаза космами грязно-белых волос, как фурия какая-нибудь, с налитыми кровью глазками... Что такое фурия? Фурия — это ведьма. Я всегда звал эту собачку фурией, хотя на самом деле ее звали Жужу.

Эта фурия накинулась на Гизи с вытаращенными глазами, оскаленными зубами, брызгая слюной, как сумасшедшая! Она уже схватила Гизи за пальто! И никто не приходил Гизи на помощь! И тут я пришел ей на помощь! Я подбежал сзади к Гизи, выхватил у нее лопату и хлопнул фурию по лохмоту мягкому месту! Она взвизгнула и помчалась в сторону! Весь ее пыл сразу пропал!

— Эй, мальчишка! Ты что обижаешь собаку? — закричала хозяйка Жужу, семенившая через двор.

— Пусть ваша собака не нападает на детей! — громко сказала мама.

И старушка сразу улетучилась, подхватив свою фурию подмышку.

Я посмотрел на Гизи... Она мне улыбалась! Улыбалась своей особенной улыбкой, которую я видел первый раз. Вот так мы с Гизи и познакомились. И я доказал, что я не красная девица! Если я и был красной девицей, то очень недолго.

Третье письмо Воровскому

Так мы стали с Гизи друзьями — наконец-то! Мама сказала, что это для меня очень полезно — общаться с Гизи — потому что она в совершенстве знает немецкий. Разговаривая с ней, я могу совершенствоваться в немецком языке. А еще полезно общаться с ней просто так — потому что она девочка. Нельзя же все время играть только с мальчишками! Это значит быть одиноким, сказала мама. А я не хочу быть одиноким. Девочки — это совсем особый мир, я уже вам это доказывал, и надо с этим миром общаться. У девочек можно многому научиться. Аккуратности, например. И еще многому, о чем вы даже не подозреваете.

И все же я часто оставался одиноким: все так же гулял во дворе с Воровским. С Гизи я играл в основном дома. Потому что ей нельзя было много гулять, она часто простужалась. К нашей суровой зиме она привыкала медленно. Гизину маму пугали наши морозы, в Германии ведь нет такой зимы. К тому же Гизи была очень слабой, мама и старалась ее держать побольше дома. А я наоборот — почти все время гулял. В любую погоду: нам с Воровским все было нипочем!

На днях я ему опять написал письмо:

«Дорогой Воровский! Сегодня ночью я летал — высоко-высоко, над морозной Москвой. Она вся была в синей дымке, в инее и наш дом был в инее, и ты... Я сам тоже был в инее: но мне было тепло! Я ведь тоже закален, как и ты, и морозов не боюсь. Мы, русские, все закаленные люди. А вот Гизи не закаленная: она морозов боится. Но это и понятно: она немка и нездоровая.

Она и приехала-то к нам в СССР лечиться. Гизи всегда грустная, потому что думает о своем папе, который остался в Германии. Он там делает Революцию, как и ты делал. Потому что он пролетарий. Он за нас. А мы за него. Жаль только, что мы не можем ему помочь Революцию делать. Мы-то у себя сделали, а они должны у себя делать. Каждый должен делать сам, сказал Иосиф. Мы им, конечно, немножко помогаем. А сейчас я должен Гизи помогать. Чтобы она веселая была. Играть с ней. И все ей дарить. Все, что захочет. Любую игрушку, даже самую дорогую. Ну, пока! Сейчас я пойду с Гизи играть, а то она там что-то плачет в своей комнате. Юра».

Разговор во дворе

В небе над Москвой уже несколько дней живут облака. Солнца теперь не видно, зато стало тепло. И Гизи стала больше гулять.

Я вышел вместе с ней во двор. Ляпкин-маленький был уже там. Снег вовсю сыпал с неба большими пушистыми хлопьями, весь воздух был полон падающих хлопьев, и в середине этой метели стоял облепленный снегом памятник Воровскому и Ляпкин-маленький ходил вокруг него на лыжах. Потому что Ляпкину купили новые лыжи.

Метель была густая-густая. Крупные снежинки сразу липли на лицо и таяли. И Москва вдали, позади памятника Воровскому, тоже таяла. Таяла, но не растаивала. Как на киноэкране. Очень было красиво! Я очень люблю метель!

Я сразу сказал Гизи:

— Schau! Ein russischer Schneesturm! — я ей по-немецки сказал. По-немецки метель называется «снежный шторм». Потому что снежинки тогда штормуют землю. Как маленькие парашютисты.

Гизи посмотрела, прищурившись, вверх, и на ее ресницы сразу сели три снежинки. У нее очень длинные ресницы, у Гизи. И в рот ей влетела снежинка. Потому что она открыла рот. Попробуйте прищуриться — и у вас сразу откроется рот... конечно, если его не зажимать!

— Oi! — сказала Гизи. — Frau Holle schüttelt ihre Betten!

Она это очень интересно сказала, я никогда не слышал. Это в переводе значит: «Тетя Метелица взбивает свои перины». Но Гизи не сказала «тетя», то есть «Tante», она сказала «Frau», то есть «женщина». Так по-немецки обращаются к женщине. Когда у нас обращаются к женщине, допустим, к какой-нибудь Ивановой, то говорят «гражданка Иванова». А немцы бы сказали: Frau Iwanowa. Но сказать «женщина Метелица» или «гражданка Метелица» — звучит как-то неуклюже. Потому что я перевел вам «тетя Метелица». Хотя она нам никакая не тетя. Какая она нам тетя? Смешно!

Я спросил у Гизи: почему Метелица взбивает перины? И какие перины? А Гизи сказала, что Метелица, которая живет на небе, иногда делает у себя уборку. И тогда она взбивает толстые перины, на которых спит. Потому что она любит спать на толстых мягких перинах. Она вообще любит поспать. И когда она спит, на земле никакого снегопада нет. А когда она делает уборку и взбивает свои перины, на нас сыплется снег. Вроде пуха. Знаете, какие у нее перины? Облака у нее перины, вот что! Потому что она спит на облаках! Там — у себя — в небе...

Я спросил Гизи:

— Wer hat dir das gesagt? — то есть: «Кто тебе это сказал?»

А Гизи в ответ улыбнулась:

— Mein kleiner Finger hat es mir gesagt, — сказала она, то есть: «Мой мизинец мне это сказал!»

Как вам это нравится? Хитрая все-таки Гизи! Здорово

она умеет сказать! Но я тоже здорово могу сказать. Если захочу.

Мы с ней медленно шли по двору, ловя ртом снежинки, которые все падали и падали, залепляя все кругом: и памятник Воровскому в середине, и Ляпкина-маленького, который неуклюже ходил вокруг на своих новеньких лыжах.

Я показал пальцем на Ляпкина и спросил Гизи:

— Du denkst, er ist in der Mitte? — то есть: «Ты думаешь, он в середине?»

А Гизи сказала:

— Man soll nicht mit dem Finger zeigen, — то есть: «Нельзя показывать пальцем».

— Warum? — «почему», — спросил я.

— Darum, — ответила Гизи. — Es ist nich schön, — то есть: «Потому! Это некрасиво!»

Почему некрасиво? Странно! Но Гизи объяснила, что показывать на что-нибудь пальцем некрасиво. Надо показывать глазами, поворотом головы, в крайнем случае, просто рукой — но не пальцем. Это невоспитанно.

И тогда я показал в сторону ходившего на лыжах Ляпкина головой и спросил:

— Ты думаешь, он в середине?

Гизи посмотрела на меня с удивлением: в какой середине? «В середине двора? Конечно, в середине!» — сказала она. «А вот и нет», — сказал я. — «А вот и нет! Ляпкин не в середине, и даже Воровский не в середине!» — «Warum?» — спросила Гизи, и я ответил ей: «Darum!» Надеюсь, вы уже запомнили, что значит «warum — da-

rum», я не буду вам больше этого объяснять. Что я раз объяснил, я повторять не буду. А вы запоминайте. Таким образом, прочтя эту книгу до конца, вы уже кое-что будете знать по-немецки.

Итак, я сказал ей «darum» и хитро на нее посмотрел. «Это мы в середине», — сказал я: «Wir sind in der Mitte». Она не поняла, как это «мы в середине», когда мы стоим с краю двора, возле стены, а Ляпкин возле памятника, в середине двора. Она подумала, что это я так болтаю. Но я вовсе не болтал!

Я спросил ее, видела ли она когда-нибудь горизонт в чистом поле? И Гизи сказала, что не видела. Я даже удивился: не видела горизонта! «Никогда-никогда-никогда?» — спросил я. И Гизи сказала, что один раз она немножко видела горизонт у себя в Берлине, между домами и фабриками: ма-аленький кусочек... Мне ее даже жалко стало — не видеть горизонта! Это же очень плохо! «А на море ты видела горизонт?» — спросил я. На море лучше всего видно горизонт, я в прошлом году был с мамой на море, и мы видели горизонт, даже не с берега, а с корабля! Потому что мы с мамой катались на корабле. Горизонт на море — это такой ровный, гладкий, далекий круг, край неба, там, где оно опускается к воде. Мы с мамой там плыли на корабле, все время плыли по морю, все дальше и дальше, и этот круг — горизонт то есть — все время передвигался за нами, куда бы мы ни поплыли — к берегу или от берега — и мы все время были в середине этого круга. А все люди, которые ехали с нами на корабле, были сбоку, вокруг

нас, конечно, близко к середине, но не в самой середине. В самой середине круга всегда были я и мама! Только я и мама!

А Гизи сказала, что она никогда не видела моря. У них в Германии тоже есть море, и туда можно поехать, но это стоит очень дорого, туда ездят только богатые, а ее папа рабочий, и мама у нее тоже рабочая, она работала на швейной фабрике, а потом Гизин папа стал безработным — куда уж тут ехать на море! Для этого надо слишком много денег. И поэтому она никогда не видела моря. И на даче она никогда не была. Она все время жила в городе, и родилась в городе, в Берлине, никуда не выезжала. Вот только первый раз приехала в СССР. И то это им МОПР помог. Если б не МОПР, они бы с мамой не приехали, у них не хватило бы денег. А я спросил ее, кто такой этот МОПР? Что это — такой богатый человек, да? И Гизи рассмеялась. Оказывается, что это вовсе не человек, этот МОПР, хоть он и богатый, — это много людей, целые тысячи, даже миллионы, потому что это такая организация — МОПР — это Международная Организация Помощи Революционерам. Вот что это такое! Все члены этой организации собирают деньги в одну общую кассу, кто сколько может, Гизины мама и папа тоже члены МОПРа, они тоже платят туда деньги, но совсем немножко, копейки, то есть пфенниги, потому что у них в Германии не копеек, а пфенниги, и на эти пфенниги они и приехали в СССР. То есть не на эти самые пфенниги, которые они отдали в МОПР, а на много пфеннигов, и копеек, и пенсов, и других иностранных денег, которые собирали члены МОПРа. Все это Гизи мне интересно рассказала.

А я опять рассказал ей про горизонт. Я сказал, что на даче тоже можно видеть круг горизонта, особенно в чистом поле. «Ты хочешь видеть горизонт в чистом поле?» — спросил я Гизи. И она сказала, что хочет. Тогда я сказал, что скажу маме, и отцу скажу, и ее обязательно возьмут, и никаких денег платить не надо, никаких пфеннигов, просто мы ее пригласим, и все! И Гизи сказала: «Danke!» Это значит: «Спасибо!»

У Гизи была лопата в руках, она шла, подбрасывая лопатой снег, и вдруг сказала:

— Wollen wir ein Haus bauen, — то есть: «Давай строить дом».

— Давай! — сказал я, побежал домой и принес лопату. И мы стали строить из снега дом. Снегу было много, сыпал снег, и повсюду во дворе лежал слой снега, а по краям еще и стояли сугробы.

Липкий снег, это хорошо. Из него можно высокую башню построить, и она не развалится.

Но мы строили не башню. Мы строили такой эскимосский дом, в котором на севере эскимосы живут, я в книге видел. В таком доме даже тепло, даром что он из снега! Гизи тоже слышала про эскимосские дома. Оказывается, эскимосы в Германии известны.

Гизи сказала, что мы будем два эскимоса: муж и жена. Только это секрет. Чтоб никто не знал. И я согласился. Мы стали быстро строить. Работы хватало! Гизи делала стены и крышу, а я в сугроб вкапывался. Чтоб можно было влезть. А то что это за дом, если в него нельзя влезть.

Ляпкин-маленький слез со своих лыж, взял их под мышку и подошел к нам — смотреть, как мы строим. Он смотрел и сопел.

— Я тоже хочу делать дом, — сказал вдруг Ляпкин. — Ты не сможешь! — возразил я. — И у тебя лопаты нет!

— Я буду лыжей копать!

— Не сможешь ты лыжей копать! — и Ляпкин стал совсем грустный.

Я объяснил Гизи, чего он хочет, и Гизи сказала «пущь». Пусть он будет наш сын. И копают с нами. У эскимосов дети всегда с родителями копают.

Я не очень хотел, чтоб он был наш сын, но уж ладно. Раз Гизи так хочет.

— Ты хочешь быть наш сын? — спросил я. — Тогда будешь копать!

— Хочу! — повеселел Ляпкин.

— Ты должен ее звать «мутти», а меня «фати» — это по-немецки, — сказал я. — Потому что мы твои мать и отец!

— Ладно, — сказал Ляпкин.

— Скажи: «Ладно, фати!»

— Ладно, фати! — сказал Ляпкин.

И я ему дал свою лопату, чтобы он снег отгребал. Сам я лыжей вкапывался внутрь дома. А Гизи стала окнами прокапывать. Работа у нас пошла быстро. Замечательно пошла работа! Только кончилась она не замечательно, вот что. Но это все сын был виноват. Недаром я не хотел его в сыновья брать.

Скоро дом был готов. Круглый дом с двумя окнами. И с трубой! Трубу, конечно, я сделал. А Гизи сделала окна. А Ляпкин снег отгребал, а потом стены обтесывал. А потом мы с Гизи туда залезли. А для Ляпкина места не хватило. Но ведь это не страшно, правда? Сын ведь может и на улице погулять. Ему полезно. Я ему так и сказал. Я сказал, что завтра мы дом расширим и тогда он сможет в нем сидеть, сколько хочет. А он хотел сейчас залезть в дом.

— И я хочу сейчас залезть! — сказал он.

— Ты же сын и должен слушаться родителей! — сказал я.

— Я хочу в дом! — захныкал Ляпкин.

— Скажи: фати и мутти, я хочу домой!

— Фати и мутти, я хочу домой! — захныкал Ляпкин. — Погуляй немножко, сынок! — сказал я. — Тебе полезно воздухом подышать!

— Я не хочу дышать! — топнул ногой Ляпкин. — Хочу в дом! — и заплакал.

— Eh! Er ist ja mit einer Träne in Knopfloch! — сказала Гизи.

Это значит: «Он со слезой в петлице». Так говорят про человека, который сразу плачет.

— Ну, ладно, ребеночек! — сказал я, вылезая. — Иди, посиди немножко!

— Я не ребеночек! — сказал Ляпкин.

Он залез в дом и надулся, упершись головой в стенку.

— Ты не упираться в стенку-то! — сказал я.

А он еще больше уперся.

— Что ты за сын такой непослушный! — сказал я. — Сломаешь стенку! Говорят тебе: нагнись!

— Я не сын! — сказал Ляпкин. — И стенка моя! Я делал стенку!

— Как твоя? Это мы вместе делали, значит, общая!

— Нет, моя! — крикнул Ляпкин. Он так уперся головой в стенку, что она рухнула! Весь дом рухнул! Ляпкин выскочил из сугроба весь в снегу и сразу побежал прочь. Побоялся, что я его стукну.

Я помог Гизи выбраться и отряхнул с нее снег. Ну, скажите: разве можно такого человека, как Ляпкин, в сыновья брать? Разве он может быть настоящим сыном? Не может! Мелкий собственник он, а не сын! Вот что! И я отшвырнул ногой его лыжу.

Четвертое письмо Воровскому

Я опять написал Воровскому. Потому что у нас был дома очень важный разговор. Об этом обязательно надо было написать Воровскому. Вот я ему и написал:

«Дорогой товарищ Воровский! Я должен тебе сказать, что скоро будет социализм. Социализм — это наша будущая жизнь. Так мне Вовка объяснил. Жалко, что ты умер и не сможешь в ней жить. Это будет очень хорошая жизнь. Все будут грамотные. И сытые — никаких карточек не будет. В магазинах будет всего полно — бери, сколько хочешь. И мяса, и масла, и конфет, и пирожных. Но это не главное. Главное, что все будут

друзья. Человек человеку будет не как волк. Все будут ко всем хорошо относиться. Друг другу помогать. И всем делиться. И никто ругаться не будет. Таких, как Ляпкин, тогда не будет: чтобы вместе строить дом, а потом ломать. Хотя Ляпкин, конечно, не совсем виноват. Он просто глупый. И маленький. Мне его даже немножко жалко. Если он и дальше будет таким, его в социализм не пустят. Я ему сказал. А он говорит: «Ну и пусть!» Дуралей какой-то! Где он будет жить, когда настанет социализм, я просто не знаю! Ну, пока! Юра».

Рыбий жир

Вы, наверно, не знаете, что я лучше всех умею пить рыбий жир? Ну, так вот, я вам это говорю: я лучше всех умею пить рыбий жир! Уж не знаю, почему так. Наверно, у меня такой талант. Так мама говорит. Но дело не в этом. Никогда не надо хвалиться. Я и не хваюсь. Просто я умею его пить! Он мне даже нравится. А Гизи он не нравится. А ей-то как раз очень надо его пить. Ей просто нельзя без рыбьего жира, потому что у нее чахотка. Это такая болезнь, которой Гизи заболела в Германии. Потому что когда она родилась, им нечего было есть: ей, ее маме и папе. Они очень бедно жили там, в Германии. Ее папа коммунист-подпольщик, он был тогда безработным. Потому Гизи и выглядит как фарфоровая. Это, конечно, красиво, но плохо: это говорит о том, что человек нездоров. Гизи надо вылечить, и мы ее обязательно вылечим. Для того она и приехала в СССР, чтобы вылечиться. Гизи должна не только к врачам ходить, она должна хорошо есть. Она должна есть масло и разные жиры, и особенно пить рыбий жир — это главное! В этом-то все и дело.

И тут большая ответственность лежит на мне. Потому что это я должен научить Гизи пить рыбий жир. Так мама придумала. Моя мама здорово придумывает разные такие вещи. Мы с мамой даже разработали план — как я научу Гизи пить рыбий жир. Это надо делать очень тонко, — сказала мама, — дипломатически... Вы знаете, что значит делать что-нибудь дипломатически? Дипломатически — это значит вежливо, осторожно. Сделай все ловко, так, чтобы все получилось как надо! Можно, конечно, просто подойти к человеку и сказать ему: «Пей рыбий жир! А ну, пей!» — и силком влить ему этот рыбий жир в рот. Можно ему даже руки связать, для верности. Но это будет недипломатично! Это будет просто грубо, как говорится: в лоб! А такие вещи нельзя делать «в лоб», так вы ничего не добьетесь. Человек просто выплюнет этот рыбий жир, и все! А если он его и проглотит, то еще пуще возненавидит. Нет, так делать нельзя! Недаром мы наркоминдельцы, — сказала мама. Все наркоминдельцы должны быть дипломатами. Как отец. Он ведь дипломат, мой отец. И я дипломат. О, я еще какой дипломат! Сейчас вы увидите...

Когда я и мама разработали план, мы пригласили Гизи в гости. Гизину маму мы не пригласили, хотя она знала про наш план. Но ее нельзя было приглашать, это опять было бы недипломатично. О, это очень сложная вещь, дипломатия, сразу в ней ничего не поймешь. Мы пригласили Гизи одну.

Она сразу подошла к моим игрушкам, и мы стали играть. Мы взяли мою грузовую машину и насадили в кузов разных зверей: мишку, крокодила, обезьянку... Но они не были обезьянами и крокодилами — они были как будто людьми. Кукол-то у меня нет, вот в чем дело! Я же не девочка! Поэтому мы с Гизи посадили в машину разных зверей, и они поехали на парад. Гизи тянула их за веревочку.

У нас большая комната — одна, но большая. В ней даже есть камин. Очень красивый камин, выложенный темно-зелеными плитками, с решеткой перед очагом и полкой наверху, на которой стоят разные статуэтки. Но мы камин не топим, вернее, очень редко его топим, раз в год. Потому что он нам, в общем-то, ни к чему.

Нам просто некогда им заниматься. Мы ведь все заняты: отец, мама и я. Мы рабочие люди, сказал отец. И все-таки я нашел применение этому камину. Я сделал из него трибуну для парада. На камине стоял у меня Народный комиссар и принимал парад. А перед камином на полу стояли оловянные солдатики, то есть красноармейцы, несколько полков. Потом приехала Гизи с машиной — мотопехота. А я командовал парадом. Но мне было очень тяжело командовать парадом, потому что я все время думал о другом... Вы сами понимаете, о чем я думал! О рыбьем жире я думал!

Мама сидела за столом и читала, но я видел, что она только как будто читала, на самом деле она тоже думала о рыбьем жире. Я это ясно видел. Одна Гизи только ничего не знала. Когда она отвернулась к камину, я посмотрел на маму и кивнул головой. И мама кивнула головой. И тогда я встал и сказал громко:

— Эх, охота мне что-то выпить рыбий жир!

— Да ладно уж, играй, — сказала мама. — Потом выпьешь.

— Просто не могу, — сказал я. — Очень охота выпить!

Я это сказал и посмотрел на Гизи — что она скажет. Но она ничего не сказала. Она ползала по полу на коленках и катила впереди себя грузовик. Тогда я встал перед Гизи и опять повторил, глядя ей прямо в глаза:

— Так охота выпить рыбий жир! Просто ужас! Ты не хочешь?

Гизи посмотрела на меня с удивлением и сказала:

— Nein! Ich liebe ihn nicht! Я его не люблю! Отойди-ка с дороги...

— Ты просто не знаешь, какой у нас замечательный рыбий жир! — сказал я с восторгом. — Давай выпьем.

— Да отойди ты, — сказала Гизи. — Надоел ты со своим рыбьим жиром! Ich will nicht! Не хочу!

«Дипломатичнее, дипломатичнее!» — подумал я, опять встал на ее пути и сказал:

— Ты просто не знаешь наш рыбий жир!

— Он везде одинаковый, — сказала Гизи.

— Совсем не одинаковый! — крикнул я. — У нас с солью! И с черным хлебом! Давай выпьем немного! Подкрепимся!

— Nein! — сказала Гизи.

— Как хочешь, — сказал я. — Я хочу рыбий жир! Мама, дай мне скорей, я просто больше не могу.

Мама встала и взяла из шкафа бутылочку с рыбьим жиром.

— И большую ложку! Столовую!

Мама все приготовила, я взял в руки ложку и мама налила мне полную ложку. Гизи перестала играть и смотрела на меня.

«Смотри, смотри! — думал я. — Сейчас и ты будешь пить рыбий жир! Против дипломатии не устоишь!»

Я взял в руку полную ложку рыбьего жира и торжественно его проглотил!

— Эх, — сказал я. — Замечательно вкусно!

Гизи смотрела на меня с изумлением.

Я облизнулся, причмокивая. Я стоял, гордо расставив ноги. Мама улыбалась.

— А ну-ка, еще! — сказал я. — Хочу еще!

Мама налила вторую ложку. Я проглотил.

— Еще!

— Не хватит ли? — спросила мама.

— Еще! — заорал я.

Мама налила еще ложку. Я проглотил. На меня нашел какой-то дипломатический восторг. Я прямо весь сиял. Я это видел в зеркале шкафа. Я с аппетитом закусывал черным хлебом с солью. Гизи подошла ко мне, широко открыв от удивления рот.

— Дай-ка еще, — сказал я маме, но уже тише. Откровенно говоря, я был уже сыт, но — дипломатия...

Я думаю — хватит, — сказала мама. — Может, Гизи попробует?

— Ни в коем случае! — сказал я. — Мне мало останется! Налей мне!

И тут произошло удивительное. Гизи робко кивнула головой! Да, да! Она кивнула головой в знак согласия! А я ее еще подзадорил, я сказал:

— Не давай ей! Зачем девочкам рыбий жир!

— Ну, ладно, — сказала мама. — Не жадничай, — и налила пол-ложки для Гизи.

А я приготовил кусок хлеба с солью, и когда Гизи, зажмурившись, выпила, тут же подал ей хлеб...

— Ну, как? Вкусно? — спросила мама.

И Гизи кивнула, улынувшись!

Так она начала пить рыбий жир.

Правда, у меня после этого случая немного болел живот. Я перестарался. Но это пустяки. Главное — Гизи научилась пить рыбий жир! Цель была достигнута, а это самое главное.

Ну, что вы теперь скажете про мою дипломатию?

Пятое письмо Воровскому

Я стоял и смотрел на Воровского, а в кармане у меня было новое письмо. Я ждал, когда уйдет дворник Ахмет, который подметал снег вокруг пьедестала.

Когда он, наконец, ушел, я показал Воровскому письмо, помахав им в воздухе, и спрятал у пьедестала в снег. Это было очень важное письмо. Вот оно:

«Здравствуй, дорогой Воровский! Я теперь настоящий дипломат, как и ты! Я заставил Гизи пить рыбий жир — не просто так заставил, а дипломатически! Я это все подстроил так тонко, что она ничего не поняла. А сама теперь пьет рыбий жир! Она его большими ложками пьет, каждое утро. Мама сказала, что таким образом я сдал экзамен на дипломата... Но это еще не всё: я еще стал членом МОПРа! Вот что важно! Вовка уже давно член МОПРа. Но Вовка пионер, они все мопровцы. А я не пионер. Я даже еще не октябренок. Вовка мне все время говорил, что я неорганизованный элемент. А теперь я тоже организованный. Не понарошку, а взаправду: отец записал меня в МОПР и купил мне красную книжечку. Ты знаешь какую: членскую. По этой книжечке надо взносы платить, две копейки в месяц. Можно и больше, но меньше уж никак нельзя. Пока за меня отец платит, потому что я еще не зарабатываю. Когда я вырасту, я заработаю и свой долг отдам. И дальше буду сам платить. Зато теперь я помогаю революционерам всего мира. И их детям, таким, как Гизи. Чтобы они могли к нам в гости ездить. И лечиться. Вовка сказал, что это здорово. Теперь мы с ним в одной организации. Ну, до свидания! С коммунистическим приветом! Юра».

Ищите женщину!

— Ну, что тебе подарить? — спрашивает в третий раз Зусман.

Он зашел к нам на чашку чая и вдруг пристал со своим подарком.

— Ничего не надо! — говорю я мрачно.

— Что с тобой, Юра? — мама смотрит на меня растерянно. Скоро лето, и Зусман хочет мне что-нибудь подарить. К лету...

— Молодой человек стесняется! — говорит Зусман. — Ну, так что тебе подарить?

— Ничего...

— В конце концов, это некрасиво! — сердится мама. — Слышишь? Надо быть вежливым!

Я молчу. Мне становится жарко. Они же ничего не знают! Эх! Если бы они знали! Они бы так со мной не разговаривали! И ничего Зусман не хотел бы мне подарить!

— Ничего! — говорю я отчаянно-мрачно.

— Это просто возмутительно! — говорит мама. — Сейчас ты пойдешь и встанешь в угол! Ну?

— Подождите! — говорит Зусман. — Он сейчас скажет! Правда, ты скажешь? Ты ко мне хорошо относишься?

— Хорошо! — говорю я.

— Ну, вот видишь! И я к тебе хорошо! Мы друзья!

— Друзья! — я смотрю в пол.

— Ну, так что тебе подарить?

— Ничего! — ору я. — Ничего! Ничего! Ничего!

И я начинаю плакать.

Мама встает со стула. Она берет меня за руку и ведет в угол возле окна, к батарее. Я иду, твердо сжав кулаки. Пусть будет так, но сказать я ничего не могу.

— Здравсте-пожалуйста! — смущенно произносит Зусман. — Такая неприятность!

— Безобразие, а не неприятность! Постоит в углу и поймай!

— Напрасно, — говорит Зусман. — Не делайте этого! В конце концов, я ему и так что-нибудь подарю!

— Ничего подобного! — говорит мама. — Он не достоин никаких подарков!

Я мрачно стою в углу.

— Ну, извините, — говорит Зусман. — Я пойду... Ничего не ожидал... Такая неприятность!

Он закрывает за собой дверь.

— Что это ты такое выдумал? — говорит мама. — Человека обидел! За что ты обидел Липу Борисовича?

Я молчу.

— Может, что-нибудь случилось?

Я молчу. Не могу же я сказать, что случилось! Это секрет! Страшный секрет!

— Не можешь сказать, что случилось?

— Не могу!

— Что-нибудь страшное?

— Страшное!

— Ну, тогда вот что: иди сюда и поговорим. Когда случается страшное, секретов у нас быть не должно. Именно, когда страшное. Ты понимаешь?

Я киваю головой.

Мама обнимает меня, я прячу мокрое лицо у нее на груди, и мне становится тепло. И немножко легче.

— Тебе легче?

— Легче.

— Расскажи-ка все, и тебе станет совсем легко. Рассказывай... Липа Борисович тебя обидел?

— Нет! Это я его обидел! — и я опять плачу.

Мама долго гладит меня по голове.

Наконец, я успокаиваюсь и рассказываю. Все, как было. Всю эту страшную историю. От начала до конца.

Дело в том, что у Зусмана много разных кусков материи, из которых он шьет костюмы. У него всегда весь стол завален этими кусками. И пол. И диван. Он мне пару раз давал ненужные куски. Я у него просил, а потом дарил Гизи. А она шила из них разные вещи для кукол. И вот один раз мы сидели у Зусмана: Гизи, Вовка и я. Зусман строчил на машинке, а мы сидели на диване. Вовка показывал нам новые картинки. Рядом на диване лежал большой кусок материи: отрез. Большой кусок всегда называют отрез, отрез на костюм. Потому что он отрезан от еще большего куска. Гизи все время гладила его рукой. Я ее тихо спросил: тебе нравится эта материя? Она сказала шепотом: нравится. Я спросил: ты хочешь иметь такой кусок? Гизи кивнула. И тогда я сразу все решил. Я решил отрезать ей такой материи! Тайком, чтоб никто не видел. Я подумал — пустяки! У Зусмана много материи. Он и не заметит. Я отрезал большой кусок. На другой день, когда мы были с Зусманом вдвоем и он на минутку вышел из комнаты. Тогда я и отрезал! И спрятал на груди. А потом отдал его Гизи. Она страшно обрадовалась! И стала шить из него пальто для своей куклы. И еще что-то.

А в семье Зусмана получился скандал. Потому что Зусман открыл пропажу. У него не хватило на костюм. И он обвинил заказчика — что тот ему недодал мате-

рии. А заказчик — Зусмана. Вовку тоже допрашивали. Я все слышал сам, когда приходил заказчик. Все они там страшно кричали. Сильнее всех Жарикова: она кричала басом! Я просто не знал, куда деваться. Да и сейчас я не знаю, куда деваться. Потому что заказчик забрал свой отрезанный кусок назад. А я не мог забрать свой кусок назад, потому что Гизи его совсем изрезала. Да если б она и не изрезала, я все равно не мог бы забрать его назад. Ведь подаренные вещи не забирают! В общем, я окончательно запутался... А тут еще Зусман хочет мне подарок подарить! Не могу же я принять от него подарок! Посудите сами...

— И правильно! — согласилась мама. — Подарка ты принять не можешь, пока ты ему не признаешься и он тебя не простит. Если, конечно, простит! Поступил ты очень и очень плохо! Ты украл! Ты понимаешь, что ты украл?

Я в ужасе кивнул. Мне опять стало плохо. Меня даже стало тошнить. И коленки стали совсем мягкими — так что я сел на стул. У меня стали холодные ноги, как говорит Гизи: «kalte Beine».

— Никогда нельзя ничего брать без спросу! — сказала мама. — Видишь, какую ты кашу заварил... А Гизи знает?

— Нет, — сказал я.

— Ну, это хорошо. Ты ее любишь?

— Да.

— Никогда нельзя ради своей любви делать необдуманные поступки, — сказала мама. — А сейчас мы с тобой пойдем к Зусману. И ты ему обо всем расскажешь. Он хороший человек и, наверное, тебя простит. Но надо все рассказать...

Мы тотчас пошли к Зусману. И я ему все рассказал. И Вовка там был. И Жарикова. Я им всем рассказал. Это было очень страшно! Лучше не спрашивайте меня, как это было страшно. Я все равно не смогу вам этого передать. Но, знаете, что самое главное — что сказал Зусман? Не знаете? Он сказал: «Здравствуйте-пожалуйста! Я всегда говорил: во всем ищите женщину!» — и засмеялся. А потом обнял меня и поцеловал. «Ты настоящий мужчина, — сказал Зусман. — Но никогда больше так не делай! Зачем тебе иметь свои неприятности?»

Вот такая страшная это была история!

А «ищите женщину» — это такая поговорка. Она означает, что если вы хотите найти причину непонятного случая в человеческой жизни, — ищите женщину. Все из-за нее. Конечно, не всегда, но чаще всего из-за женщины. Это французская поговорка. Старая. Она устарела. Так мне мама объяснила. Но в данном случае она оправдалась!

Только одно я не сказал Зусману: почему я подарил Гизи этот кусок... Но каждому ясно, что этого нельзя было говорить Зусману. И никому нельзя. Только маме...

Продолжение следует

УСПЕХ АРЧЕБЕКОВЦА

В столице Голландии Амстердаме состоялся первый чемпионат мира по шашкам среди юношей. Титул чемпиона мира завоевал Коля Мищанский (Донецк). Третьим призером стал рыцарь нашего АРЧЕБЕКА Боря Шавердян (Тбилиси).

Боря просил передать соратникам-арчебековцам традиционный «Трижды салют!!!».

О. Вейцман,
Л. Паршин

Оформление
А. Морева

На своих пионерских сборах ты поешь песню о юном барабанщике. Рассказываем тебе о герое этой песни и о его друге.

Мы встретились с Куртом Кулесом на его родине — в городе Галле.

Там в прибрежном парке есть памятник.

Рабочий паренек в солдатской гимнастерке с трубой в руке стоит на пьедестале. Он спокоен и строг, словно готов в любой момент снова протрубить сигнал боевой тревоги.

История «маленького трубача» хорошо известна. Она досталась нам от наших отцов, так же, как и песня:

Памятник Фрицу Вайнеку в городе Галле

*Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартакowцев — смелых бойцов.*

Правда, в русском переводе песня рассказывает о юном барабанщике... Для красивой песни нет разницы между дробью барабана и сигналом горна.

Мы бродили по улицам Галле, и Курт Кулес рассказывал: — Он был невысокого роста, наш Фриц, и потому его звали «маленький трубач». Потом уж легенда превратила его чуть ли не в мальчишка. А когда он погиб, ему было уже двадцать восемь. Я дружил с Фрицем Вайнеком с восемнадцатого года. Мы вместе работали, а потом сражались...

В 1925 году Коммунистическая партия Германии выдвинула кандидатом в президенты Эрнста Тельмана, сына рабочего класса и его вождя.

13 марта 1925 года Тельман приехал в Галле на предвыборную встречу. Вот по этой улице шла от вокзала колонна рабочих. В Народном парке назначен митинг.

— Я отвечал за безопасность английских и француз-

ских коммунистов, которые приехали на эту встречу. Другие наши товарищи сняли помещение для митинга и следили, чтобы на митинг не проникли провокаторы.

...Почему так оживленно в кафе близ Народного парка. Все столы заняты, причем исключительно мужчинами. Пиджаки с оттопыренными карманами сидят на них неловко. Эти люди больше привыкли к форменным мундирам. Это — полицейские.

Еще один отряд в полной боевой готовности расположился на Гозенштрассе.

У парка сосредоточился отряд конной полиции, семьдесят полицейских, вооруженных пистолетами и резиновыми дубинками, и пятнадцать карабинеров.

К восьми вечера в Народный парк пришли сотни и тысячи рабочих. Зал ресторана, снятый для митинга, переполнен.

Выступила фабричная работница. Выступили представители английской и французской компартий. Зал запел: «Вставай, проклятьем заклейменный...»

Все, происшедшее потом, было как грозное видение бу-дущих фашистских погромов.

Наград у него много, и уже сами названия орденов и медалей многое могут сказать об этом человеке. Орден «За заслуги перед отечеством». Медаль «За участие в вооруженных боях 1919—1923 гг.». Медаль «Борцу против фашизма». Две медали «За заслуги боевых рабочих дружин». Почетный знак Общества германо-советской дружбы. Ордена и медали Курт Кулес надевает в редких случаях... Сегодня, например, у него встреча с ленинградскими пионерами.

Фото А. Пирожкова

— Предоставили слово Тельману, и сразу же в зал ворвались полицейские. Стали в два ряда перед сценой и начали избивать рабочих дубинками. Обер-лейтенант полиции выстрелил. За ним другие. В зале паника. Только одна дверь оказалась открытой. Остальные перекрыты полицией. Крики, стоны, выстрелы. И вдруг запел горн. Это Фриц встал и протрубил сигнал тревоги. И тогда кто-то выстрелил ему в спину...

Даже в эту минуту Кулес помнил: партия поручила ему охранять иностранных товарищей, и их спасение — его священная обязанность.

— Я хорошо знал расположение помещений и повел иностранных гостей в подвал. Затем другим ходом вывел во двор. Мы перелезли через стену. Нас ждала машина. За ру-

лем сидел Вилли Науман, коммунист, отличный парень. Помчались на самой большой скорости.

На Веттинерплатц нас увидели полицейские в дежурной машине. Началась погоня. Но Вилли Науман был хорошим шофером. Нам удалось вырваться из города. Доставили гостей в Лейпциг, там их уже ждали местные коммунисты.

Что было потом? Судьба Курта Кулеса в общем обычна для немецкого коммуниста, если можно применить здесь это слово «обычна». В годы Веймарской республики его арестовывали больше десяти раз. После прихода Гитлера к власти перешел на нелегальное положение.

Схвачен нацистами 21 января 1934 года. Приговорен к девяти годам каторжной тюрьмы.

Но и девять лет фашистской каторги показались нацистам малым наказанием. Главное управление имперской безопасности распорядилось оставить Кулеса в заключении.

Потом его направили в штрафной батальон 999. Гитлеровскому командованию надо было затыкать дыры на фронте. В спины штрафников смотрели эсэсовские пулеметы. Но все равно в батальоне создавалась подпольная коммунисти-

ческая организация, и одним из ее руководителей стал Курт Кулес.

Вскоре подпольщикам удалось узнать, что батальон отправляют на фронт в район Гауспитца. Это стало сигналом к решительным действиям. Подпольная пятерка приказала готовиться к последней операции. Наступление должно было начаться ровно в 18.15. Точно в эту минуту батальон перешел на сторону Советской Армии.

...Мы идем по широкому мосту через реку Заале. Позади, в черте Старого города — старый парк, где памятник «маленькому трубачу». А перед нами — Новый город — Галле Нойштадт. Там высотное круглое здание, зеленые газоны с серебристыми елями, с фонтанами и скульптурами, там Дворец спорта, изумрудная вода в бассейнах.

Нам показывали Галле строители — члены бригады социалистического труда имени Фрица Вайнека. И разве то, что они построили, не лучший памятник тем, кто боролся против фашизма?..

Судьбу республики прочно держат в своих руках и эти рабочие парни, и он, Курт Кулес, почетный командир моторизованного батальона боевых рабочих дружин города Галле, товарищ трубача.

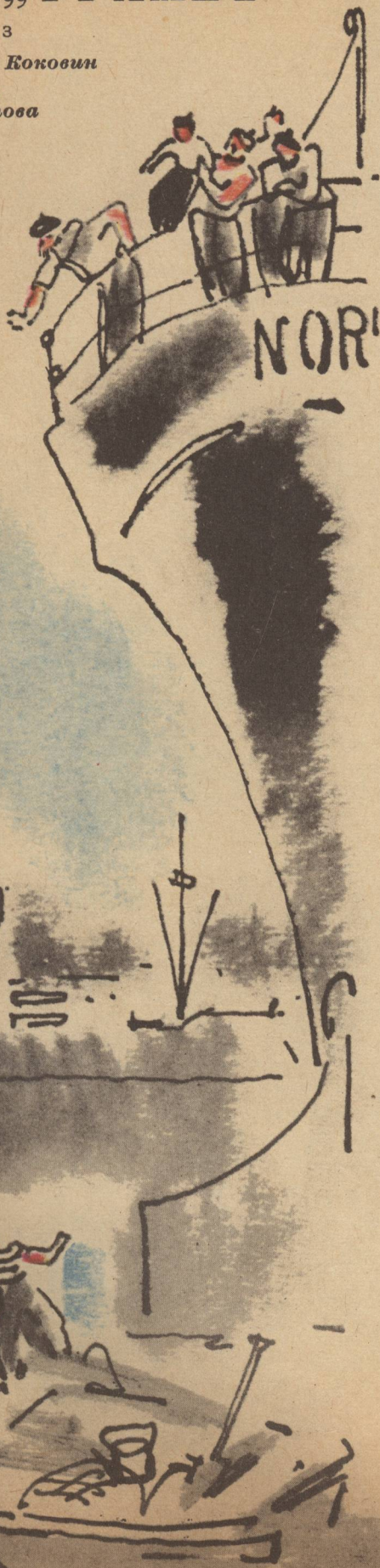
НА „ФРАМЕ-2“

РАССКАЗ

Евгений Коковин

Рисунки

Н. Кустова

Павел Владимирович Симонов, наш сосед, крупный водолазный специалист, уезжая в очередную экспедицию, оставил нам, двум соломбальским друзьям, в безвозмездную аренду свою корабельную шлюпку. Огромная, многовесельная и старая, чуть ли не времен парусного флота, шлюпка носила гордое имя — «Фрам».

— Фрам в переводе означает «Вперед!» — сказал Павел Владимирович. — Значит, друзья, на этом корабле поворота на сто восемьдесят — без достижения цели — у вас быть не может.

Знаменитый полярный путешественник, владелец настоящего «Фрама», великий норвежец Фритьоф Нансен был кумиром Симонова. Для нас, соломбальских мальчишек, кумиром был сам Павел Владимирович, страстный охотник и меткий стрелок, следопыт, рыболов, один из первых кавалеров ордена Ленина.

Наш «Фрам-2» стоял на узкой и многолодочной речке Соломбалке — канале, прорытом еще по приказу Петра Первого для испытания судов первой российской государственной верфи.

Раза три или четыре мы с моим закадычным другом Володей Охотиным выезжали на Северную Двину и на Кузнечиху. Потом Володя сказал:

— «Фрам» это «Вперед!», это — дальние путешествия. Давай и совершим путешествие! Большое, как в настоящей экспедиции.

— А куда это путешествие мы совершим? — спросил я.

— Куда? Как можно дальше от дому. Вот, например, на море.

— На Белое?

— Пока на Белое, — сказал Володя таким тоном, словно в будущем на своей тихоходной и ветхой посудине мы пойдем в Средиземное или в Тихий океан.

Мы не беспокоились, что дома нас в экспедицию непустят. Частенько и раньше мы выезжали на рыбную ловлю с ночевками.

У Нансена был план путешествия. Как же мы могли обойтись без плана?!

Мы взяли отцовскую карту дельты Северной Двины и без особого труда составили подробнейший маршрут. И сокрушались лишь о том, что на нашей карте не было белых пятен, не было неисследованных мест. Мы мечтали, мы жаждали открывать, исследовать, искать.

На «Фрам-2» мы погрузили, кроме весел и старенького паруса, топор, лопату (вдруг полезные ископаемые!), веревку, чтобы при случае тянуть шлюпку бечевой, рыболовные снасти, котелок и даже подсадную утку, неизвестно для чего — ружья не было, да и охота в это время запрещена. Не было у нас теодолита и секстана, не было вяленого и соленого мяса и кофе. Но это нас не смущало: секстаном мы все равно пользоваться не умели, а кофе не пили и дома.

Драночная корзина заполнилась сухарями, которые мы сушили и копили две недели, на случай зи-

мовки. Там же уместились два десятка картофелин и кулек пшена, кусок соленой трески, банка с солью и ученическая тетрадь для ведения судового журнала.

Итак, ранним июльским утром мы погрузили на «Фрам-2» все свое снаряжение и отплыли. Банки на шлюпке отсырели — ночью была обильная роса. Бледное утреннее небо и неяркое, подернутое легкой дымкой солнце предвещали добрую погоду. Взмывая в розоватую высь, ведро обещали и ласточки, и качающиеся на волне крепенькие, словно литые, остроглазые чайки.

Никакого сравнения не найти для тихого и ясного раннего утра на Северной Двине. Большая вода шла от моря вверх по реке, покрывала левобережные отмели, как говорят архангелогородцы, прибывала. Пахло морем и водорослями.

В прохладе запахи резче, а солнце едва оторвалось от далеких прибрежных ивовых кустов и еще не грело.

На рейде стояли океанские пароходы. Они пришли в Архангельск из разных стран за нашим северным лесом. Было рано, а на ночь кормовые национальные флаги на судах спускаются. Но в школе мы уже второй год изучали английский язык и теперь на кормах пароходов кое-как читали названия портов приписки.

— Ли-вер-пуль... Значит, англичанин, — сказал Володя.

— А это датское. Видишь, написано: Копен-га-ген.

— И еще из Осло, из Норвегии. Это там, где жил Нансен...

Наш «Фрам» должен был плыть вниз по Северной Двине, к морю. Но мы увлеклись и не заметили, как судно сильным приливным течением снесло далеко вверх.

А между тем солнце неторопливо, но упорно поднималось. От судна к судну побежала звонкая скляночная эстафета, что означало: время 8.00.

— Часа через два вода пойдет на убыль, — сказал Володя. — Не пристать ли пока к берегу?.. Разведем костер, поедем, а потом и дальше, к морю.

Мы пристали к песчаному берегу, вбили кол и пришвартовались.

— Оставалось только разбить палатку и ждать, — подозрительно торжественно сказал Володя.

Это были слова из книги Нансена.

Палаткой нам послужил парус. Мы его и «разбили», хотя, откровенно говоря, в этом не было никакой необходимости. Погода стояла чудесная.

Ловить рыбу было бы напрасно: на большой воде рыбалка плохая, да и времени остава-

лось в обрез. Потому мы принялись варить уху из соленой трески.

Пока разжигали костер, готовили еду и завтракали, наше судно развернуло кормой к северу. Значит, вода пошла вниз, на убыль. Теперь уже можно плыть к морю по течению.

Отплывая, Володя сказал:

— Мы должны достигнуть цели, или великое море станет нашей могилой.

Я не остался в долгу и ответил:

— Было бы неправильно, если бы мы вернулись обратно.

Гребли мы легонько, потому что течение все набирало силу, и «Фрам» шел хорошо. Мы проплывали мимо островков, поросших ольхой и ивняком. Потом потянулись штабеля бревен, лесопильные заводы и лесобиржи, похожие на миниатюрные города с небоскребами. Здесь, конечно, открывать было нечего. Отовсюду слышался шум лесокаток и лесопильных рам. И кругом было множество людей — лесокатов, погрузчиков, речников, катерников, женщин, полощущих белье, и купающихся ребятшек. Словом, все здесь было давным-давно открыто и обжито. Нет, нам нужно поскорее к морю, в далекие края...

— Володя, — сказал я, — пожалуй, дальше Белого моря нам никуда не доплыть. — Я уже опять устал от весел. Шлюпка все-таки была тяжела.

— Посмотрим, — отозвался мой приятель.

Левый, островной берег закончился. Мыс остался у нас позади, и река необъятно расширилась, задышала свободно, могуче. Берега ее расступились, стали далекими, а лес и кусты на них слились в сплошные полосы. Вдали виднелся последний лесопильный завод.

Я оглянулся, чтобы прикинуть, сколько же мы проплыли от нашей Соломбалы, и вдруг заметил чуть повыше мыса небольшую избушку.

— Володя, — сказал я, — давай пристанем, передохнем. Вон избушка, наверное, рыбацкая. А потом уже и дальше.

— Давай, — согласился Володя.

Мы повернули свое судно и вскоре подплыли к берегу, на котором стояло старенькое крошечное строение, прокопченное и замшелое. Поблизости горел костер. На тагане висел большой котел и нещадно парил. Значит, в избушке кто-то есть.

Неожиданно дверь избушки отворилась, и появился старик. Доброта тихо светилась в его по-странному молодых глазах. А лицо было в морщинах.

— Гости? Прошу к нашему шалашу! Вода кипит, рыба вычищена. Сейчас уха будет.

И тут же старик высыпал в котел гору на зависть крупнейшим сигов и камбал.

— Дедушка! — крикнул Володя. — А у нас картошка есть...

В добрых глазах старика появилась усмешка.

— Парень, да кто же уху варит с картошкой? Это только у вас, в городе... Картоха уху только портит, рыбный дух убивает. Не-ет, настоящие рыбаки картоху к ухе на полверсты не подпустят. Ты, парень, ту картоху лучше в золе запеки. Такую и я с милой душой скушаю.

Вот тебе и открытие: уха без картошки!

Всю рыбу дедушка Никодим выложил на большую, чисто выскобленную доску, и потому мы ели поблескивающую янтаринками сига-вую уху «пустую», Ели с хлебом, деревянны-ми раскрашенными соловецкими ложками. Ручка у моей ложки была вырезана в виде рыбки. Может быть, из-за нее уха и показалась мне такой душистой и вкусной?..

— Мы тут с сыном рыбачим, — говорил дед. — Он с утра домой поехал, сольцы да табачку привезти. Тоже уже мужик в годах. Сорок шестой пошел. Семья своя и изба своя. Растет народ!

«Сорок шестой! — подумал я. — И растет. А нам с Володей по тринадцать. Сколько еще расти, узнавать, открывать!»

Потом мы ели рыбу, такую вкусную и нежную, что язык за ней в горло лез.

И пока мы гостили у деда Никодима, услышали, что «не умеючи и лапти не сплетешь» — всему нужно учиться. Это, конечно, нам было известно и раньше, но все-таки... И нельзя, оказывается, вбивать гвоздь в тонкую доску, не затупив его — расколется. А крепкую бечевку-стоянку можно легко разорвать, сделав из нее на ладони петлю. «Не целься в человека даже из простой палки — случается, и палка стреляет, — сказал еще дед Никодим. — Будешь играть с палкой, а потом и ружье ненароком вскинешь. Станешь целиться в человека, от опытного охотника и по шее-получишь...»

Поблизости от берега проплывал небольшой карбас. В нем сидел бородатый старик в зюйдвестке — под стать деду Никодиму.

Старик в карбасе приподнял зюйдвестку и поклонился в нашу сторону. Дедушка Никодим ответно приветствовал его:

— Мое почтение! Доброго здоровья!

— Кто это? — спросил я.

— Не ведаю, — ответил дед.

— А почему же он поздоровался? И вы...

— Так уж, обычай. Знаком, незнаком, а поклониться да здоровья пожелать обязательно надобно. Порядок такой, уважение к встречному человеку.

Спустя полчаса мы поблагодарили деда Никодима за угощение, попрощались с ним и отплыли.

Володя достал подсадную утку и долго ее рассматривал.

— На старых кораблях под бушприт прилаживали вырезанную из дерева русалку, — сказал он. — Иногда нос украшался головой дракона, для устрашения врагов. А у нас судно мирное.

— И ты хочешь украсить нос «Фрама» подсадной уткой? — спросил я.

— А что, плохо разве?

— Да нет. Все равно ни русалки, ни дракона у нас нету.

Не раздумывая долго, мой предприимчивый друг укрепил утку на носу нашего экспедиционного судна. И нам показалось, что от такого нововведения «Фрам-2» как-то возвеличился и даже поплыл быстрее.

У лесобиржи, мимо которой мы проплывали, стоял норвежский лесовоз.

Вдруг с борта «норвежца» мы услышали странные тонкоголосые выкрики, конечно, для нас непонятные:

— Тойе... беед... — и еще какие-то слова.

На борту судна мы увидели мальчишку лет семи. Он показывал пальцем на нас, оборачивался, похоже, кого-то звал. Потом начал махать нам.

Около мальчишки стали собираться моряки, тоже нам что-то кричали. Один из них, высокий, плечистый, громкоголосый, поднял мальчишку на руки и тоже кричал нам.

— Что им нужно? — спросил я Володю.

— Сам не понимаю.

Мы опустили весла в нерешительности.

— Мальчишки, кэптен просит вас на судно.

Кто-то из норвежцев сказал это по-русски, хотя с сильным акцентом.

С борта спустили штурмтрап и бросили нам конец.

— Поднимемся, — сказал Володя. — Не съедят.

Минуты через две, пришвартовав «Фрам-2», мы поднялись на борт норвежского судна. Нас окружили моряки. Первым пожал нам руки тот высокий норвежец, который поднимал на руки мальчишку.

— Кэптен Христиан Валь, — сказал он нам, словно взрослым.

Мы смущенно молчали. Знающим русский язык оказался радист. Едва удерживая мальчишку, — а тот так и рвался к нам, — он сказал:

— Это сын капитана, Кнут. Капитан приглашает вас к себе в каюту. Пойдемте!

И мы пошли.

Не знаю, как Володя, а я, признаться, едва соображал, что происходит. Капитанская каюта была просторная, светлая.

Нас усадили в кресла, словно мы были важные персоны. Принесли и разлили по чашеч-

кам кофе. А мы не знали, что делать. Среди окантованных фотографий на стенах я заметил портрет Нансена, такой же, какой мы видели у Павла Владимировича. Я толкнул локтем Володю и показал глазами на портрет. И мой друг неожиданно сказал:

— А наша шлюпка называется «Фрам».

— «Фрам»? — восхитился радист. — Это здорово! — И он что-то сказал капитану. Я разобрал только «Фрам» и «Нансен».

Капитан улыбнулся. Через переводчика он сказал, что Нансен — большой друг Советской России.

— Вот в нашей экспедиции появилось и кофе, — шепнул мне Володя.

А я все еще не мог понять, почему нам такой почет. Ведь норвежцы, когда позвали нас к себе, еще не знали, как называется наша шлюпка. Без наших вопросов все объяснил радист:

— Сыну капитана Кнуту понравилась птица на вашей шлюпке. Может быть, вы продадите ее?

Оба мы были поражены: Кнуту понравилась наша подсадная утка!

— Зачем же продавать? Мы просто ее подарим.

Мальчишка был вне себя от радости, а капитан Валь снял со стены портрет Нансена и передал его Володе.

— Это подарок капитана в знак благодарности за вашу любовь к нашему великому соотечественнику, — сказал радист.

Капитан снова крепко пожал нам руки.

...В шлюпке Володя быстрехонько отвязал подсадную утку от носа лодки, и деревянная птица на тросике мигом взлетела на палубу судна прямо в руки маленького норвежца.

На другой день мы вернулись в свою родную Соломбалу, а вскоре приехал и Павел Владимирович. Конечно, мы поспешили показать ему подарок норвежского капитана — портрет Нансена.

— Да, — сказал Павел Владимирович, — капитан Валь прав, Фритьоф Нансен был большим и искренним другом Советской страны.

Оказывается, в 1921 году он организовал помощь голодающим Поволжья. Замечательный норвежец получил Почетную грамоту IX Всероссийского съезда Советов и был избран почетным депутатом Московского Совета.

Отплывая на своем «Фраме», мы мечтали об открытиях и боялись, что открывать уже нечего. Но даже в маленьком путешествии мы открыли для себя очень многое.

Мы открывали большой мир. Он был неизмеримо велик. Впереди лежала широкая и неизведанная дорога и предстояло множество новых изумительных открытий.

Н. К. Крупская в молодости
Рисунок С. Клементьевой

ЮНЫЕ ИСКРОВЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ ПОИСК

Сколько ленинских мест на земле? Сотни? Нет, тысячи! В одном Ленинграде их 240. А в Москве, Поволжье, Сибири?

Уже четвертое лето идут экспедиционные отряды юных искровцев по маршрутам Ильича и его соратников. Где только не побывали они за это время. Каждый раз новый путь прокладывают, но одну точку на карте он пересекает обязательно — Лыкошино.

Что же так привлекает сюда юных ленинцев, ведь среди ленинских мест пока еще Лыкошино не значится?

ЗА СОРОК ВЕРСТ

По крутым холмам, то вверх, то вниз, сквозь боры и поляны добрались мы к Шуе. Типичное валдайское село на старинном тракте.

Теперь уже не услышишь звона валдайских колокольчиков, висевших под дугами лихих троек. Ныне здесь колхоз имени Жданова. Гостеприимная встреча, которую нам устроили, осталась в памяти. Ведро парного молока, две буханки хлеба, картошка были хорошим подспорьем к нашему провианту... Да и после ливня и града приятно оказаться под крышей.

Мы приехали в эти края, чтобы найти какие-нибудь следы пребывания здесь Н. К. Крупской и ее подруги-революционерки Л. М. Книпович. Мимо Шуи они как раз в 1895 году («за сорок верст на Валдай!») и шли. Но документов-то нет... Обидно будет, если ничего не разыщем...

В приземистое здание школьного интерната нас привела директор местной школы.

Раньше здесь занимались ребята. Потом перешли в новое здание. Выяснилось, что и до революции это тоже была школа.

— И в 1895 году тоже? Как звали учительницу? — задавали вопросы директору школы.

— Ребята, я здесь человек новый. Вот познакомлю вас с учительницей Ванюшкиной. Анна Ивановна хорошо знает историю школы...

Перед сном обсуждали планы на следующий день.

— Крупская и Книпович, — в раздумье сказала Света Скоробогатая, — не могли пройти мимо школы, когда шли на Валдай в 1895 году...

— А была ли тогда школа? — спросила Лилия Вульфович.

...Недолго ворочались ребята в спальных мешках. Устали после тяжелого перехода. Крепко заснули.

Проснулся я от громкого шепота Светы и Ли-

ли. Девочки принесли молоко с фермы. Остальные ребята пока еще спали. Мы осторожно вышли на кухню:

— ...Анна Ивановна, с которой мы поговорили, уверяет, что школе без малого сто лет. Здесь долго учительствовала Ольга Константиновна Дьяконова... Только неизвестно никому, что бывала здесь Крупская...

И накануне в краеведческом музее Валдая не нашлось материалов о походе Н. К. Крупской за сорок верст, но это не размагничивало, настраивало на боевой лад. Ведь кое-что мы уже знали точно.

Как быть с графиком? Ведь мы сами отвели на Шую единственный день!

Три дня вместо одного пробыли искровцы в Шуе. Ходили из избы в избы. Допоздна засиживались, переписывая набело дневные наброски. Что же удалось узнать?

Учительница Ольга Константиновна Дьяконова проработала в Шуе сорок лет.

— Мне было тринадцать, — вспоминала ее ученица Татьяна Федоровна Кустова, — частенько я забегала к старенькой учительнице помочь по хозяйству. Однажды Ольга Константиновна показала мне книжицу — подарок Крупской. Когда Ольга была еще молоденькой, к ней однажды пришли две барышни из Петербурга. Они разыскивали местную учительницу. Одна и была Крупской...

После этой встречи Ольга Константиновна некоторое время переписывалась с Крупской. Надежда Константиновна помогла выхлопотать ей пенсию. А однажды из Валдая кто-то привез ей, по поручению Крупской, посылку.

Хотя Шуя село и немалое, но весть об открытии ребят быстро облетела односельчан.

Председатель сельсовета заверил печатью записанные искровцами воспоминания. А перед отъездом, у дороги между новыми зданиями клуба и школы, была торжественно открыта памятная доска.

«В 1895 году Н. К. Крупская и Л. М. Книпович прошли из Валдайки (Лыкошино) в Валдай, проводя революционную работу среди крестьян».

На озере в окрестностях
дачи Книповичей

ПОМЧАЛАСЬ НА ВАЛДАЙКУ

Еще в Ленинграде мы представляли себе сцену приезда Надежды Константиновны на Валдайку.

...Только бы успеть, наверное, думала Надежда Константиновна, выходя из петербургского поезда на деревянный перрон станции Валдайка. Скрыв лицо в капюшоне плаща, она неторопливо прошла по перрону, а потом — почти бегом миновала крутую насыпь, пробежала под стрельчатым мостом и затерялась среди жителей, идущих в ближнюю деревню Поречье на храмовый праздник. Был Петров день, 29 июня 1896 года. Все время оглядываясь, Крупская стала подниматься на горушку к даче Книповичей. Накануне провалилась Лахтинская типография. В руки жандармов попал список адресов, по которым рассылались литература. В этом списке была и Валдайка. Крупская не напрасно спешила: на даче хранилась корзина с нелегальной литературой. В ту пору у Книповичей гостила их родственница, молоденькая курсистка Лидия Лиморенко. Вместе с нею Надежда Константиновна затопила русскую печь, замесила тесто — вроде бы для праздничных пирогов — и стала бросать в огонь пахнущие типографской краской брошюры. Но в корзине нашли еще ящичек со шрифтом — его не сожжешь. Среди бумаг попала Крупской и рукопись Владимира Ильича. Тоже не хватило духа сжечь. Решили спрятать. Но как спрятать понадежнее? На даче оставить нельзя. К счастью, еще накрапывал дождь. Крупская и Лиморенко надели плащи. «...Она взяла в руки под плащ лопату, — писала Надежда Константиновна, — я — ящик со шрифтом, куда всунула и рукопись Владимира Ильича, и на виду у шпиков, которые торчали на перроне станции и насмехались над барышнями, гуляющими по дождю, пропутешествовали в лес, где и зарыли благополучно ящик в землю».

Позднее, в Москве, в Центральном Государственном Архиве Октябрьской революции мы долго листали толстые тома дела «О Лахтинской типографии». Там нашли документы, подтверждавшие поездку Крупской летом 1896 года в Валдайку.

Надежда Константиновна на допросе 10 сентября 1896 года осторожно признала лишь сам факт поездки к своей троюродной сестре Лидии Книпович.

К счастью, жандармы ничего не узнали о цели ее приезда.

...Наконец и Шуя осталась позади. В Лыкошино приехали в сумерках. Что тут увидишь!

— Зато уж завтра с утра начнем искать ящичек, — сказал Миша.

— И еще — завтра обойдем жителей.

— Найдем на плане лес.
— Повторим путь Надежды Константиновны...

Немного удалось сделать в тот первый приезд в Лыкошино летом 1968 года. Опросили старожилов, выяснили, где мог быть тогда лесок, в котором Крупская зарыла ящик. По плану С. А. Павловича, племянника Л. М. Книпович, нашли дома, в которых в разные годы проживала Н. К. Крупская. Один дом даже сохранился, а на месте другого, на берегу речки Валдайки, построен музей Лыкошинской школы-интерната.

Выступали ребята по ленинградскому радио, надеялись, что кто-нибудь откликнется. Бывали в Музее истории Ленинграда, но и в голову никому не могло прийти, что директор его — Л. Н. Белова может иметь отношение к Лахтинской типографии. Ее отец Николай Белов — тот самый наборщик, который печатал работы Ленина, а потом попал в лапы жандармов. Теперь и Людмила Николаевна вместе с ребятами ищет, где находилась эта таинственная дача № 10 в поселке Лахта, месте ареста ее отца...

Встретились ребята с Юлией Николаевной и Татьяной Николаевной, племянницами Л. М. Книпович. Обе они рассказали нам много интересного и передали старые фотографии. Когда мы были в гостях у сестер, выяснилось, что многие вещи, которые окружали нас, были и при В. И. Ленине. И старинный резной зеркальный шкаф, и диванчик, и креслице. Некоторые предметы вскоре были переданы Музею В. И. Ленина.

НАКОНЕЦ-ТО ИЩЕМ!

Летом 1970 года юные искровцы начали поиск.

В ленинградском научно-исследовательском институте для них сконструировали и изготовили прибор, чувствительный к свинцу и железу...

Конструкторы выехали с ребятами в Лыкошино и научили их работать с этим прибором.

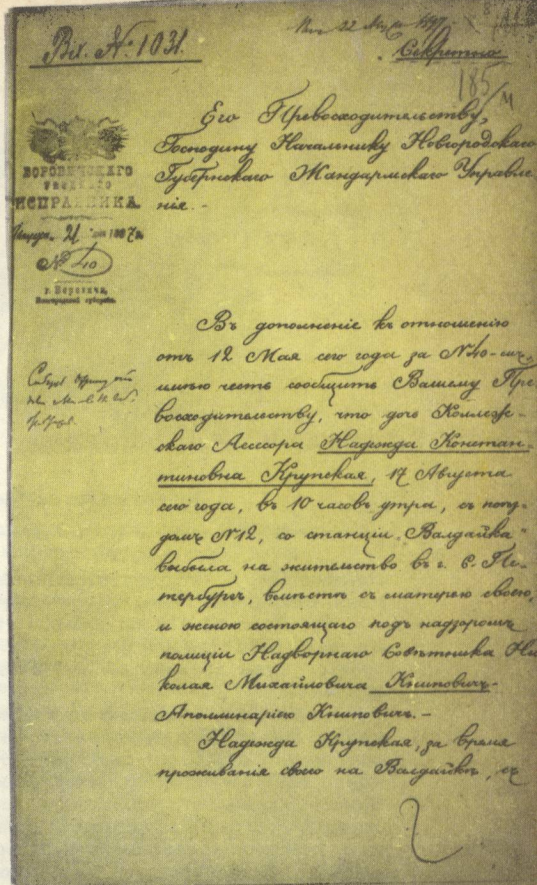
...Обследуем квадрат за квадратом, составляем схему поиска. В местах, где отклоняется стрелка, осторожно, как опытные археологи, вскрываем почву. Ищем уже два года. Находим только куски металла. Но — не унываем!

— Чем больше мы ищем, — говорит Коля, — тем больше шансов остается найти ящичек.

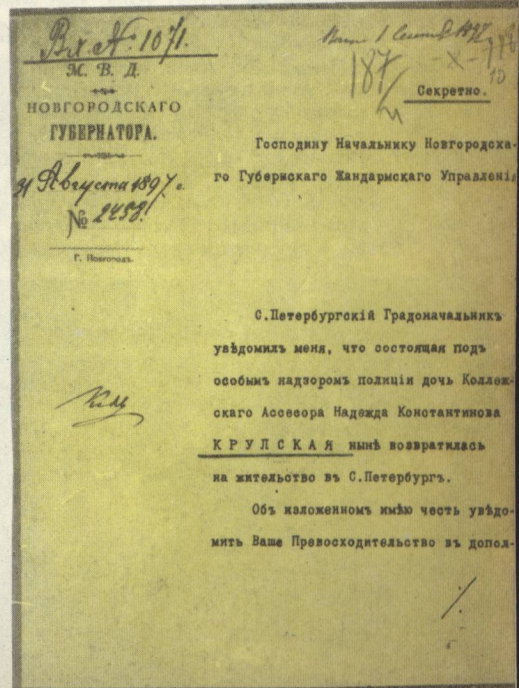
Уж Коля-то, участник математических олимпиад, знает, что говорит. Правда, однажды Алла засомневалась:

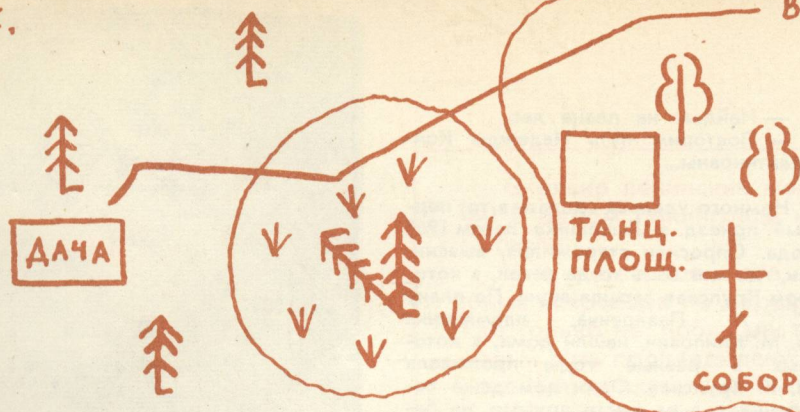
— Может быть, на следующий год Крупская вырыла ящичек?

Алла впервые участвует в экспедиционном отряде, ей простительно

Жандармское «Дело» — свидетельство не в пользу шпиков: «Не приезжала...», «Не выезжала», «Следов не обнаружено...»

РАБОТАЛИ: ВАСИЛЬЕВ С. ТЕРЕНТЬЕВА Т. ИВАНОВ А.

Ребята сами составили карту поиска

сомневаться. Я не успел ответить ей, меня опередила Нина Фунтикова:

— А «Дело № 11» ты забыла? Ну, могли ли Крупская или Книпович рисковать, когда за каждым их шагом следили?

Молодец, Нина! Слушаю ее и вспоминаю, как в Центральном партийном архиве в Москве было найдено «Дело № 11» Новгородского губернского жандармского управления о состоящей под особым надзором полиции дочери коллежского асессора Надежде Константиновне Крупской. В деле, однако, не нашлось оригинала одного из документов, и как же засияло лицо Нины Васильевой, когда в Новгородском архиве она обнаружила его.

В первом же документе «Дела № 11» начальник Петербургской охраны, полковник Пирамидов, в письме начальнику новгородских жандармов сообщал, что «27 апреля 1897 года Крупская выбыла на станцию Валдайку» и просил: «Крупскую подчинить особому надзору полиции».

...Прислушиваюсь к беседе ребят.

— Ну, не в 1897 году, так, может, позднее как-нибудь Крупская вырыла ящичек? — не сдается Алла.

Показываю Алле маленькую книжку воспоминаний Крупской. Она взглянула на год издания и вдруг улыбнулась — поняла, что если бы до 1932 года, когда писала Крупская о своей поездке на Валдайку, был вырыт ящичек, Крупская обязательно об этом написала. Говорю ребятам, что ни в произведениях Надежды Кон-

стантиновны, ни в ее письмах об этом нет ни одного упоминания.

КАКАЯ РУКОПИСЬ В ЯЩИКЕ?

Когда я задал этот вопрос ребятам в 1968 году, мне чуть не хором ответили:

— Или «Штрафы», или «Стачки». — Так для краткости иногда называют работы Владимира Ильича «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и вторую работу — «О стачках». Обе они связаны с Лахтинской типографией.

Но рукопись «О стачках» жандармы предъявляли обвиняемым на следствии. Значит, она никак не могла оказаться на Валдайке в июне 1896 года. Другое дело, куда она потом делась, ведь она до сих пор не разыскана...

Работа «О штрафах» напечатана была за полгода до провала Лахтинской типографии. Обвиняемый Григорий Тулупов на следствии показал, что рукопись брошюры была частью напечатана на машинке, частью написана от руки и после набора сожжена, как все использованные оригиналы.

Как видим, рукопись этой работы не могла оказаться на Валдайке в июне 1896 года.

Что же в ящичке?

Остается предположить, что на Валдайке спрятана неизвестная еще работа В. И. Ленина, которую он написал и передал Л. М. Книпович еще до своего ареста в декабре 1895 года. Если бы эта рукопись была написана в тюрьме, то она обязательно прошла через руки Н. К. Крупской.

История эта еще не имеет конца. Крепко хранит земля старой Валдайки свою тайну. Ох, как хочется ребятам найти этот таинственный ящик, а главное — ленинскую рукопись!

За работой в архиве

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Много еще нераскрытых тайн. Все они крепкими нитями связаны с В. И. Лениным.

Это и история загадочной открытки Владимира Ильича, посланной родным из Швейцарии. Ведь именно здесь летом 1915 года отдыхала Мария Александровна Ульянова и сюда к ней приехали все ее дети, кроме Владимира Ильича. Он, видимо, писал прямо в Лыкошино, ибо почти через месяц после возвращения в Петербург Мария Александровна сообщила Марии Ильиничне Ульяновой: «От Володи была открытка, залежавшаяся в Лыкошине, они еще на даче...»

А этой открытки почему-то нет и в списке неразысканных произведений В. И. Ленина.

А разве не мог Владимир Ильич из Шушенского посылать письма Надежде Константиновне на Валдайку летом 1897?

Переписка между ними в это время была регулярной. «Я писала Владимиру Ильичу в ссылку обо всем, что приходилось видеть и слышать», — вспоминала Крупская.

В Лыкошине ребята разузнали и о ходке к Ленину, и о дежурном по станции Лыкошино, который во время остановки поезда разговаривал с Владимиром Ильичом.

Вот сколько еще предстоит выявить юным искровцам.

С. Рубанов

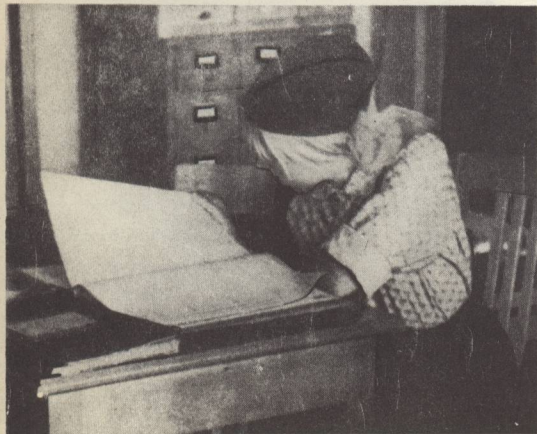
Не только искровцы из Ленинграда ведут неутомимый поиск по маршруту «Мое отечество СССР». Следопыты из Барановичей Белорусской ССР познакомились с теми, кто работал вместе с Надеждой Константиновной. 16-й школе в Барановичах присвоено право носить имя Н. К. Крупской.

Ребята из станции Раздорской Краснодарского края разыскали могилу славного комиссара гражданской войны Дмитрия Павлова и изучили его героический путь.

В музее трудовой славы Нарвской школы № 9 есть дорогие экспонаты — письма Марии Демченко, Алексея Стаханова, воспоминания о годах Первой пятилетки. Дружью ребят — передовые рабочие Кренгольмской мануфактуры.

А твоя дружина идет по этому важному пионерскому маршруту?

Ждем сообщений!

КОГДА ТАЕТ СНЕГ

РАССКАЗ

В апреле застучала капель. Снег на полях почернел, деревья обнажились и тоже стоят черные. Чувствуется: идет весна.

Уже скворцы прилетели, и драки вспыхивают между скворцами и воробьями около пустых скворечников, которые смотрят на белый свет единственным черным глазом.

В воскресенье утром мы с Ленькой пошли на ближнее озерко. Пока добрались туда, умудрились промочить ноги, хотя оба надели болотные сапоги.

Это было уже не озерко, а озеро. Половина его была затянута темным покوروبившимся льдом. Лед ломался на большие куски и дрейфовал. Мы нашли подходящую толстую льдину, Ленька захватил длинный шест — отталкиваться. Договорились, что будем играть в отважных мореплавателей, и прыгнули на лениво качающуюся льдину.

Ленька командовал:

— Полный вперед! Лево руля!

Я всюю старался, упираясь шестом в илистое дно. Наша льдина помаленьку двигалась. Нам надоело играть в мореплавателей, и мы стали просто кататься на льдине. Ленька разогнался, заскользил, и вдруг кромка льда откололась и Ленька оказался в холодной воде. Он захлебнулся от неожиданности и стал отчаянно молотить руками, ватное пальто напилось водой и стало тянуть его вниз. Я хриплым голосом закричал:

— Держись за шест, Лёнь!

Он схватился за шест и потянул меня к себе. Я скользил, стараясь найти себе какую-нибудь опору, и наткнулся на какой-то выступ на льдине. Осторожно перебирая руками шест, я подтягивал Леньку к себе. Только бы не сорваться...

И вот уже Ленька, насквозь промокший, сидел на льдине и стучал зубами от холода.

Через три минуты на берегу запылал большой костер. Вокруг него на кольях сушилась Ленькина одежда.

Я думал, что Ленька заболит, но он не заболел. Уверял меня, что закалится на всю жизнь.

Весна, оказывается, тоже бывает хитрой и коварной.

Петр Косев, 8 класс, Алма-Атинская обл., Илийский р-н, ст. Жетыген

ВЕСТИБЮЛЬ

РАССКАЗ

После уроков в класс зашел комсорг и сказал, что послезавтра в школу придет делегация шефов, так что будем встречать. «Ваша задача — вымыть вестибюль». Сразу же раздались возгласы насчет нехватки тряпок, ведер и швабр...

— А что будет делать восьмой «а»? — спросил наш староста.

Весь класс вопрошающе замолчал. Комсорг несколько смутился и сказал, что у восьмого «а» завтра экскурсия в планетарий. Тут уже поднялся неописуемый гам. Слышались возгласы насчет тех людей, которые прохлаждаются, и тех, кому приходится вкалывать. Комсорг вышел, возмущение улеглось, и все разошлись по домам.

Назавтра, после уроков, староста и несколько девочек загородили путь толпе одноклассников. Староста закричал: «Куда? А вестибюль?» Все сразу вспомнили вчерашнее обращение комсорга, неохотно побросали свои портфели и отправились — кто за тряпками, кто за ведрами, кто за водой. И когда все уже было готово, один из нас, Васька, вскочил на стул и крикнул:

— Ребята! Мы здесь будем ишачить, а они... — он указал на дверь с табличкой 8«а», — они будут на небе звезды считать и кино смотреть!

Спрыгнул со стула, взял портфель и пошел — не к вестибюлю, а к выходу во двор (дело в том, что через вестибюль у нас обычно не ходят, парадная дверь закрыта). Вслед за Васькой мы тоже стали хватать свои портфели. И разбежались.

На следующее утро ребята собрались расстроенные, взерошенные. Ваську все избегали. Считали его в некотором роде виновным в том, что вчера по его «призыву» бросились по домам. И Васька угрюмо молчал.

На уроке истории в класс заглянул какой-то мальчик.

— Нина Алексеевна! — обратился он к учительнице. — Директор велел на большой перемене привести все классы в вестибюль, шефы приехали.

По классу пополз шепоток: «Что будет!.. Вот нам попадет... Так и надо: сами виноваты...»

Звонок. Нина Алексеевна построила нас и повела в вестибюль.

И вдруг зеркально-чистый пол вестибюля предстал перед нами во всей красе. Началась линейка. Мы приветствовали улыбающихся и смущенных шефов...

А потом вперед вышел директор и объявил благодарность ребятам из 8«а» класса — за то, что, вернувшись с экскурсии, они добросовестно вымыли вестибюль.

От такого сообщения нам стало не по себе. И хотя директор ни словом о нас не обмолвился, девчонки наши покраснели, а мы опустили головы. Нам было очень стыдно!

Борис Будников, 9 класс, г. Львов

КТО КОГО ГРЕЕТ?

Говорят, что шуба греет
В холода.
Говорят, что шапка греет.
Ерунда!
Вот лежат они в углу
Четыре дня
И от холода озябли
Без меня.

Меховые рукавицы
Мне кричат:
— Наши пальцы
Как железные стучат.
Ты нас на руки
Надень-ка поскорей,
Ты нас, бедных,
Нас, промерзших,
Отогрей.

Шапка беличья,
Промерзшая насквозь,
Говорит:
— Меня в беде моей не брось,
Ты надень меня,
Да только поживей,
Ты надвинь меня поглубже,
До бровей,
Я тебе, мой милый,
Службу сослужу.
Да не медли же!
От холода
Дррррожу!

И, дыша морозным паром горячо,
Шуба просится:
— Накинь-ка на плечо!
Застегнись-ка,
Чтоб тепло не растерять,
И пойдем снежки на улице швырять

А расшитые овчинные унты
От отчаянья
Слезами залиты.
— Два унта, —
Они мне шепчут, —
— Две ноги...
Ну, да хватит разговоров,
Помоги!

Шуба крепкая, надежная на мне,
Рукавицы —
Подходящие вполне!
И унтам моим не лень
Гулять весь день.
Шапка беличья
Свалилась набекрень.
Им теперь
Любая стужа — не беда:
Им со мною —
Не замерзнуть в холода!

Жан Зимин
Рисунки
И. Казаковой

СТРАННЫЕ БАРАШКИ

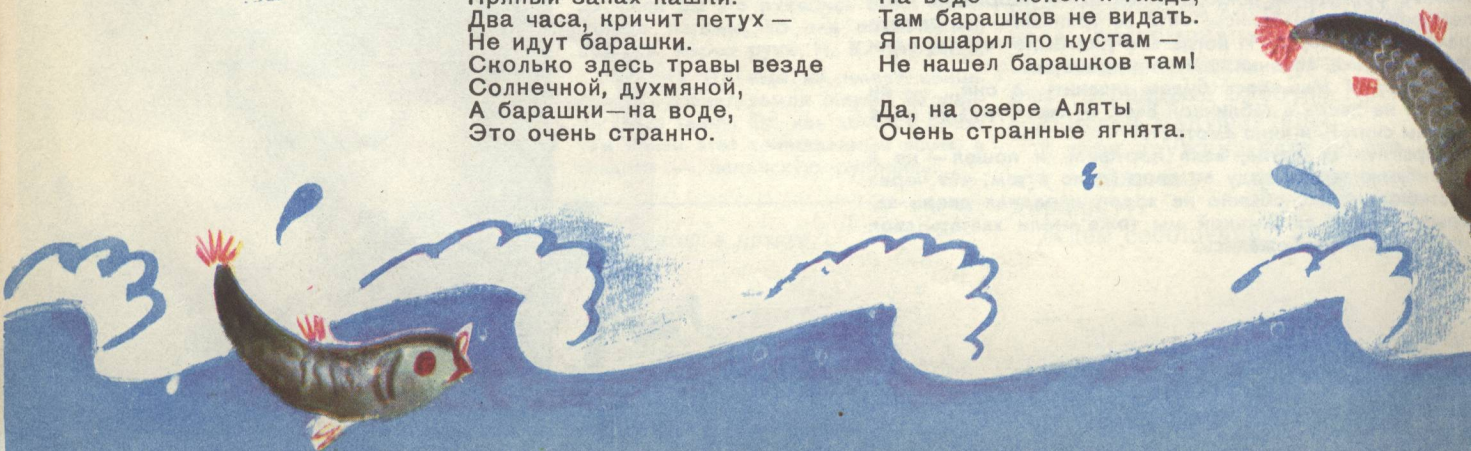
Как по озеру Аляты,
По воде по чистой,
Шумно бегают ягнята.
В шубках серебристых.
Я стою на берегу,
Где трава примята,
Но звать их не могу:
Не идут ягнята.

Одуванчиковый пух.
Пряный запах кашки.
Два часа, кричит петух —
Не идут барашки.
Сколько здесь травы везде
Солнечной, духмяной,
А барашки — на воде,
Это очень странно.

Летний ветер, как пастух,
Тяжело промолвил:
— Ух! —
И прилег устало.
И случилось чудо вдруг,
Понимаете ли, вдруг
Всех
Ягнят
Не стало!

На воде — покой и гладь,
Там барашков не видать.
Я пошарил по кустам —
Не нашел барашков там!

Да, на озере Аляты
Очень странные ягнята.

ПОЖАР

В чаще леса на закате
Поднялся переполох:
В чаще леса на закате
Кто-то озеро поджег.

—Караул!
—Пожар!
—Беда!
Загорелась, полыхает,
Полыхает не стихает
В нашем озере вода.

—Как же мы недосмотрели?!
—Кто преступник?
—Чья вина?!
—Неужели, неужели
Озеро сгорит до дна?

—Посмелей!
Огонь осилим!
Хватит в чаще прокисаты!
—Эй, березы,
Эй, осины,
Ну-ка озеро спасать!

В бой с огнем
В одно мгновенье
От берез рванулись тени,
А за ними — в миг один —
Тени сосен и осин
Полетели, как на крыльях.
Тени озеро накрыли.
Полыхнув в последний раз,
Нехотя
Огонь
Погас.

Солнце хитро улыбнулось,
Солнце в тучи завернулось,
Словно в шелковый халат.
Спать ложась, сказала солнце,
—Ну и ну! — сказала солнце,
—Чудаки! — сказала солнце, —
Это ж просто был закат!

ПУСТЬ РОТ НЕ ВРЕТ

Не решил лентяй задачу.
Взяли парня в оборот...

—Я ушибся и, в придачу,
Простудился и, в придачу,
Я объелся и, в придачу,
Заболел, — ответил рот.

Щеки вспыхнули румянцем:
—Что ни слово — ерунда!
С этим братцем-самозванцем
Мы сгораем от стыда!

Уши вскрикнули:
—Едва ли
Есть еще подобный лжец!

Мы — не слышим!
Мы — завяли!
Нам, товарищи, конец!

Говорят глаза:
— Умишком
Пораскинь-ка, братец рот, —
Доверяют-то не слишком
Тем, кто беспрестанно врет.
И в глаза учителю
Нам смотреть мучительно.

Коль не скажешь, что задачу
Не решил наш друг Бадма
Из-за лени и, в придачу,
От безделья и, в придачу,

От отсутствия ума,
Мы, чтоб не было беды,
Рот,
Нальем в тебя воды,
Чтоб молчал ты целый год.
Вот!

... Встал Бадма и, чуть не плача,
Губы толстые разжал:
— Не решил ее... задачу...
Потому что... не решал.

*Вольный перевод с бурятского
Марка Сергеева*

Я - ИНСПЕКТОР МАНЕЖА

ПОВЕСТЬ

Роберт Балановский

Рисунки Ю. Шабанова

Мы стали репетировать новый номер «Мертвая точка». Баланс в нем был значительно более трудным. Вот немного из того, чего я добивался.

На столе — перевернутый стеклянный бокал. Я ставил на его донышко тросточку с ручкой в виде буквы «Т». При помощи укрепленного возле стола перша — длинной деревянной или алюминиевой палки, с которой выступают гимнасты-балансеры, — усаживался на ручку палки. Когда удавалось найти равновесие, я отпускал перш и некоторое время сидел ни за что не держась.

Другой трюк: на перевернутое вверх дном ведро для льда ставилась бутылка из-под шампанского. Вторая бутылка устанавливалась горло в горло на первую. Затем следовала еще бутылка, опиравшаяся на вторую

дном на дно. На нее еще одна снова горлышком к горлышку. И, наконец, пятая — последняя, дном кверху. Опираясь одной рукой на это шаткое сооружение, я делал баланс на одной ноге. Когда я спрыгивал на землю — бутылки рассыпались.

Следующий трюк: на столе четыре бутылки. На их горлышки устанавливался легкий венский стул. Я поднимался и становился на спинку стула сначала двумя ногами, а затем одной.

Постепенно партнерша убирала сперва две, а потом и три бутылки. Стоя на спинке, я сохранял баланс на стуле, опиравшемся всего одной ножкой на горло бутылки.

Еще трюк. На столе четыре бокала. На них укладывалось толстое прямоугольное стекло. На середину его я устанавливал перш высотой в три с половиной метра. Пока я поднимался по другому першу, намертво за-

Написана в содружестве с писателем Арк. Минчковским. Окончание. См. «Костер» №№ 2—3, 1972 год

крепленному у стола, тот перш, что опирался на стекло, поддерживала партнерша. Оказавшись наверху, я устанавливал баланс на ничтожно маленькой площадке, которая завершала стоящий на стекле перш. Партнерша отходила в сторону. Я балансировал, не имея никакой поддержки.

Номер требовал длительной тренировки, а его ежедневное исполнение — предельной точности и обязательно хорошей формы артиста.

Был ли номер опасным?

Разумеется.

Мог ли я упасть и разбиться? Ведь работал, как и всякий партерный эквилибрист, без лонжи. Скорее всего, нет. Я должен был, предупредив момент развала пирамиды, спрыгнуть вниз, не в ту сторону, куда повалится все сооружение из столов и стульев, а в противоположную.

Цирковой артист в таких случаях обязан уловить секунду опасности. Нечего и говорить о том, сколько раз во время репетиций разваливались мои бутылки. Приходилось прыгать, а потом начинать снова и снова. Ставить предметы, подниматься вверх и опять, при опасности, спрыгивать. И так десятки, нет — сотни раз.

«Мертвую точку» мы репетировали то в каком-нибудь помещении, где позволяла высота потолка, то на сцене эстрадного театра. Но случилось так, что премьера номера должна была состояться на манеже цирка. И вот там, на репетиции, стало ясным, что на арене с оплочным покровом установить равновесие гораздо сложнее. Снова пришлось немало потрудиться, чтобы выступления в цирке шли гладко.

Талантливый режиссер Арнольд — теперь его уже нет среди нас — подсказал мне удачное начало номера.

В кафе я уже входил вместе с партнершей — Людмилой. Мы были элегантно одеты и выглядели влюбленной парочкой. Я приглашал Людмилу присесть к столу, на котором стояли бутылки с шампанским и бокалы. Она, как бы шутя, начинала качаться на стуле, на задних ножках, стараясь удержать равновесие, но это у нее не получалось. Увлечшись балансированием, она чуть не оказывалась на полу. Я вовремя успевал ее подхватить, а затем сам показывал ей трюки баланса.

Помню, первое время мы подсчитывали, сколько раз

исполняется наш номер. Помню, когда перешло за тысячу. Потом счет потерялся.

Работали мы и на цирковой арене, и на сценах мюзик-холла, и на эстрадных площадках, и в кино перед сеансом.

Однажды в Ленинграде мы работали на сцене кинотеатра «Капитолий» (теперь это «Молодежный»). Сцена его, вернее — площадка перед экраном, была очень неглубока — метра четыре-пять, не больше, и, что всего неприятнее, поката — с наклоном в сторону зала. Для баланса, разумеется, требуется совершенно ровный пол, и я, чтобы достигнуть вертикали по центру, заранее подкладывал под передние ножки стола деревянную планку. Работать было, конечно, небезопасно. В случае неудачи, для того, чтобы спрыгнуть, пространства оставалось совсем мало: позади моей пирамиды — экран, впереди — оркестровая яма. Однако в первые дни все сходило благополучно и я проводил номер по нескольку раз в вечер.

И вот на одном из выступлений, уже забравшись на самый верх, я почувствовал, что моя пирамида качается. Неприятнее всего было свалиться вперед. Я мог очутиться в оркестровой яме, а самый верхний стол мог, чего доброго, полететь в публику. Я старался балансом выровнять положение и как-нибудь закончить номер, но тут внезапно ощутил, что воздвигнутое подо мной сооружение стало клониться в сторону экрана. Я уже ничего поделать не мог. Каким-то чудом не рухнувшая пирамида прижала меня спиной к полотну экрана. Прыгать было рискованно, и я замер, сидя на стуле и боясь пошевелиться. Людмила всеми силами старалась не показывать публике своего испуга, но в глазах ее виден был страх.

Все так же не шевелясь, я негромко велел дать занавес и принести лестницу, которую видел за кулисами — огромную, доходящую чуть не до потолка сцены. Трое мужчин с трудом дотащили эту лестницу. Ухватившись за перекладину, я стал осторожно сбрасывать стулья, затем верхний стол. Перейти сразу на лестницу я не мог, так как пирамида немедленно бы развалилась и могла покалечить выручивших меня людей. Поэтому каждый стул я снимал чрезвычайно осторожно. Мне удалось разобрать пирамиду, и вскоре, к великой радости всех, я уже стоял на сцене.

Пришла война

Мы узнали о ней на утреннике в Ростове-на-Дону.

Представление уже началось. Вспыхнули огни над ареной. Готовые к выходу артисты сгруппировались за форгангом, когда прибежал кто-то из администрации цирка.

— Товарищи, война!.. Война с Германией!.. Фашисты напали на нас ночью... Бомбили Киев...

За занавесом гремела веселая музыка. Публика еще не подозревала о случившемся. Надо было работать и соблюдать спокойствие.

Но вот по рядам пошел говорок. Видно было, как забеспокоились зрители. Зал один за другим стали покидать военные. Потом штатские мужчины и женщины. Под конец представления публики оставалось едва ли полцирка. Мы все же провели программу, затем неразгримированные, в цирковых костюмах, собрались в красном уголке. Начался митинг. И здесь же люди, что еще полчаса назад показывали чудеса ловкости на трапеции, давали клятву, что готовы с винтовкой в руках пойти защищать родину.

Слова у работников цирка не расходились с делом. В те дни в Москве выступала группа джигитов под руководством Михаила Туганова. Закаленный в боях гражданской войны конник Михаил Николаевич Султанбек-Туганов, его ближайшие помощники и совсем молодые джигиты — участники аттракциона — не могли оставаться в стороне, когда на границах родины уже шла битва.

В первых же числах июля коллектив Туганова покинул цирковую арену и добровольно влился в конные части Красной Армии, став 1-м взводом 1-го эскадрона кавалерийского полка, который был включен в корпус генерала Льва Доватора. Провожаемые товарищами по манежу и собравшейся возле цирка на Цветном бульваре толпой москвичей, джигиты уходили на фронт на тех самых донских скакунах, на которых еще вчера выступали на манеже. Они были одеты в форму красных донских казаков. Корпус Доватора был направлен на защиту дальних подступов к столице, бойцам-артистам выпала честь защищать Москву. Кавалерийский взвод джигитов Туганова вел себя на войне героически. Бесстрашные всадники на быстроногих конях неожиданно появлялись то там, то здесь в тылу противника, сеяли страх и панику в рядах фашистских войск.

Под Волоколамском был убит командир взвода Дмитрий — мастер-наездник высшей школы верховой езды. Пали смертью храбрых бойцы-кавалеристы Гончаров, Власов и Иванов — лихие участники циркового ансамбля джигитов. В конце декабря, когда на фронте наступил некоторый перелом, генерал Доватор дал приказ отправить группу джигитов в Москву на отдых. Но конники не захотели оставаться в тылу. Очень скоро они влились в гвардейский кавалерийский корпус генерала Плиева, но теперь уже как казачий ансамбль. Не отры-

ваясь от передовых частей, ансамбль прошел тысячи километров, давая сотни представлений везде, где это только было возможно...

Конечно, обо всем этом стало известно гораздо позже, тогда же, в Ростове-на-Дону, в первые дни войны, мы почувствовали себя, со всей своей цирковой мишурой, лишними перед жестокими испытаниями, выпавшими на долю нашего государства.

Мы узнали, что в Минске на второй день войны сгорел подожженный вражеской бомбой цирк. Животных удалось спасти. Один дрессировщик выпустил из аквариума морских львов и сумел вывести их из горящего костром здания. Через несколько минут морские львы уже добрались до речки, которая протекала рядом, в городском парке.

Минск пылал. Жители покидали город, поспешно увозя детей. Многие уходили пешком. Весь этот поток устремлялся к Смоленску. Цирковым артистам ничего не оставалось, как присоединиться к беженцам.

В городах, где еще было относительно спокойно, пришлось закрыть цирки-шапито. Дело в том, что когда вечерами на арене шло представление, цирк-шапито светился сквозь брезент, как гигантский фонарь, и становился отличной мишенью для ночных бомбардировщиков.

Кое-кто думал, что цирки закроют вообще. Но этого не случилось. В Ростове мы продолжали давать представления, хотя город по вечерам погружался во тьму, а зрителей набиралось едва ли ползала.

Несмотря на трудности передвижения по железным

дорогам в военное время, моя жена немедленно отправилась в Ленинград. Там у нас оставалась маленькая дочка. Мы уже знали, что и над Ленинградом появляются теперь немецкие самолеты.

Потом потянулись горькие дни. По радио передавали одну за другой драматические сводки Советского Информбюро. Немцы рвались на восток.

Когда моя семья вновь соединилась, я попросился, чтобы нас направили выступать перед армейскими частями.

Вскоре стали создаваться фронтовые бригады. Мы вошли в одну из них, нас направили в Сталинградский военный округ. От Сталинграда фронт был еще далеко, но город уже напоминал военный лагерь. Это была наша база. Из Сталинграда мы выезжали во фронтовые части. Добраться до них порой было очень трудно.

А бывало и так. Наконец доберешься. Только начинается представление — где-нибудь на лужайке или перед удобным для зрителей склоном, как приходит команда поднять бойцов. Предстоит переброска. С нами поспешно прощаются, просят извинения — досмотрим в другой раз. И сердце сжималось от мысли, что многим из этих ребят в защитных гимнастерках уже не придется никогда «досмотреть».

Или в самом разгаре номера вдруг завоет сирена. Воздушная тревога!.. Показались вражеские бомбардировщики. Всем, и бойцам и артистам, немедленно в укрытие!..

И все же в продолжение всей войны, и вблизи передовой, и в запасных полках, и в госпиталях выступали цирковые артисты.

Авария

Я еще оставался в Казани. Отсутствие реквизита не позволяло уезжать далеко. Я рассчитывал к лету соорудить себе новый реквизит, похожий на прежний, и тогда уже двинуться с семьей по другим городам. Цирки повсюду посещались хорошо.

Пока готовился новый реквизит, мы выступали в разных клубах Казани и пригородов, в Домах культуры, перед ранеными в госпиталях и в воинских частях.

Помню весенний день, когда мы работали неподалеку от Казани в Доме культуры на станции Лопатино. Сцена там была очень неудобной, со столь незначительной глубиной, что пирамиду из столов пришлось строить у самого края оркестровой ямы. Столы были случайными, собранными из разных помещений Дома культуры.

Я уже привык к работе с любимыми столами. В этом даже был какой-то своеобразный шик. Публика видела, что столы и стулья самые обыкновенные и, значит, баланс тут без обмана.

Но на этот раз я что-то недосмотрел. Один из столов, видимо, был рассохшимся и готовился вот-вот рассыпаться.

Словом, когда я уже был на самом верху и номер подходил к концу, я услышал, как подо мной что-то треснуло. Надо прыгать, но прыгать некуда. Еще секунда — и пирамида рухнула, а я полетел вниз в глубину оркестровой ямы.

В сознание я пришел быстро и в первый момент ничего не ощутил. Однако полет обошелся мне дорого... Только через два месяца я поднялся с койки и начал ковылять на костыле по комнате.

Шло время, кости понемногу срастались. Костыль заменила мне палка, но о номере со столами, во всяком случае, в ближайшее время, не могло идти и речи.

Что же делать? Ведь надо было работать. Неужели же я не встану в строй цирковых артистов?!

Я вспомнил о мнемотехнике, которой когда-то увле-

кался. Физических усилий тут требовалось немного, главное — память и тренировка.

Осилить, осилить во что бы то ни стало!

Я уговорил жену, и мы стали тренироваться. Тренировались по многу часов в день.

Так называемого ключа к мнемотехнике у нас не было. Для публики мнемотехника это «чудо», а, как известно, иллюзионисты и другие исполнители предпочитают «чудеса» держать в секрете.

Что такое мнемотехника? Это отгадывание мыслей на расстоянии.

Как правило, номер обставляется так: отгадывающая стоит на сцене с завязанными глазами, а ее партнер находится в зале среди зрителей. Он громко задает артистке вопросы, спрашивает, возле кого он находится или что в руках у женщины рядом. Потом берет протянутый ему документ, спрашивает, что это и как фамилия владельца паспорта или удостоверения. Иногда требует назвать его номер. Если протянули железнодорожный билет, партнер из зала спрашивает, откуда приехал гражданин и когда он выехал из названного города, и так далее, и тому подобное.

Партнерша на сцене должна отвечать на все вопросы. От быстроты ответов и их правильности зависит успех номера.

Как и во всяком цирковом и эстрадном жанре среди исполнителей номера мнемотехники есть свои блестящие мастера. Иногда поток вопросов так стремителен, а ответы следуют так мгновенно, что и в самом деле начинаешь думать, нет ли тут какого-то чуда.

Но чуда не происходит. Номер построен на усвоении своеобразного кода, в котором каждое поданное из зала слово означает другое слово или цифру, или слог-букву, или, наконец, целое понятие.

Вот, например, как я передавал партнерше, казалось бы, наиболее удивительную отгадку — номер документа.

— Мне вручили... — говорил я.

— Заводское удостоверение, — перебивала Людмила.

Она уже знала, что сочетание слов «мне» и «вручили» означало — заводской пропуск, в то время как, например, «мне протянули» — означало паспорт, «я держу в руке» — военный билет. Другие слова — другие предметы. Потом я говорил:

— Ну, скажите, пожалуйста, быстро, мы ждем, прошу, Людмила — номер пропуска?

Людмила, не задумываясь, отвечала:

— 7320911.

Пока я передавал, она составляла в уме номер. Слово «ну» расшифровывалось как цифра 7, «скажите» как — 3, «пожалуйста» — 2, «быстро» — 0 и так далее. Обращение «Людмила» в этом случае означало повторение цифры 1.

Но ведь протягивали и документы или денежные знаки, где одинаковые цифры повторялись неоднократно. Тогда, например, я обращался:

— Быстро, подумайте...

«Подумайте» значило, что на документе стоят три семерки подряд.

Конечно, слов обращения не так уж много и потому в разных комбинациях они имели различное значение, смотря по тому, о чем идет речь: об имени, фамилии, цвете одежды или географическом понятии. Те же самые слова: «отвечайте», «пожалуйста», «будьте любезны» — соответственно значили: «а», «б», «в» и так далее.

Словом, все тут построено на тренировке памяти. Тренировке упорной и ежедневной. Чем сложнее комбинации, которыми перебрасываются партнеры, тем эффективней и «загадочней» номер.

Очень и очень многое зависит от того, кто находится в публике и задает вопросы. Иногда в простых случаях

их можно кидать мельком, почти скороговоркой, а порой приходится говорить неторопливо и следить, чтобы партнерша не спуталась.

Как же трудно было мне, привыкшему к акробатике и опасным высотам балансера, постигать искусство мнемотехники.

Но мы в конце концов справились с нашей задачей и через несколько месяцев уже выступали в новом жанре.

Наверно, мы не были выдающимися отгадывателями мыслей, но все же номер имел успех.

В конце каждого выступления я спрашивал Людмилу: — Теперь скажите, о чем думают, о чем мечтают все зрители?

И она отвечала стихами:

Думой все одной объять
Люди фронта и труда —
Разгромить фашизм проклятый
Поскорей и навсегда.

Даже это неказистое четверостишие, собственного сочинения, всякий раз сопровождалось громом аплодисментов. Мы понимали: аплодируют не нам — а тем, кто не жалел сил для победы над заклятым врагом.

В начале 1944 года мы усилили наш номер еще одной партнершей. Это была наша дочь Марина Балановская, которой тогда исполнилось девять лет. В конце нашего выступления девочка вставала со своего места в зале и заявляла, что она тоже хочет попробовать отгадывать. Потом девчушка выходила на эстраду, ей завязывали глаза, и я продолжал задавать вопросы из зала, конечно, стараясь их, по возможности, упростить. Несмотря на свой малый возраст, Марина справлялась с ролью и сделалась почти постоянным участником номера мнемотехники.

В Ленинград!

Шел последний год Великой Отечественной войны.

К началу сезона наша семья снова была в Казани. В городе уже сняли светомаскировку. Цирк должен был открыться программой с участием нескольких известных до войны мастеров.

С номерами, в общем, обстояло не так уж плохо — почти как в мирное время. Не хватало ведущего программу — инспектора манежа. Где его взять — представителя человека, знающего цирк, умеющего, что называется, «подать» каждый номер?..

До начала представлений оставалось всего несколько дней, когда режиссеры, готовившие программу, неожиданно предложили мне выступить в этой непривычной для меня роли.

— Вы отлично справитесь, — уговаривали меня они. — Разговаривать с манежа научились, и еще как. Фрак носить умеете.

Я колебался. Вот так, сразу, вдруг, не готовясь... Но режиссеры были настойчивы. Они говорили, что надо выручить цирк всего на несколько дней, а потом кто-то придет, кого-то найдут... Делать нечего, я согласился.

Так, в день премьеры последнего военного сезона в Казанском цирке я впервые вышел на манеж в новой роли и произнес слова, которые с тех пор беспрестанно говорю вот уже третий десяток лет:

— Представление начинается!

...Поздней осенью того же сорок четвертого года должны были вспыхнуть огни Ленинградского цирка, с начала войны не освещавшего свой знаменитый манеж. О том, что в старом здании цирка на Фонтанке готовится представление, писали в газетах. Находясь в Казани, я немного завидовал своим товарищам, которым вы-

пала честь впервые после перерыва появиться перед зрителями героического города. И вдруг в дирекцию Казанского цирка приходит телеграмма — распоряжение из Главного управления. Текст ее короток и категоричен:

«Артиста Балановского немедленно направить в Ленинград с фраком без семьи».

Время еще военное. Приказ есть приказ. Я прощаюсь с Людмилой и дочкой и сажусь в поезд. Зачем понадобились я и мой фрак — толком пока еще не знаю, но убежден — не для дипломатического приема.

Когда поезд приближался к Ленинграду, уже рассвело. Мелькали те же мосты и старые дома предместий, задымленные корпуса фабрик. Первое впечатление — ничего не изменилось. Но это было только первое впечатление.

С вокзала в цирк я направился пешком. Я шел той самой дорогой, которой когда-то ехал на извозчике с моим партнером Алексеем Каранжо.

Да, Ленинград остался Ленинградом, но как он изранен! Дома на Невском сплошь пробиты снарядами. На мостовых и тротуарах — выбоины. На стенах зданий черные пятна — копыть пожаров. В большинстве окон — фанера. Фанерой закрыты и пробоины в стенах. Дома на углу Невского и Фонтанки, можно сказать, нет — одни развалины. Нет на мосту и клдовских бронзовых коней. Они укрыты где-то в земле, их еще не поставили на место.

Миновал Манежную площадь. Слева остался треугольный сквер. Блекло зеленели остатки ботвы на клумбах, превращенных в огородные грядки. Горожане выращи-

вали картофель и другие овощи на каждом незамощенном клочке земли.

С волнением приближаюсь к круглому зданию цирка. Вот оно, так хорошо знакомое и — неузнаваемое. Зияет темная пробоина в купольной крыше. Изрешечены осколками некогда гладкие стены. Вместо афиш на них темно-синие прямоугольники с надписью: «Во время обстрела эта сторона улицы наиболее опасна».

Остановился и огляделся кругом. На мосту выбита часть решетки. Здесь, в центре города, тоже рвались снаряды...

Возможно ли забыть такое время?!

Оказалось, что известие о моем дебюте в качестве инспектора манежа в Казанском цирке дошло до Москвы, а оттуда и до Ленинграда. По отзывам, я «прошел» в Казани на отлично, и вот теперь мне предлагали тем же самым заняться здесь — участвовать в подготовке и открывать первую послеблокадную программу.

Что и говорить, я был и взволнован и растроган, а признаться, и не на шутку напуган. Справлюсь ли?..

Ведь я режиссер-инспектор манежа, значит, в первую голову буду отвечать за то, как пройдет столь ответственное представление. Ну, а мой опыт в этой роли, как говорится, без году неделя.

Об отказе не могло быть и речи. Нужно было видеть, как день и ночь трудились те, кого сумела собрать дирекция цирка в Ленинграде. Я получил комнатенку в общежитии, которое только недавно начали протапливать, и взялся за работу.

Стараниями дирекции, при помощи военного начальства, удалось вернуть в цирк кое-кого из старых его работников, возраста далеко уже не призывного, что служили в городе в тыловых частях и госпиталях. Иных ветеранов цирка уже не было в живых, другие разъехались, и найти их не представлялось сейчас возможным.

Но особенно остро стоял вопрос о молодежи. Униформисты, например, всегда были, в большинстве, молодыми. Где их взять?

Пришлось пойти на невиданный в истории цирка риск — составить униформу из женской команды.

В цирк явились молодые женщины и девушки. Они надели слишком просторную для них рабочую одежду униформистов, подогнули рукава, закатали штанины и начали осваивать совершенно незнакомую им специальность. Учить их всему пришлось мне. «Восемь девок — один я», — добродушно посмеивался кто-то, когда мы проводили свои репетиции.

Девушки взялись за дело с настоящим рвением. Не верящих в наш смелый опыт оставалось все меньше и меньше.

В конце ноября мне принесли показать только что отпечатанный пригласительный билет. Скромно, без лишних слов на нем значилось:

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦИРК
СЕЗОН 1944/1945 гг.
ОТКРЫТИЕ 23 НОЯБРЯ
НАЧАЛО В 18 ЧАСОВ

На билете был нарисован старый знакомый ленинградцев — клоун Карандаш, раздвигающий форганг.

Обещанный день настал.

Тысячи раз я выходил в своей жизни на манеж. В будни и в праздники. Многие помнятся, многое стерлось в памяти, но вечер 23 ноября 1944 года мне не забудется никогда. Я запомнил его весь, от начала до конца, до малейших подробностей. Помню все номера. И сейчас могу показать места, где сидели почетные гости: командующий Ленинградским фронтом маршал Говоров, командующий Балтийским флотом адмирал Трибуц, ни на один день не покидавшая Ленинграда старейшая народная артистка Мичурина-Самойлова. Здесь собрались воины, рабочие, врачи, ученые, артисты, чьи имена навсегда связаны с героической эпопеей Ленинграда.

Ярко, по-довоенному зажглись огни над манежем. Цирк был наполнен до отказа. И хотя люди сидели

в полушубках, в ватниках, в поношенных зимних пальто, в шапках и валенках, зал имел торжественный вид.

Выстроился перед выходом на манеж отряд женской униформы, одетый в подогнанные по росту парадные костюмы. Встретили их добрые, понимающие улыбки, аплодисменты. На сцене над форгангом появился народный артист Юрий Михайлович Юрьев и великолепным своим голосом начал читать монолог:

Мы снова здесь!.. Давно ли эти стены,
Погружены в безмолвие и мрак,
Стояли гордо под грозой военной,
Прислушиваясь к голосу атак...

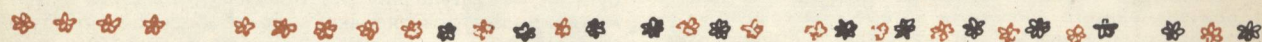
В этих стихах звучало торжество победы. А на щеках у зрителей блеснули слезы. Комок подкатывал к горлу и у всех тех, кто находился за форгангом.

А потом грянул веселый марш, и знакомой спокойной походочкой — носки врозь — вышел Карандаш со своей собачкой Кляксой. Он перерезал ленточку, протяну-

тую у входа на манеж, и первое после дней осады цирковое представление началось.

И вот уже второй, третий, десятый день представлений... С раннего утра и допоздна я в цирке. Много еще не клеилось. Что ж, полагал я, потружусь в качестве инспектора, пока окончательно не заживет нога, а там и смогу снова работать «столами», как называли мой номер.

Еще шла война. Многие артисты еще не вернулись с фронта. Замечательный акробат-прыгун Владимир Довейко еще не снял погон гвардии лейтенанта. Его тяжелый бомбардировщик наносил удары по тылам врага. Где-то в последний свой бой вел танковую роту будущий веселый клоун Михаил Шуйдин, на фронте был и его будущий партнер — Юрий Никулин. Со своей страшной фронтовой бригадой, прямо-таки по следам победителей, спешил Борис Вяткин и давал представления где-нибудь во фронтовом лесу, повесив импровизированный форганг меж стволов сосен.

По цирку разнесся звонок. Скоро начнем второе отделение.

Иду на манеж мимо вагончиков со зверями. Решетка сейчас закрыта металлическими заслонами. Какой-нибудь шутник-тигр или пантера не смогут потрепать лапой неосторожного, кто подойдет слишком близко к решетке.

От вагончиков за форганг уже протянулась клетка-тоннель. Она уже опоясала арену. Прочно скрепленные звенья клетки внушают уверенность в безопасности зрителей. Помощники Западного проверили всю установку, теперь они держат в руках железные прутья — отнюдь не для того, чтобы бить зверей, а чтобы в случае надобности подогнать не торопящихся выходить на манеж.

Публика усаживается. Проверены брандспойты, и пожарные занимают

свои места. Если что случится, на зверей может быть направлена огромная сила водяная струя.

Еще недавно на манежах ставились тяжеленные клетки, какие бывают в зоологических садах. Правда, без потолка, но зато с загнутыми внутрь остриями железных прутьев. Теперь решетки делаются все более легкими — вроде тех, что строятся вокруг теннисных кортов.

Говоря откровенно, силы разъяренных хищников, пожалуй, хватило бы для того, чтобы свалить любую цирковую клетку, сумей они организовать. Но в том-то и дело, что для зверей клетка — психологический барьер, который им не преодолеть.

В общем, за публику я спокоен. Что же касается работы артиста, то, как бы он ни был искусен, как бы ни

бесприкословно подчинялись ему звери — каждое выступление, каждая репетиция таит в себе риск и, может быть, риск смертельный.

Но вот и отзвенел третий звонок. Снова вспыхнули огни над манежем. Заиграл оркестр, и притих огромный зал. Ближайший помощник дрессировщика занял свое место. Я беру микрофон и объявляю последний номер программы — смешанную группу хищников Вальтера Западного.

Три-пять минут назад я видел его сосредоточенного, подтянутого, очень серьезного. А теперь...

Звякнула дверца клетки, и хорошо сложенный, красивый молодой человек, похожий скорее на артиста балета, чем на укротителя хищников, выехал на манеж верхом на огромном льве, раскинув руки и беззаботно улыбаясь залу.

Люди и звери

Есть такой фильм о хороших людях и людях-зверях. Как-то один из моих друзей дрессировщиков с неподдельной горечью сказал мне:

— И почему это всякого бандита, убийцу или фашиста называют зверем?.. Несправедливо. Звери — в большинстве своем — славные и покладистые ребята. Сумей понять их, а уж они тебя поймут.

Сегодня в цирке напрочь позабыто слово «укротитель», а прежде иначе и не именовался человек, отважившийся войти в клетку с кровожадными хищниками.

Я разных укротителей успел поводить множество. Были среди них бывшие сторожа при животных. Или бывшие помощники известных укротителей. Большинство их прибегало к грубому, насильственному усмирению. Боль, причиненная ударом бича или металлическим прутом, укол трезубом или запугивание горящим факелом — такими средствами добивались эти укротители беспрекословного послушания львов или тигров.

Зверь должен был находиться в вечном страхе перед своим повелителем. Иногда и в самом деле укротителям настолько удавалось внушить страх уже своим по-

явлением, что забитость и запуганность хищников становилась очевидной для публики. Тогда приходилось искусственно взбудораживать зверя, тыкать ему в морду палкой, стрелять, чтобы вызвать рев или взмах лапой, демонстрируя опасность, которой подвергался дрессировщик.

При этом следует все же сказать, что хищники коварны и даже наиболее, казалось бы, усмирённые однажды могут выйти из повиновения и расправиться со своим обидчиком, что и случалось не раз.

Порой на этом основывалась реклама для привлечения публики. Писалось, например, что тигры индуса Мадраго — он выступал у нас в двадцатых годах — разорвали своих прежних укротителей. Но после того, как совершенно спокойные и даже вялые звери появлялись на манеже и покорно проделывали все, что от них требовали, публика начинала сомневаться в кровожадности животных. И тогда Мадраго, чтобы убедить зрителей, начинал изводить тигров, бил их кнутом, растревал палкой, заставлял рычать и отмахиваться.

В те давние дни у нас еще не было ни одного своего

укротителя. Звери стоили баснословных денег, и нашей стране, только начавшей становиться на ноги, африканские хищники были не по карману.

А публика требовала ярких цирковых зрелищ. Приходилась порой, что называется, покупать кота в мешке.

Приезжал к нам тогда гипнотизер То-Рама, что на языке древних индейцев значит «повелитель». То-Рама, между прочим, заставлял засыпать крокодила или, «гипнотизируя» глазами, наступал на льва и тот, птясь, прижимался в угол клетки. Разумеется, никакого гипноза тут не было. В основе чудес То-Рама лежала обыкновенная дрессировка.

Но выступали и такие гастролеры с животными, чья работа оставалась надолго в памяти. Никогда мне не забыть вечер, когда я увидел на манеже Тогарэ. Имя Тогарэ уже гремело в Европе, и приезд его в СССР вызывал большой интерес. Цирки, где он выступал, были всегда переполнены до отказа. Тогарэ не нуждался в рекламе. Лучшей рекламой служили устные рассказы тех, кому уже посчастливилось побывать на его выступлениях.

Выходил он на манеж в облике «багдадского вора» — героя знаменитого фильма, в котором главную роль исполнял ослепительный Дуг — Дуглас Фербенкс, знаменитый американский актер немого кино.

Тогарэ, смуглокожий, отлично сложенный, появлялся перед публикой обнаженный до пояса. Черные волосы обрамляла светлая шелковая перевязь, край которой ниспадал на плечо. В ухе серьга с кольцом, на руках браслеты. Легкие и широкие восточные шаровары схватывал широкий узорчатый пояс, за который был небрежно засунут пистолет с инкрустированной ручкой. На ногах дрессировщика — мягкие цветистые туфли с загнутыми вверх носками. Этот облик был неожиданным для укротителя.

Но главное, конечно, было не во внешности Тогарэ — красавца, великолепного спортсмена, а в его удивительной работе со зверями.

Львы и тигры — сочетание в то время неожиданное и вообще очень непростое — у Тогарэ делали то, что им было свойственно. Они будто резвились на свободе, но сразу же подчинялись дрессировщику, когда он от них что-либо требовал. В руках у Тогарэ был всего только стек, которым он, впрочем, почти не пользовался. Ну разве только подавал сигнал хищникам, которые слушались его голоса. Звери как бы уступали внутренней силе человека, его разуму.

Свое выступление Тогарэ заключал маленькой сценкой, позже скопированной многими дрессировщиками. Один из львов ни за что не хотел покидать тумбы. Ни окрик укротителя, никакие иные угрозы не помогали. Лев словно вышел из повиновения. Когда будто бы были использованы все средства, Тогарэ расставался со стеклом, вытаскивал из-за пояса и отбрасывал в сторону револьвер. Повелительным жестом он, в упор глядя на зверя, указывал тому место. И лев сдавался. Словно не желая доводить дело до ссоры, он сходил с тумбы и покорно брел, куда ему указывали.

Большим событием тех лет было также выступление капитана Альфреда Шнейдера. Атракцион именовался «Сто львов». На самом деле на манеже их было гораздо меньше, но все же очень много. Шнейдер несколько не походил на обычного укротителя, но львы самых разных возрастов и величин охотно слушались своего дрессировщика — морского капитана с доброй улыбкой. Они катались на шарах, ходили по буму, строились в многоэтажную пирамиду, в центре основания которой, как бы в веере из львов, находился сам капитан, не боявшийся встать к ним спиной.

В атракционе резвились и молоденькие львята. Одного, совсем малыша, носили по рядам и давали погладить зрителям.

После гастролей Альфреда Шнейдера стало окончательно понятным, что с хищниками совершенно не обязательно говорить языком устрашения.

Есть у известного советского писателя Бориса Житкова повесть «Удав» — о несчастном бухгалтере, потерявшем портфель с деньгами и потому вынужденном скрываться в цирке. В дни пребывания Шнейдера в Ленинграде снимался фильм «Смертный номер» по названной повести Житкова. Бухгалтера играл замечательный артист Илларион Певцов, а удав был заменен львами. Если разыскать этот фильм — на экране оживут «100 львов» Шнейдера.

Работали в нашей стране и другие иностранные цирковые артисты — и с хищниками, и с индийскими слонами, и с другими диковинными животными. Были среди них и выдающиеся дрессировщики, и весьма посредственные. А меж тем в цирке на периферии самоотверженно трудился над созданием номера с дикими зверями первый русский дрессировщик — по существу, самоучка — Николай Гладильщиков, в прошлом командир Красной Армии и выдающийся спортсмен.

В самом начале тридцатых годов Гладильщиков уже отважился выступать в столичном цирке, и хотя зверей у него было немного: два льва, бурые медведи, доги и бульдог, — выступления его привлекли внимание новыми приемами дрессировки, веселой борьбой, которую затевал артист со львами и медведями. Одетый в русскую расшитую рубаху, Гладильщиков чем-то напоминал давних скоморохов, которые ходили с медведями по Руси...

Я люблю и высоко ценю работу Ирины Бугримовой. В цирк Бугримова пришла из спорта. Всем занималась Бугримова: метанием копья и диска, верховой ездой, коньками. Первым ее номером в цирке был «Полет на санях». Соскальзывая на салазках из-под купола цирка, Бугримова взлетала в воздух, пролетала через вертящееся кольцо и благополучно приземлялась на арену. Дух захватывало, глядя на то, что проделывала эта отважная женщина. Потому-то я несколько не удивился, когда узнал, что Ирина Николаевна станет работать с хищниками.

И вот мы встретились на манеже.

В клетку стремительно входит красивая женщина в изящном мужском костюме. Облегающая расшитая куртка, легкий плащ, лосины, обтягивающие стройные ноги.

Бугримова не мучает, не пугает, не растревляет львов, но она перед ними и не заискивает. Движения дрессировщицы властны. Она не боится своих питомцев, отбросила давнее правило никогда не становиться спиной к хищникам. Чего только не делает Бугримова! Взяв в зубы кусок мяса, она передает его льву, и тот берет мясо так осторожно, что не касается лица артистки. Устраняя ковер из львов, чтобы уложить их ровней, бесцеремонно подтаскивает за хвосты, а потом сверху укладывает сама.

Храбрость Бугримовой и ее выдержка отменны. Вот она вместе с гривастым красавцем львом Цезарем, в течение долгих лет ее другом и защитником, качается на качелях высоко над клеткой. Раскачавшись, лев и дрессировщица взлетают так высоко, что площадка, на которой они стоят, принимает почти вертикальное положение. Опасно? Конечно. Однажды, я был тому свидетелем, во время полета на качелях лев внезапно раскапризничался и прыгнул вниз. Площадка, потеряв равновесие, опрокинулась. Бугримова не сумела удержаться и упала на манеж вслед за львом. Спортивный тренер помог артистке, и она, несмотря на то, что упала на уложенный поверх опилок настил, мгновенно вскочила на ноги. Позже выяснилось, что в результате падения у нее был сломан палец ноги.

Так что, вы понимаете, даже самый опытный и уверенный в своих зверях дрессировщик должен быть постоянно готов к любым неожиданностям.

Не следует, однако, думать, что глава номера, тот, чье имя пишется крупными буквами на афишах, успехов добивается в одиночку. Нет, каждый такой атракцион создается коллективом. Основному дрессировщи-

ку помогают его ассистенты и служители. От них зависит очень многое.

Звери должны быть вовремя накормлены. Собачки, например, после представления. Они знают, что стоит им хорошо поработать — и получают свою порцию. Именно поэтому они так стремительно несутся за кулисы, лишь завершается выступление. Собачки знают: там их ждет лакомый кусок.

Звери должны быть ухожены. Клетки необходимо держать в чистоте. Очень важно соблюдать определенную температуру. Ведь, скажем, выходцы из Африки любят тепло и легко простужаются. Словом, работы хватает.

Ближайшим помощником главы номера является второй дрессировщик, и хотя его имя чаще всего неизвестно зрителям, от его умения зависит добрая половина успеха. Он так же входит в клетку, как и основной, и также подвержен опасности. К примеру, все трюки дрессировщицы Маргариты Назаровой подготовлены ею вместе с дрессировщиком-репетитором Кон-

стантиновским. Второй дрессировщик у Ирины Бугримовой — артист Константин Пармакян, в прошлом известный воздушный гимнаст.

Многим молодым дрессировщикам помогают родители, уступившие славу своим дочерям и сыновьям. Во время представления эти люди находятся в непосредственной близости от манежа и неустанно следят за каждым движением зверей. В любую секунду они готовы прийти на помощь дрессировщику. Не раз случалось, что помощники и ассистенты спасали артисту жизнь.

Ведь уж на что, кажется, спокойны и флегматичны слоны. Об их добродушии ходят легенды. От слонов и в самом деле не ждешь каких-нибудь неприятностей. И работают они на арене всегда без клетки.

Но и тут, при всем видимом благодушии зверей, дрессировщики всегда на страже.

Правда, слоны скорее проказливы, чем опасны.

Помню, в Днепропетровске, когда там стоял еще деревянный цирк, выступал совсем молодой Владимир Дуров. Его слон был помещен в стойле с высоким по-

толком. Над головой слона — окошко без стекла, делало было летом. Мальчишки узнали, кто стоит за окном. Каким-то образом они взбирались по стенке, заглядывали внутрь и улюлюкали. Слона, видимо, это изрядно надоело, и он стал хоботом срывать с мальчишек шапки. Такую картину застал однажды пришедший служитель, а потом за стойлом обнаружил с десяток разных кепок и тюбетеек...

В другом цирке слон ночью умудрился разобрать дощатую перегородку. Делал он это настолько осторожно и тихо, что не разбудил спящего рядом служителя.

Как-то в Баку слон французского артиста Медрано был привязан так, что мимо слоновника проходил всякий, кто направлялся в артистический буфет. Невдалеке от стойла находился ларь, наполненный овсом. Слон это знал и никому не давал пройти мимо без выкупа — горсти овса. Поступал он на редкость деликатно. Сперва хоботом, как шлагбаумом, перекрывал дорогу, а потом аккуратно подталкивал задержанного к ларю.

Но есть у слонов и совсем не благодушное качество — злопамятность. Они могут долго скрывать обиду, а затем однажды отомстить.

Помню такой трагический случай.

В Москве в программе со мной работал немецкий артист — мулат Буркет. У него была группа слонов. За слонами гастролера ухаживал прибывший с ним служитель. Говорили, что это злой человек, жестоко обращается с животными и что Буркет им недоволен.

Как-то раз, после представления этот служитель, крепко выпив, решил прикорнуть на сене в слоновнике. Вскоре после того, как в цирке все стихло, конюх, дежуривший неподалеку, услышал душераздирающий крик. Кинувшись в слоновник, он увидел страшную картину: один из слонов обвил и сжал хоботом своего обидчика. Служитель уже был без дыхания. Буркет потом говорил, что не раз предупреждал погибшего: со слонами шутить опасно.

Знал я и другой, примерно такой же случай, но тогда дело окончилось лучше. Повалая своего обидчика на полу и, таким образом, наказав его за грубость, слон отпустил несчастного.

Когда слон получает удар за дело, он это понимает, но часто начинает реветь, как наказанный ребенок. Если он ревет сильно, его немедленно поддерживает вся группа, и рев их тогда слышен на несколько кварталов.

Безобидные собачки — и те требуют индивидуально-го подхода и внимания. Есть среди них очень способные, есть тупые. Есть удивительно старательные, есть предельно ленивые. И дрессировщику не легко добиться такой слаженности, чтобы зрителям казалось, будто все четвероногие артисты работают на манеже легко и непринужденно!

Раз как-то жители Ленинграда были поражены: по Невскому проспекту катился мотоцикл с медведем за рулем и человеком в коляске. Медведь соблюдал правила уличного движения, и у милиционеров-регулирующих не было никаких оснований задерживать мотоцикл. Вел машину медведь Валентина Филатова, а в коляске сидел сам дрессировщик, которому вздумалось со своим другом проехаться по городу. Ради рекламы, — сказал бы любой человек на Западе. Ради любопытства и некоторого циркового озорства, — сказал бы я. Ведь все билеты на представление медвежьего цирка Филатова были проданы на месяц вперед.

Представления эти поразительны. Тут и в самом деле уже не аттракцион, а целый цирк. Медведи стоят на передних лапах. Лежа на спине, как заправские эквилибристы, перебрасывают бочки и крутят «сигару» — палку с зажженными на концах факелами. Потом, словно настоящие гимнасты, взбираются по двум ничем не за-

крепленным лестницам. Очень смешно танцуют. Демонстрируют медвежий бокс. Медвежата разъезжают по арене на детских самокатах. Упадет самокат, мишка поднимает его и едет дальше вдогонку за другими.

Но гвоздь номера — катанье на двухколесных мотоциклах. Медведи соблюдают осторожность. Красный свет — стоп! Зеленый — путь свободный. Поехали дальше!.. Тухнет свет в цирке, и медведи сами зажигают фары. Словом — чудеса да и только!

Медведи Филатова до того искусны, что порой кое у кого вызывают подозрение. Уже не обман ли тут?!

Такое, к примеру, произошло в Японии. В Токийский цирк на представление пришел один из хозяев известной фирмы, производящей мотоциклы «Тихацу».

Легенды о филатовских чудесах дошли до него, и недоверчивый японец явился сам, уверенный: тут что-то не так. Владелец фирмы и его спутники предположили, что на мотоциклах разъезжают люди, одетые в медвежьи шкуры. После спектакля Филатов пригласил японцев за кулисы и предложил им убедиться в том, что медведи что ни на есть настоящие.

— Медведи — да, — согласились гости, — но, видимо, у вас особые мотоциклы. Или они так запрограммированы, или управляются по радио из-за кулис. Мы бы хотели, чтобы ваши мишки проделали то же самое на мотоциклах нашей фирмы. Разрешите вам подарить несколько машин...

Валентин Филатов согласился. Прошло три дня, и медведи, освоив новую технику, уже катались по манежу на новеньких японских мотоциклах. Представители фирмы обследовали машины и убедились, что это те самые, которые были доставлены Филатову и что никаких приспособлений к ним не добавлено — и признали себя побежденными. Впрочем, фирма, как и следовало ожидать, не прогадала. Более удачной рекламы для нее нельзя было придумать.

Понятно, что лучший водитель из филатовской школы мог проехать по Невскому. Что касается дрессировщика, то он сидел в коляске, так как надо было, конечно, медведя подстраховывать.

Таких «чудес» Валентин Иванович добился только многолетним трудом и титанической настойчивостью.

Я познакомился с Валей Филатовым в 1931 году. Был он одиннадцатилетним мальчиком, уже тогда влюбленным в животных и мечтавшем посвятить себя их дрессировке, как и его отец — известный дрессировщик Иван Лазаревич Филатов. В те времена Валентин выступал еще только как акробат. Но любовь к зверям заставила его перейти в ассистенты к известному дрессировщику животных, а позже прославленному главе номера «Слоны и танцовщицы» Александру Николаевичу Корнилову. Работая у Корнилова, Филатов приглядывался к зверям. Особую симпатию у юноши вызывали косопалые. Им он и посвятил свою артистическую жизнь.

Снова мы встретились уже после войны. Кажется, в первый мирный год Филатов приехал в Ленинград с двумя медвежатами. Это были довольно крупные звери — в том возрасте, когда работать с ними уже небезопасно. А молодой Филатов справлялся с медведями легко. Они ходили по манежу на задних лапах и катались на велосипедах. Притом не по настилу, а по ковру, что гораздо труднее.

Уже тогда Валентин Иванович стал увеличивать свою «группу». Он покупал у охотников совсем маленьких медвежат, с которыми занимался как нянька, кормил из соски, ухаживал. Эти малые «дети» Филатова были баловнями за кулисами цирка. Многие артистки, с разрешения дрессировщика, подолгу возились с мишутками.

Меня всегда поражала работоспособность Филатова. Он репетировал со своими мишками день и ночь.

Пока идет номер Вальтера Запашного, я стою в проходе за клеткой, чуть правее звериного тоннеля. Через прутья решеток мне виден цирковой зал, затихший в напряженном внимании. У противоположной стороны клетки суетится какой-то фотокорреспондент. Этот беспечный, обвешанный аппаратами человек начинает меня всерьез беспокоить. Он так увлечен своим занятием, так хочет сделать фотографии поэффектней, что то и дело подступает к самой решетке, чуть ли не пытается просунуть объектив меж прутьев клетки. Срочно посылаю униформиста предупредить не в меру расхраб्रившегося корреспондента.

Дело в том, что, по существующим в цирке правилам, никто из посторонних не должен приближаться к клетке с хищниками ближе, чем на полтора метра. Звери, и особенно львы, обладают отличным глазомером, не говоря уже о мгновенной — в долях секунды — реакции. Преспокойно сидя на своем месте, будто

бы даже скучая, они, заметив, что кто-то приблизился к решетке, могут вмиг оказаться рядом и хватить лапой забывшегося.

В практике Бориса Эдера был такой случай. Один из униформистов, считая, что хищники достаточно хорошо его знают, встал слишком близко к клетке, и лев, вдруг метнувшись в его сторону, успел просунуть сквозь прутья лапу и притянуть униформиста за грудь. Неизвестно, что было бы с беднягой в следующую секунду, если бы маневр льва не был замечен артистом. Эдер столь же мгновенно оказался рядом и освободил пленного. Перепуганный униформист отделался лишь разодраным мундиром...

Стоя за клеткой, я люблюсь работой Запашного, его уверенными артистическими движениями. Именно артистическими. Даже изящными. Если только возможно изящество в обращении с хищниками.

Еще совсем недавно юный и ловкий Вальтер Запашный вместе со сво-

ими братьями показывал чудеса вольтижировки. И вот уже акробат-вольтижера потянуло к дрессировке хищников. Признаться, сперва это многих удивило. Но прошло время, и Вальтер достиг таких поразительных результатов, что уже никто не сомневался: дрессировка — его истинное призвание.

«Среди хищников» — так назвал молодой дрессировщик свой аттракцион. Запашный в одной клетке соединил: льва, тигров, черных пантер, невиданных никогда в цирке рысь и ягуара.

О мужестве Запашного может свидетельствовать такой эпизод. Хищники трудно привыкают к чему-либо новому. Главное для них — привыкнуть к виду и запахам, которые исходят от их хозяина. Ведь обоняние у зверей чрезвычайно тонкое. Привычный запах одежды артиста для них тоже значит очень много. И вот Вальтер, все время репетировавший в рабочей куртке, в день премьеры вошел в клетку в новом костюме. Звери, не

узнав своего дрессировщика, набросились на него. Печальный это был день первого выхода на публику. Вальтер надолго попал в больницу.

Другой после такого происшествия вообще вряд ли согласился бы снова войти в клетку к хищникам. Другой, но только не Запашный. Лишь выписался он из больницы, как снова взялся за свое трудное и опасное дело.

Да, звери привыкают к чему-то постоянному, и новое, неожиданное способно взволновать их. Поэтому так трудно снимать хищников для кино. Слепящие юпитеры пугают их и выводят из обычного состояния. Даже к легкому запаху одеколона хищники должны привыкнуть и менять его

дрессировщикам не рекомендуется. Нечего уже говорить о том, что запах спиртного способен привести зверей в бешенство, и тогда беды не миновать.

Есть в «труппе» Вальтера Запашного и его надежные защитники. Уссурийский тигр Тайфун, словно верный пес артиста, всегда рядом с ним. Огромный лев Султан, один из самых старательных «исполнителей», не раз отгонял от него нападающих зверей, да еще давал им такой трепки, что те больше не решались доставлять неприятности дрессировщику.

Запашный работает необычно. Хищники у него не сидят на тумбах, занятые тем, чтобы не свалиться с них (сидение тумбы для того и делается

таким узким, чтобы лев или тигр был занят и отвлекался от дрессировщика, когда тот занят другим). У Запашного звери всегда в движении, номер проходит легко. Звери прыгают через дрессировщика, когда он, словно в гамаке, раскачивается на проволоке. Огромные тигры по его команде встают на задние лапы. Рысь отбивает барабанную дробь...

Близится заключительная часть номера. Вот Вальтер наклоняется и через две-три секунды уже стоит с поднятым на плечи львом. Вес этого живого воротника примерно 250 килограммов. Громом аплодисментов встречает цирк неожиданный трюк. Невольно восхищаешься силой этого столь легкого в движениях артиста.

Медведь в Афинах

В 1957 году мне с группой артистов пришлось впервые представлять за границей наш цирк.

Был поздний летний вечер, когда наш самолет приземлился в Афинах, и ничего, кроме иссиня-черного неба и звезд необыкновенной величины и яркости, я сразу не увидел. Но вот аэровокзал. Самый современный, стеклянный, ярко освещенный. Потом город, еще дышавший дневным зноем. Над городом звезд уже не было, их затмевали огни ослепительных реклам.

Нас встретили представитель советского посольства и импрессарио. Это был весьма представительный молодой человек, с обворожительной улыбкой, вовсе не такой уж фанатик советского искусства, как это могло показаться при первой встрече.

Дело объяснялось иначе. Наш импрессарио недавно получил наследство и, как человек коммерческого склада, немедленно задумался, каким способом приумножить свое состояние. Видно, кто-то дал молодому капиталисту неглупый совет — в результате наших гастролей его счет в банке значительно возрос.

Но сперва организаторы наших выступлений в Греции столкнулись с трудностями.

Во-первых, в Афинах не нашлось подходящего помещения для цирковых выступлений. Все они оказались занятыми. Возможно, совпадение было не случайным. Кое-кому в Греции были не по душе гастроли посланцев страны Советов.

Во-вторых, как раз на то же время были назначены выступления американского балета на льду. Усиленная, прямо-таки сногшибательная реклама предшествовала приезду американцев.

Но и наш импрессарио, что называется, не растерялся. Он немедленно командировал во Францию одного из своих помощников, и тот арендовал там и привез в Грецию шапито на три тысячи мест. Когда мы прибыли в Афины, огромный шатер передвижного цирка уже стоял на месте. Был проведен свет. Свежей краской сияли места для зрителей. Когда дело идет о деньгах, надо отдать справедливость капиталистам, они умеют быстро поворачиваться.

Конечно же, изощренные в рекламных трюках американцы куда как забивали нас умением зазывать. Но после первого нашего выступления билеты очень быстро были проданы на все представления на полтора месяца вперед. Мы давали по два выступления ежедневно, причем в воскресные дни и по три. За все это время я не видел в рядах ни одного свободного места.

Жаловаться не приходилось. Шумными аплодисментами провожали греки всех артистов, в особенности же

Валентина Филатова с его умницами-мишками. Словом, публика нас принимала прекрасно.

Во время вечернего представления одному из мишек каким-то образом удалось отжаться. Не долго думая он пробежал меж столиков кафе, которое находилось у входа в шапито и со скоростью, на какую был способен, пустился по улице. Можно себе представить ошеломленность афинян, когда они увидели бегущего по улице медведя. Один из помощников Филатова выскочил вслед и, схватив такси, полетел вдогонку за мишкой. Беглец был пойман и благополучно доставлен на свое место. Ничего огорчительного не произошло. Косолапый даже не успел никого напугать, но на следующий день газеты греческой столицы пестрели сообщениями о происшествии. Большинство было написано в шутовском тоне, но были и такие, в которых говорилось, что кровожадный зверь очутился на улице далеко не случайно. Читателей призывали бдительно следить за гастролерами.

Как-то за границей директор иностранного цирка, в котором мы выступали, пригласил меня отужинать с ним после представления. Мы пошли в ресторан, где обычно к ночи собиралась театральная публика. Моего спутника там хорошо знали. Нас проводили к свободному столику. Когда ужин был подан, директор обратил мое внимание на седого худощавого официанта, который хлопотал у стола неподалеку. Подавая блюда и убирая посуду, он проделывал необычные для официанта вещи: подбрасывал и ловил на ходу вилки и ножи, крутил высоко поднятый над головой поднос, уставленный стеклянными бокалами и вином, причем делал все это очень легко и как бы между прочим. Я был удивлен, а директор, вздохнув, сказал, что это очень известный в прошлом в Европе жонглер. Состарившись, он остался без средств и вынужден был пойти в официанты. Оказывается, директор, на минутку отлучившись, успел сказать старику, что пришел в ресторан с цирковым режиссером, и вот старый жонглер демонстрировал передо мной свое еще не забытое искусство.

— Что делать, такова жизнь, — развел руками мой спутник.

Я спросил, отчего бы такому мастеру не передавать свой богатый опыт молодежи, не учить ее.

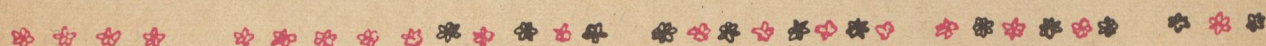
— У нас нет цирковых школ, господин Балановский, — сказал он. — Каждый артист пробивается на манер своим путем. За учение нужно платить дорого. Бесплатно секреты мастерства никто не передает, а где у молодых деньги?

Когда я вспоминаю этот эпизод, я думаю о том, в

каком же завидном положении находится наша молодежь, пожелавшая посвятить себя цирковому искусству, впрочем, как и всякому другому нелегкому делу. Я невольно вспоминаю Михаила Николаевича Румянцева-Карандаша, который делился всем, что знал, с молодыми Никулиным и Шуйдиным, маститого Бориса Афанасьевича Эдера, можно сказать, профессора дрессировки,

чьи ученики уже готовят новую смену, вспоминаю многие другие славные в цирке имена тех, кто отдает свои силы начинающей молодежи. Я вспоминаю учебный манеж в Москве на 5-й улице Ямского поля, где каждую весну защищают дипломы будущие звезды цирка, и горжусь тем, что принадлежу к семье советских цирковых артистов.

Последний тигр Западного покинул арену. Звякнула дверца, и сработал замок. Служители прогоняют зверей сквозь тоннель к вагончикам. Вальтер Западный, улыбаясь, раскланивается, — благодарит щедро аплодирующий ему зал.

— Представление окончено!

Это мои последние слова на манеже. Постепенно затухают слепящие лампы под куполом. Зрители покидают ряды. Вот их уже совсем мало. Светлым прямоугольником желтеет за раздвинутыми занавесами вестибюль. Скоро и там опустеет.

Отдав последние распоряжения униформистам, покидаю манеж. Сейчас пожарные самым тщательным образом осмотрят ряды, а потом и весь цирк. Система противопожарной безопасности поставлена так, что можно быть уверенным — пожара в цирке не произойдет. А ведь когда-то, пожалуй, ничто так часто и страшно не горело в России, как старые театры и цирки.

Ну, вот я в своей гардеробной. Снимаю фрак, сорочку, парадные туфли и надеваю обыденный костюм.

Зайду еще к директору и главному режиссеру, взаимно поздравим друг друга с окончанием программы.

Еще четверть часа, и я иду к выходу. Как же пустынно в цирке... Гулко раздаются шаги. Светится табличка:

**НЕ ВХОДИТЬ
ХИЩНИКИ!**

Не войду. Спокойной ночи вам, зверики!

Сдаю вахтеру ключи и выхожу на Фонтанку. Подморозило. Дышится хорошо. Летят такси с запоздавшими пассажирами. То там, то здесь гаснет свет в окнах, город начинает отходить ко сну. Откуда-то из форточки слышится, как бьют куранты — по радио — с Красной площади.

Проходя по улице Белинского, невольно еще раз оборачиваюсь в сторону цирка. Темнеет огромное круглое здание, резким силуэтом выделяется на фоне неба его купол с небольшим устремленным ввысь шпиль-

лем. Лишь в одном окошке дежурного горит и всю ночь не погаснет свет.

Иногда спрашивают: есть ли предел тому, что совершают воздушные гимнасты, балансеры, акробаты и прочие?.. Ведь всякий раз мы поражаемся новому, до сих пор невиданному. Отвечаю: пределов, видимо, нет. Нет пределов развитию человеческого тела. Нет предела совершенству цирковой техники. Нет границ выдумке и находкам артиста.

Другой вопрос я задаю сам себе. Если бы пришлось начинать жизнь сначала, кем бы я хотел стать? И твердо отвечаю: артистом цирка и никем другим.

Завтра в семь часов вечера снова весело грянет оркестр, зажгутся яркие огни над ареной, я выйду вслед за участниками пролога и громко объявлю:

— ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ!

ПЕРЕПОЛОХ

ШУТЕЙНАЯ СКАЗКА

Сергей Воронин

Рисунок Н. Чарушина

Никто ничего не знал, и я ничего не знал, а как узнал, да как все узнали, так и ахнули. Так ахнули, что лес качнулся. Качнулся лес и лису испугал.

«Ах ты батюшки! — всполошилась лиса, — как это так это, ни с того ни с сего, без ветра, без бури лес качнулся. Не к добру это, не к добру!» — и пустилась бежать.

Бежит и кричит: «Спасайтесь!» Заяц как только услышал, то и раздумывать не стал, — спастись так спастись, — уши на спину, глаза скосил, понесся да со слепу, с косоглаза-то ляпнулся об ольху и заорал что есть силы: «Спасайтесь! Бьют!»

Услыхал волк, — он только что съел овцу. «Не иначе охотники, — решил он, — хотя заяц и трус, но зря орать не станет. Надо бежать!» И побежал.

Побежал, да ненароком в яму попал. «Ой, — взвыл волк, — еще не поймали, а уж в яму посадили. Помогите!»

«Как бы не так, — выскочил из берлоги медведь. — Не до тебя мне. Если уж ты орешь, знать, дело худо. Бежать надо!» И припустил что есть мочи. И не заметил, как нечаянно зайцу на хвост наступил. Оно и понятно, у зайца и хвост-то всего с одуванчик, где его тут заметить. Как заверещит заяц.

«Ух ты! — взревел медведь. — Не иначе зайца поймали. Иначе зачем бы ему верещать?»

А тут еще ворона заорала:

«Кар-ра-ул!»

«Сдаюсь! — закричал медведь. — Не стреляйте». Встал на задние лапы, поднял передние и пошел к нам в деревню сдаваться.

А за ним волк на брюхе ползет, тоже решил сдать-ся. «Если уж медведь лапы кверху, то мне и подавно на брюхе ползти. Может, помилуют». А лиса, как увидела их в таком виде, так и запричитала: «Не к добру, не к добру лес качнулся. Вона что творится. Знать,

и мне пора перед людьми повиниться. Не одну я у них курочку утащила», — и опустила к земле хвост и голову: что, мол, хотите, люди добрые, то со мной и делайте.

Заяц как увидел такую картину, так и заплакал, хотя ни в чем не был виноват перед людьми, и тоже пошел сдаваться.

Идут они, все ближе, ближе, а как подошли совсем близко к деревне, как увидела их старая Анисья, как закричит она не своим голосом, а как услышал ее дед Анисим, как заорет он во весь голос, а я как услышал деда Анисима, как закричу что есть силы, вот тут-то медведь и не выдержал, повернул обратно и понесся на всех четырех в лес.

«Ну, — подумал волк, — если уж медведь бежит, то мне и подавно надо улепетывать». Да так помчался, что только земля полетела у него из-под когтей.

«Ой, батюшки!» — вскрикнула лиса, увидя, как медведь с волком несутся, и так заверещала, что у зайца даже уши подскочили.

«У-ах!» — завизжал от страха заяц и так скосил глаза, что они поменялись местами, оттолкнулся что было силы от земли и прямо со слепу на медведя налетел.

«Не бейте! Не надо!» — зарыдал медведь.

«Ох, и жизнь, — подскочил в страхе волк, — если уж медведь просит пощады, знать, крепко здесь бьют», — и понесся так, что сразу в самой чащобе окзался.

«Что стряслось, крррасавец?» — спросила ворона.

«Люди озверели, бьют так, что даже медведь орет!»

«Кошмарrrr!» — возмутилась ворона и улетела.

Никто ничего не знал, и я ничего не знал, а как узнал, да как все узнали, так и ахнули. Так ахнули, что даже лес качнулся.

«Да что случилось-то?»

«Да наш петух с соседским гусаком подрался!»

МЫ ОКТАБРЯТА

Словно солнце над горами
Разгоняет тьму ночей,
Светят звезды над копрами —
Ярко-алых пять лучей.

И на крыльях самолетов
Звезды по небу летят.
Есть на шлемах у пилотов.
Есть на касках у солдат.

Полстолетия звезды светят
Над кремлевскою стеной.
А отныне звезды эти
На груди у нас с тобой.

Пусть узнают все ребята
Про тебя и про меня,
Что теперь мы — октябрята,
А не просто ребятня.

В. Скоморовский
Рисунок Г. Тульчевской

Я ВСЁ ДЕЛАЮ САМА

Алексей Штойко

Ага, а я сама себе воротничок к платью пришила. Слышите, сама воротничок пришила. Взяла иголку, нитку, раз-два — и пришила. И хотя он на следующий день оторвался, но я сама себе пришила. А все в классе говорят, что я белоручка. Будто я ничего не хочу делать. Это неправда. Я сама себе воротничок к платью пришила. Мама говорит: «Подмети, дочка, комнату», — как будто я ей не помогаю. Я же сама себе воротничок к платью пришила. Бабушка просит: «Вынеси мусор», — как будто я ничего не делаю. Я же сама себе воротничок к платью пришила.

А вчера наши шефы-пятиклассники посадили возле школы липки, а нам сказали поливать. Мне дали ведро и говорят:

— Смотри поливай каждый день, чтоб не засохло.

— Фи-и-и! Очень мне нужно это поли-

вание. Что мне липка? Пусть сохнет! Я сама себе воротничок к платью пришила!

И вообще, дома и в школе я все сама делаю. Даже воротничок к платью пришить могу! Вот я какая!

Рисунок А. Василенко

РАЗГОВОР

Дмитро Павлычко

- Где ты, кисонька, была?
- На току в конце села.
- Ты зачем туда ходила?
- Хвостом жито молотила?
- Может, это был овес?
- Нет, овес молотит пес.
- Заработала не мало?
- Вот такой кусище сала!
- Может, нас им угостишь?
- Это сало съела мышь.
- Где же мышь, что съела сало?
- К себе в норку убежала.
- Где нора ее?
- В траве,
- Во шелковой мураве.
- Где муравушка шелкова?
- Съела всю траву корова.
- Где же съевшая траву?
- У себя, в своем хлеву.

- Хлев далёко ль от села?
- Молния его сожгла.
- Молния? А где же тучи?
- Ветер их прогнал могучий.
- Где же ветер?
- В дымоход
- Забрался и там поет.
- Дымоход где этот, кстати?
- Дымоход, конечно, в хате.
- А куда девался дым?
- Не следила я за ним.
- Почему же не следила?
- Потому что уходила.
- Где ж ты, кисонька, была?
- На току в конце села.

ЗАГАДКИ

У нашего Василия
Одна нога да крылья.
Он не ходит, не летает,
Только крыльями болтает.
Тем всех и кормит.

В зеленых одежках,
В красных сережках,
В воду смотрится красавица,
Видно, очень себе нравится.

Глянь-ка, в небе там и тут
Кони быстрые бегут.
Не заманишь их назад,
Они сена не едят.

Сводит сёла с городами,
Служит людям каждый день.
А меж тем ее ногами
Топчут все, кому не лень.

Приходила с метелкой тетя
Поглядеть, как живет наш Петя.
Пригласила Петю на обед,
Замела метелкою след.

Рисунки А. Мильковицкого

Стихи перевел А. Лосев

Стихи
наших
читателей

РАБОЧИЕ РУКИ

Большие рабочие руки,
Темные, загорелые.
Рубили, ковали, и сеяли, —
Как много вы переделали!

Большие рабочие руки
Терпели и холод и муки,
Сносили жгучие раны, —
Зато вы строили страны!

Таня Железко, 7 кл.
Ленинградская обл.,
г. Сланцы

ЗИМНИЙ ЛЕС

Вот на поляне ель растет,
Тугие ветви в стороны.
По елке белочка снует,
Над нею кружат вороны.
Вот стайка быстрых воробьев
Уселась на верхушку.
Глазами ищут — до краев
Набитую кормушку.
А вот сосна раскинулась,
Могучая, высокая.
Снег отряхая, ринулась
Сорока белобокая.
Вот дробь разносится по лесу,
К работе дятел приступил.
Ах, сколько этот барабанщик
Мне счастья подарил!

Володя Ткачук, 7 кл.
Мурманская обл., пос. Риколатвы

ВЕЧЕР

Я люблю, когда в городе вечер,
Только отблеск заката в горах.
Загораются окна, как свечи,
На уставших от зноя домах,
Под нытье заунывное ветра
И под шум запоздалых машин
Засыпает мой город, прогретый
От подножья до самых вершин.
Он уснет, тишиной напоенный,
Он уснет, милый, пыльный, родной...
Только тополь, в березу влюбленный,
Будет тихо качать головой.

Лена Зюбровская,
8 кл., Симферополь

Рисунки М. Басмановой

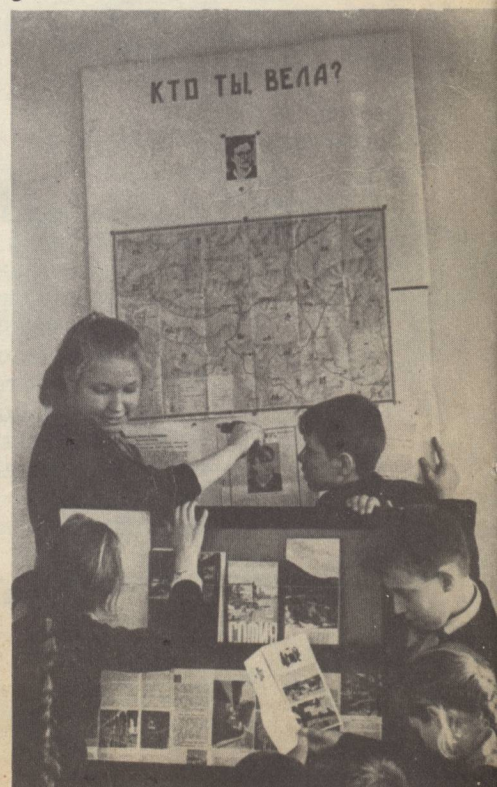

1

2

3

Ты с нами, Вела Пеева

Фото В. Мариковского
Текст Л. Крелевской

Более одиннадцать тысяч километров пролегло между Южно-Сахалинском и болгарским городом Велинградом. Но расстояние — даже большое — дружбе не помеха. По крайней мере, для ребят 5-го «а» класса 2-й средней школы Южно-Сахалинска и пионерской

4

6

дружины 3-го основного училища имени Христо Ботева болгарского города Велинград.

Как все началось? Южно-сахалинцы написали в Болгарию, рассказали о своем желании побольше узнать о жизни и подвиге отважной болгарской героини — подпольщицы Велы Пеевой.

Ответ пришел от секретаря Велинградского комитета Болгарской коммунистической партии товарища Георгия Шулева.

«Дорогие пионеры, — писал Георгий Шулев, — очень рад, что ваш отряд будет носить имя народной героини, нашей землячки и боевой подруги Велы Пеевой. Пусть героическая жизнь Велы, отданная за свободу и счастье болгарского народа, вдохновляет вас в вашем труде, учебе и всех хороших делах!

Советую вам установить связь с пионерской дружиной имени Велы Пеевой».

И дал адрес этой школы.

В музее Велы Пеевой, созданном в 5-м «а» южно-сахалинской школы, хранятся первые экспонаты и подарки болгарских друзей: книга о героине-комсомолке, повторившей подвиг Зои Космодемьянской, ее фотографии, листовки, путеводитель по городу Велинграду...

Болгарские пионеры из дружины Велы Пеевой по многу раз перечитывают письма своих советских друзей. Вот отрывок из одного письма:

«Сегодня на сборе всем пионерам вручены значки Велинграда. Мы приколоты их рядом с пионерскими значками и очень ими гордимся! Совет отряда решил назвать наш музей Велы Пеевой музеем братской дружбы советского и болгарского народов. Мы пригласим в гости сахалинцев, которые участвовали в освобождении Болгарии.

Всем классом мы изучаем болгарский язык и скоро сможем писать вам письма на болгарском языке, поговорить с вами по-болгарски!

Приезжайте к нам в гости!»

1. Отряд 5 «а» класса средней школы № 2 Южно-Сахалинска носит имя Велы Пеевой
2. Пишем болгарским друзьям
3. Оформляем уголок музея Велы Пеевой
4. Хорошо оказаться всем вместе за городом!
5. Тише! Идут занятия в кружке болгарского языка
6. Сахалинский журналист возвратился из поездки по Болгарии. Есть что рассказать ребятам!

ЗЕЛЕНЫЕ*СТРАНИЦЫ

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ БОРОДАЧ - ЯГНЯТНИК

Раздел ведет
писатель
Н. Сладков

Мало кому посчастливилось видеть вблизи бородача-ягнятника. Птица эта редкая и осторожная.

Чего только про бородача не рассказывают! И черепах, дескать, разбивает о камни, бросая их с высоты. И горных козлов сталкивает с узких тропинок в пропасть. И на людей будто бы нападает.

В самом деле — вид у него устрашающий. Лапы тяжелые и когтистые, крылья — три метра в размахе! Глаз красный, свирепый, а под чугунным клювищем черная борода.

Только вот людей он не трогает — выдумки это все! И домашних коз и овец не обижает. И жаль будет, если исчезнет эта птица — украшение наших гор.

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

В ЛЕС ПО РОГА

Хватит ходить в лес по грибы да по ягоды. Отправляйтесь в лес... по рога! Тем более, в апреле в лесу ни грибов, ни ягод. Снег уже сошел, а трава еще не поднялась, и лежат рога на земле, как на ладони! Да какие! Сохатинные. Многоконцовые. Широкие, как лопата.

Торопитесь! От долгого лежания на сырой земле, то под солнцем, то под дождем, сброшенный лосем рог начинает трескаться и белеть. Грызут его мыши, зайцы и белки. Промедлите — и красивого нетронутого рога вам не найти.

А если отыщете вовремя — многие годы рог будет напоминать вам весенний лес, в который ходили вы по рога.

М. Калинин

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

СБЕЖАВШИЕ ТРОСТНИКИ

Заблудиться ночью в степи просто. В крошечной тьме плутали мы на велосипедах, сворачивая с одной тропы на другую. Один ложок показался нам очень знакомым. При свете спички на пыли дороги видны были следы велосипедных шин.

— Да мы уже проезжали тут! — удрученно воскликнул товарищ. — Полночь скоро, а мы все кружим! Где же это проклятое озеро?

Молча мы стояли на дороге и держали свои велосипеды. Руки и ноги гудели. Ружья оттянули нам плечи. А вокруг ни звука, ни огонька. Но вдруг мы отчетливо услышали: впереди крикала утка! Значит, озеро там! Потянуло запахом тины. Мы вскочили на велосипеды и скоро уперлись в непроходимые тростниковые заросли. Блаженно растянулись мы на спальных мешках и скоро заснули под тихий плеск воды, кры-

канье уток и неумолчный шорох и шепот густых тростников.

Утром я проснулся от тревожного крика: «Где мы?» Открыл глаза: никаких тростников вокруг не было! Мы лежали на голом пустом берегу у чистой воды. Ни единой травинки, ни единого стебелька!

Что за чудо? Неужели все приснилось? Но я сам вчера продирался к воде по дремучим зарослям — еле назад выбрался! И всю ночь тростники шумели над головой. А утром исчезли...

Прямо наваждение!

(Продолжение в следующем номере. Но, может, вы сами уже догадались! И знаете, куда тростники исчезли! Тогда напишите. Верные ответы мы напечатаем).

М. Зверев

В теплицах Сельскохозяйственной академии замерзли нежные узумбарские фиалки. Где взять другие?

Ученых выручили ребята из Московского Дворца пионеров. Здесь в секторе растениеводства целая коллекция знаменитых фиалок. Ребята выращивают гибриды, получают цветы всевозможных оттенков.

Ухаживает за фиалками Юра Чугреев (его вы видите на снимке).

Е. Синявер

ПТИЧИЙ БУДИЛЬНИК

Хоть убей — не могу утром проснуться! Мама будит — мычу, брат будит — лягаюсь. Наконец меня надумили. Сделай, говорят, кормовую птичью полочку, да не простую, а с будильником. Укрепи на полочке прут с колокольчиком и ломтиком сала. Я так и сделал. И просыпаюсь теперь на рассвете. Чуть посветлеет, а у меня уже колокольчик звонит за окном. Синички слетелись и теребят сало. И встаю, и умываюсь, и завтракаю под веселый звон. Уже в школу иду, а птичий будильник не унимается. Надежный. Заводить не надо. Всем советую сделать.

КОСТЯ ТЕРКИН

СОРОЧЬИ ТАРАТОРКИ

ЧТО ЗА ПТИЧКИ?

— Что я слыхала! Тра-та-та-та! Девчонка девчонке говорит: «Живут у меня дома три птички. Одна птичка называется так же, как очень веселый танец, вторую зовут точно так, как большую разливательную ложку, а у третьей имя крупы!»

Столько в лесу живу, а таких птиц не знаю! Тра-та-та!

Подслушал Н. Сладков

Оформление
Т. Васильевой

МИГ

Камышовка. По-настоящему ее бы не, камышовкой назвать надо, а тростниковкой! Вся жизнь ее в тростниках: в тростниках охотится, гнездо вьет, прячется и поет.

Фазан. Фазан в зарослях — как рыба в воде! Долго я его караулил и вот «подстрелил». Он и сейчас в тех же зарослях прячется, не знает, что теперь он у всех на виду.

А. Лухтанов

Чем это кончилось?

В «Костре» № 3 мы рассказали трогательную историю о добром Жалейкине, который пожалел своего зяблика и выпустил его на свободу из клетки. Зяблик радостно улетел, но скоро вернулся и постучал носом в окно. Вот так это было:

«Прослезился Жалейкин: не забыл, вернулся поблагодарить меня за то, что я выпустил его на свободу».

А вот что из этого вышло:

Утром видит Жалейкин — лежит под окном замерзший зяблик. Понял Жалейкин, что нельзя летних птиц зимой выпускать. Да поздно! Доброто, оказывается, надо умеючи делать.

В марте мы напечатали рассказ М. Зверева «Что с ним?». Вот чем он кончается:

«На том месте, где кабан ерзал боком по просоленному берегу, чуть видны следы крови. Значит, секач был ранен — собаки покусали или от своих же досталось в драке. Вездесущие мухи успели отложить в раны яички. И не выжить бы кабану, если бы не древний инстинкт: кабан стал натираться солью. Соль жгла как огонь, оттого и визг, и дерганье. Но зато все личинки погибли».

Правы оказались те читатели, которые написали нам, что кабан на берегу лечился.

ПУТЕШЕСТВИЕ К СПОРТСМЕНАМ,

которые живут, тренируются, соревнуются, побеждают и терпят поражения вдали от больших городов и шумных стадионов, совершил в канун 50-летия пионерии и описал в путевых заметках специальный корреспондент спортивного отдела «Костра» Юрий Михайлов.

На всю Грузию славится дворец царя Ираклия II в Телави. Со стен дворца-крепости открывается вид на Алазанскую долину с ее виноградниками, кукурузными полями, фруктовыми садами. Повсюду поселки, фермы, винодельческие заводы... и спортивные площадки!

Мне посоветовали познакомиться с юными спортсменами из детской спортивной школы Телавского района. Там чемпионов не счесть.

Но мне интереснее попасть в обычную сельскую школу.

* * *

И вот я в селении Акире. Едва ли не вся школа тотчас высыпала во двор. Меня знакомят:

— Арчил — первый силач в поселке.

— Бедзина — рекордсмен школы по прыжкам.

— Закро — чемпион района по кроссу.

— Марина — чемпионка в беге на километр.

Вот так штука! Все чемпионы! А фамилиям и титулам конца нет. Тогда я спросил чемпионов:

— Отличники среди вас есть? Ясное дело: есть! Тут и учительница вступилась:

— Наши спортсмены во всем первые — и в учебе, и в пионерской работе. Кто лучший ученик школы? Калатозашвили — наш председатель совета физкультуры!

Успехами в спорте акирские школьники обязаны прежде всего преподавателю физкультуры Гамлету Алексеевичу Ламозови-

ли. Он все умеет — выполнит без труда самое сложное упражнение, разъяснит правила любой игры и охотно сыграет со своими питомцами. Семь лет под его началом ребята осваивают каменистый пустырь возле школы. Тренироваться теперь можно на трех площадках, защищенных от ветра и солнца живой зеленой оградой.

Со временем это будет настоящий школьный стадион. Но пока площадки тесны, и нередко на тренировку отправляются в Цинандали. Там в парке мягкая шелковистая трава, благоухают розы, прохладно в жару и тихо в самый ветреный день.

* * *

На противоположной окраине района, на севере, у подножья гор лежит село Напареули. Познакомился с учителем школы Гоги Киквидзе. Несмотря на возраст (а ему седьмой десяток), сразу же угадывается гимнаст высокого класса.

Киквидзе — один из зачинателей спортивного движения в республике, участник первого физкультурного парада в Москве.

— Раньше в Грузии особо чтили воинов и поэтов, а теперь гордятся своими спортсменами. Мы уважаем мужество и благородство, а в спорте эти достоинства проявляются особенно ярко.

И снова знакомства... Вот Алеша Гвимадзе. Весь сезон не знал поражения на стометровке. На зональных соревнованиях республиканской спартакиады он опередил всех взрослых спринтеров.

— В чем секрет твоей быстроты?

— Бегом я занимаюсь шесть лет, — ответил Алеша, — а тренируюсь не реже трех раз в неделю. — И добавил с улыбкой: — А может быть, мне помогли консультации школы «Спринт»...

Его одноклассник Сосо Татришвили — прирожденный прыгун. По стилю перехода через планку сразу видно, что Сосо многое перенял от своего кумира — олимпийского чемпиона Шавлакадзе.

Грамоты и дипломы, завоеванные Алешей, Сосо и их друзьями, украшают стены пионерской комнаты. И тут же грамоты за пионерские трудовые десанты на полях, техническое творчество, победы в «Зарнице».

Награждают физкультурников не только грамотами. Часто к воротам школы подкатывает совхозный автобус. Пункт назначения известен — стадион в Телави. На всех крупнейших состязаниях можно увидеть пионеров из Напареули. Но — известное дело — автобус не резиновый. За право побывать в городе соревнуются звенья, отряды, спортивные кружки.

* * *

Кто учился у Элизбара Арчиловича Дзамукашвили, не забывают его. Двадцать лет не был человек в родном селе, а вернулся — первым делом навестит своего учителя, говорят о школьном учителе физкультуры из села Руиспири.

Дзамукашвили — человек требовательный, он терпеть не может

Оформление
Е. Натаревиш

лентяев и белоручек. «Любишь кататься — люби и саночки возить», — таков его взгляд на спорт. Я спросил Элизбара Арчиловича:

— Как ребята тренируются летом?

— Пусть они расскажут сами, — и учитель подозвал стоявших поблизости девочек — Лейлу, Свету и Нани.

— Главная беда, если на каникулах бездельничаешь. За месяц все навыки можно растерять, — сказала Лейла.

— Нам это не грозит, — возразила Света.

— Летом мы работаем в совхозе, — пояснила Нани. — На виноградниках. За день столько раз нагнешься да присядешь — ни с каким комплексом упражнений не сравнить!

— И при уборке урожая опять как бы тренировка: тут и ловкость, и сила, и выносливость нужны. У колхозниц дневная норма — 250 килограммов винограда, а наши девочки-волейболистки по 500 собирали. После уборки я стала ядро толкать — как пушинка летит, сразу разряд выполнила, — похвасталась Света.

Здесь гимнастический городок, баскетбольные щиты, футбольные ворота — все это купил колхоз на деньги, заработанные ребятами. А сколько в спорткабинете еще всякого инвентаря!

В спортивном кабинете я стал разглядывать расписание тренировок. Секций много, но удивительно, в графе «тренер» почти всюду фамилия Дзамукашвили.

— Как вы успеваете?

Учитель рассмеялся:

— Эй, ребята, кто у нас ведет занятия по футболу?

— Тамази.

— А по баскетболу?

— Алеша.

— Алеша, как твоя фамилия?

— Дзамукашвили.

— А твоя, Тамази?

— Дзамукашвили.

— Вот и весь секрет. У нас и в других секциях есть ребята с этой фамилией. Подростут — будут мне помощниками.

* * *

Знакомый телеоператор признался как-то:

— Ох, и трудно же вести ре-

портаж, когда играют тбилисские баскетболисты. Саканделидзе — как птица! Едва наведешь камеру, а он уже вспорхнул, выпал из кадра...

Пусть скажет спасибо, что не довелось ему встретиться с Давидом Татулишвили! Давид — ученик пятого класса из Руиспири. На площадке он как фокусник: мяч у него будто дрессированный — послушно скачет рядом и, когда надо, прилипает к рукам. Вдвоем, втроем бросаются соперники на малыша (Татулишвили ниже всех в команде), но только сталкиваются лбами, а Давид уже под кольцом!

— Где вы видели такой дриблинг, как у Давида? — спрашивает Элизбар Арчилович.

Я только развожу руками:

— Не видел...

— А вот наш Голиаф, — представляют мне плечистого паренька, — Нодари Мокцевашвили из седьмого класса. Штангист!

Снова удивляюсь: как же так, штанга — дело не детское...

— Его Мириан тренирует! — объясняют мне ребята.

Мириан Цалкаламанидзе — совхозный винодел из Кондоли, один из самых уважаемых в округе людей. Вина этого завода не раз удостоивались медалей на международных конкурсах. Но у Мириана есть и свои медали, спортивные. Главная — золотая награда Мельбурнской олимпиады. Богатырь из Грузии — победитель турнира борцов внимательно присматривается к сильным и ловким ребятам своего района. Ведь олимпиады идут одна за другой. И сборной страны потребуется достойное пополнение.

Утром по дороге из Телави на аэродром шофер не удержался и сделал крюк к школе № 1. На спортплощадке, несмотря на ранний час, стайка ребят гоняла мяч. Шофер с гордостью заметил:

— Вот так здесь начинал Гиви Чохели! Знаете?

Как же не знать долголетнего капитана сборной СССР по футболу!

И пусть нам пока неизвестны имена ребят, что сломя голову несутся сейчас за мячом, точно пасуют друг другу, метко бьют по воротам. Завтра, без сомнения, многих из них будет знать вся страна.

Юноша
всегда
наблюдает

О ТВЕРДОСТИ УБЕЖДЕНИЙ

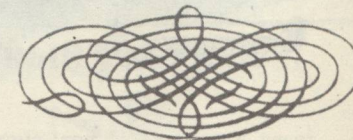
Плохо, когда человек беспринципен, а уж если принципов и твердых убеждений нет у литературного критика, это совсем никуда не годится.

Писательница Авдотья Яковлевна Панаева оставила в своих воспоминаниях такого критика. На одном литературном вечере он в отсутствие Некрасова поддержал Тургенева, который спорил с Некрасовым, а на другом, где был Некрасов, но отсутствовал Тургенев, принял сторону Некрасова.

— Как же так, Павел Васильевич, — спросила Панаева, — два человека высказывают противоположные мнения и оба, по-вашему, правы!

Критик помолчал, подумал, вздохнул и сказал:

— И ты права!

О МУЗЫКАЛЬНОЙ ГРАМОТЕ

Известного музыканта нашего времени Луиса Армстронга, благодаря редкой его одаренности, смолоду приглашали в лучшие джазовые коллективы. Но музыкальной грамоты он не знал.

Как-то после концерта к Армстронгу подошел дирижер и сердито спросил:

— Луис, с чего это ты трубил во всю мочь в том месте, где в нотах написано «ПП», «пианиссимо», то есть «как можно тише»?

— Вот как, а я думал, что «ПП» означает: «Пожалуйста, погромче», — ответил огорченный Армстронг.

СПОРТИВНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК

БОЛЬНОЙ ЧЕМПИОН

Когда американский штангист Томми Джонсон, будучи в зените славы, заболел гриппом, врач приказал ему не вставать с постели.

— У вас сейчас температура 38,5!

— А какая цифра является мировым рекордом? — спросил спортсмен.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

ОДИН ПРОТИВ ПЯТИДЕСЯТИ

— О чем мне вам рассказать, ребята? О морских сражениях? О штурме Севастополя? О героях новороссийского десанта? Расскажу я вам о летчиках. Вернее, об одном летчике...

Случилось это в начале лета 1942 года под Новороссийском. День был жаркий. На море — полный штиль, на небе — серая дымка. И — тишина. Словно бы и войны нет, затихло все вокруг, одни кузнечики в сухой

траве цвиркают. И вот, смотрим, на горизонте туча растет. Ползет туча, приближается, разделяется на точки. И гул моторов стал слышен. Летят фашистские «юнкеры». Кончилась тишина, захлопали корабельные зенитки, «юнкеры» начали на город пикировать.

И видим мы, что на приличном от фашистов расстоянии три наших ястребка летают. Всего три, а «юнкеров» не меньше пятидесяти. Если ястребкам нападать, — на верную гибель идти...

Вдруг один ястребок отделился от товарищей, прибавил скорость и врезался в строй бомбовозов. Фашисты заметались. Один «юнкер» загорелся, другой упал в море, третий задымил...

Наконец, ястребок из этой стаи выскочил и все мы, кто за боем следил, облегченно вздохнули. Но рано мы обрадовались, потому что за ястребком тоже дымок синий потянулся. Потом гуще, гуще и черней дым, и истребитель, держа курс к берегу, пошел на снижение. Все мы ждали, что вот-вот летчик с парашютом выбросится. Но его все не было, и к воде уже приближался не самолет, а ком огня и дыма... Погиб, ребята, летчик. А мы тогда так и не узнали, кто был этот бесстрашный герой.

Вот я и думаю: если вы, ленинградские следопыты, обратитесь к следопытам Новороссийска и расскажете им все, что я вам рассказал, может быть, они смогут узнать, кто он был, тот герой-летчик.

Потому что ничто не должно быть забыто и никто не будет забыт. Потому что свято для нас имя героя и нет героев безвестных...

Рассказ моряка-черноморца, участника Великой Отечественной войны Д. Н. Баханцева записали морские следопыты ленинградской школы № 519 Саши Антонов и Андрей Щербаков.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ПЕРВЫЙ ОПЫТНЫЙ МАЯК

В Австралии, на мысе Денжер, испытывают новый маяк — лазерный. Установлен он на высоте 50 метров. Вес лазерного маяка в сто раз меньше обычного, а видимость ночью — 40 миль!

Но самое главное: лазерному маяку туман и дождь не помеха.

Страницка морской поэзии

ЗАТИШЬЕ

Две чайки отдыхают на волне.
Морская даль прохладна и легка.
Вода чиста... И камешек на дне —
Как отраженье моего зрачка.

Леонид Андреев,
Благовещенск

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

«НА ЗАДАНИЕ», Сержа Даневич, 12 лет, Ленинград

В МУЗЕЕ КОРАБЛЕЙ В ОСЛО

Островок Бюгдой — неподалеку от Осло. Островок небольшой, но в Норвегии каждому известный. На острове Бюгдой — морские музеи.

Мы осмотрели музей викингов: широкие деревянные ладьи, украшенные резьбой.

Видели мы и «Фрам» — корабль Фритьофа Нансена, Отто Свердруп и Руаля Амундсена. «Фрам» — гордость Норвегии.

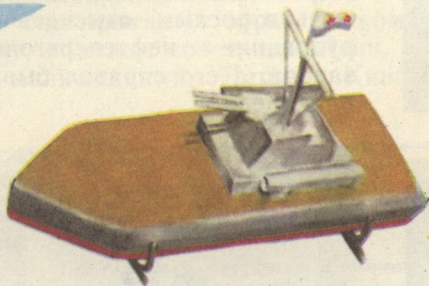

Ладья викингов

И наконец — музей «Кон-Тики». Здесь хранится бальсовый плот Тура Хейердала.

Г. Трифонов

НАША ПОЧТА

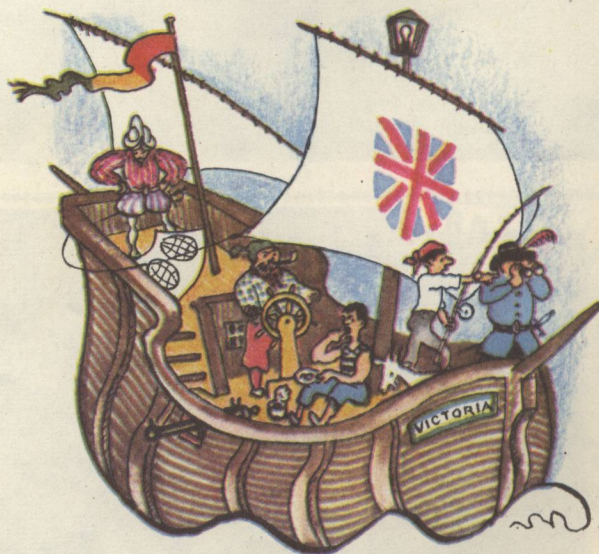

ДЕЛАЕМ САМИ

Нам пишет Гена Култаев из села Исянгулово: «Я по вашим схемам сделал торпедный катер. Думаю, он получился неплохой потому, что я впервые сделал модель по схеме. Рубкой я прикрыл микромоторчик, который немножко высунулся из-под палубы. Вес модели — 375 граммов. Скорость — 1 узел».

От редакции: Дорогой Гена! Рады твоему успеху. Скорость хорошая. Судя по фотографии, модель тебе удалась. Интересно, что ты сам кое-что переконструировал и заменил резиномотор на микроэлектромотор.

ЗАГАДОЧНЫЙ РИСУНОК

Вижу землю! — воскликнул Колумб
(Художник, рисуя эту картинку, сделал десять ошибок.
Найди их.)

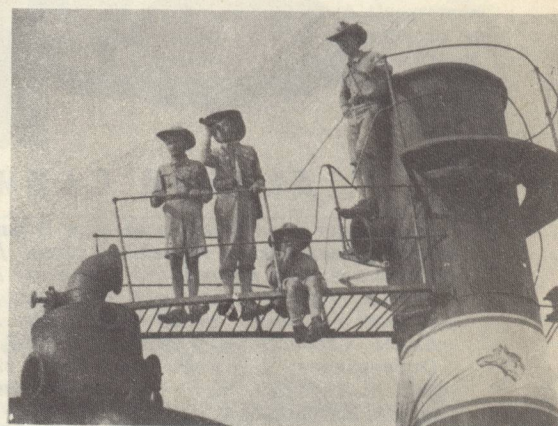

ЛЕНФИЛЬМ — ЮБИЛЕЮ ПИОНЕРИИ

Когда в мае в дни празднования юбилея пионерской организации вы придете в кино, среди многих новых фильмов вам покажут два, которые сделали ленинградцы.

Сценаристы Александр Власов и Аркадий Млодик (по их сценариям поставлены фильмы «Мандат», «Армия Трясогузки», «Армия Трясогузки снова в бою», «Белый флюгер») несколько лет собирали материалы о первых пионерских отрядах, встречались с первыми пионерами. «Красные пчелы» — так называется их новый сценарий и так в сценарии называет себя пионерский отряд.

Действие происходит в маленьком городке средней полосы России. Дети заводчиков и эспанов объединились в отряд бойскаутов. Дети рабочих — в пионерский отряд. «Красные пчелы» хотят помочь взрослым отыскать оборудование нефтеперегонного завода, а его спрятал бывший владелец...

КЛУБ КИНО ДЛЯ ВСЕХ

Ставит фильм режиссер Леонид Макарычев. Среди героев вы увидите Володю Лелетку, который снимался в картине «Зеленые цепочки».

Съемки «Красных пчел» проходили в небольшом городке Коврове Владимирской области. Именно здесь был организован один из первых пионерских отрядов. Жители Коврова с удовольствием помогали съемочному коллективу. Когда для массовых сцен пригласили пятьсот взрослых, их пришлось в два раза больше. А о ребятах и говорить нечего! Ковровские пионеры снимаются во всех эпизодах и с нетерпением ждут выхода фильма на экраны.

Старейший режиссер детского кино Николай Иванович Лебедев (его картины вы хорошо знаете: «Федька», «Честь товарища», «Мандат», «Зимнее утро» и многие другие) закончил работу над фильмом «Найди меня, Леня!» Он снят по повести Валентины Осеевой «Динка». Главную роль играет Лариса Баранова, ленинградская пятиклассница, энергичная, сильная и к тому же фантазерка — ведь надо суметь представить себя девочкой, живущей до революции. По повести, Динка крепкая, выносливая — она прыгает с обрыва в воду, плавает, тонет, дерется с мальчишками. Лари-

са справилась со всеми трудными заданиями.

Из различных сюжетных линий повести выбрана одна — знакомство и дружба Динки и Лени.

Киностудия «Ленфильм» по-

свящает картины «Красные пчелы» и «Найди меня, Леня!» юбилею советской пионерии.

И. Вольфсон, редактор студии «Ленфильм»

„В ПОЛЕТ“ В САМОЛЕТЕ

Самолет «ЛИ-2» много лет летал в ленинградском небе. В военные годы он воевал, после войны — возил пассажиров и грузы в дальние районы.

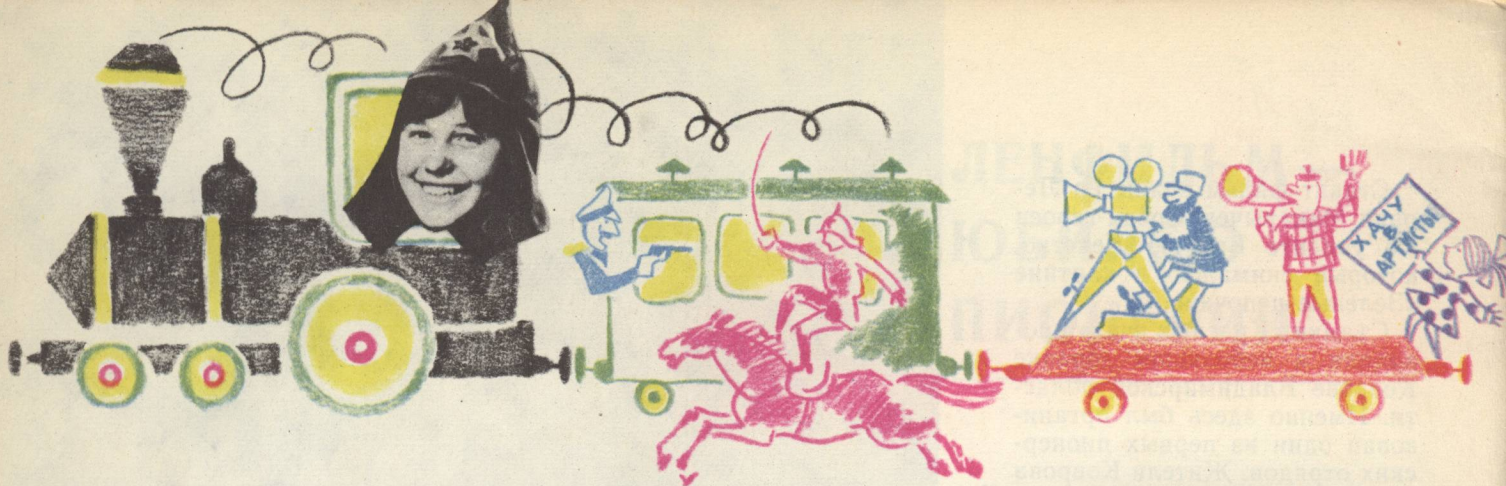
Теперь зеленый самолет навсегда приземлился в Таврическом саду. В честь пятидесятилетия пионерской организации летчики подарили свой «ЛИ-2» ленинградским детям.

Сначала ребята просто играли вокруг машины. Кто колесо потрогает, кто с крыла скатится, кто посидит на хвосте. А теперь в самолете открылся кинотеатр. Берешь билет, поднимаешься по трапу,ходишь — как в полет отправляешься. Так и называется этот необыкновенный кинотеатр — «В полет».

Л. Чернявская

КТО ХОДИТ В КИНО

СТАНОВИТЬСЯ ЛУЧШЕ

После того как в седьмом выпуске киноклуба мы объявили конкурс на самый интересный вопрос к «неуловимым», нас засыпали письмами ребят со всех концов страны. Некоторые вложили в конверты подарки «неуловимым» — значки, фотографии и даже собственные стихи.

Жюри конкурса выписывало вопросы в особую красную тетрадку. Случалось, что мальчик из Якутии и девочка из Эстонии спрашивали об одном и том же. Это членов жюри только радовало! Значит, такой вопрос интересен многим ребятам!

Недавно члены жюри открыли красную тетрадку, прочли все вопросы и проголосовали за них. Так из сотен вопросов было выбрано десять. С ними я и отправилась разыскивать Даньку, Ксанку, Валерку и Яшку-цыгана.

Это оказалось нелегким делом. Все они взрослые (Мише Метелкину — Валерке и Вале Курдюковой-Ксанке — девятнадцать, Вите Косых-Даньке — двадцать, Яшке-Васе Васильеву — двадцать один год), все очень занятые люди. Валя учится в цирковом училище, Вася работает в цыганском театре «Ромэн». Миша поступил на экономический факультет Института кинематографии, Витя — на режиссерское отделение Института культуры.

Все же я их разыскала и записала их ответы.

Наталья Карасик
Москва

6 «б» класс Магнитогорска, Ананьевы Оля и Вова из Петрозаводска, Наташа Кривицкая из Ленинграда, Володя Кравцов из поселка Манзя Красноярского края, Галя Кравцова из Серебрянска, Люда Королева из Кандалакши, Ира Гаврилова из поселка Полуночное Свердловской области спрашивают: „Где поймали „неуловимых“ на этот фильм?“

ВИТЯ КОСЫХ: Моя первая роль — Костя Иночкин в фильме «Добро пожаловать». Потом вместе с Мишей Метелкиным мы снимались в фильмах «Звонят, откройте дверь» и «Мимо окон идут поезда».

ВАЛЯ КУРДЮКОВА: Я никогда не мечтала, как многие девочки, стать актрисой. Я увлекалась спортом и занималась гимнастикой в обществе «Крылья Советов». Когда в нашу секцию пришел ассистент группы «Неуловимые мстители», тренер посоветовал вызвать меня на пробу. Так я стала актрисой на один фильм.

ВАСЯ ВАСИЛЬЕВ: Меня нашли в Вязниках Владимирской области, где и сейчас живут мои братья и сестры, которых у меня девять, и родители. В кино до этого не снимался.

Валя Хоботова из Саратова, Оля Тюфякина из Киева, Т. Живетина из поселка Балыкши Гурьевской области: „В вашем фильме рассказано о действительных событиях или часть из них выдумана?“

ВИТЯ И МИША: События выдуманы. Выдуманы и главные герои, их не было на самом деле. Но зато, мы уверены в этом, в далекие времена гражданской войны было много ребят, похожих на них как две капли воды. У многих из вас есть возможность ежедневно встречаться с «неуловимыми». Это ваши дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки. Наверняка кто-то из них в годы гражданской войны участвовал в приключениях, не менее славных и трудных, чем у наших героев. Поговорите с ними, и вы убедитесь, что это так!

ВАЛЯ: Но вы должны знать, что задолго до нашего фильма в кино и литературе уже были «неуловимые». Их придумал революционер и писатель Павел Андреевич Бляхин. В его книге «Красные дьяволята» описаны приключения Миши и Дунаши, детей убитого махновцами рабочего, и их друга, циркового акробата китайца

ДАВНО

Ю-ю. Артист и режиссер немого кино Иван Николаевич Перестиани поставил по этой книге первый советский приключенческий фильм.

ВАСЯ: Китайца Ю-ю заменили в фильме негром Томом. А мой герой Яшка-цыган, пришедший им на смену, придуман сценаристами «Неуловимых мстителей».

Наташа Большева и Люба Максимова из Черемхова, Лида Иванова со станции Козулька Красноярского края, Лена Козлова из Мурманской области, Стасик Мамышев со станции Сара Оренбургской области, Таня Щегорцова из поселка Каменистый Магаданской области спрашивают: «Нравятся ли вам ваши роли?»

«НЕУЛОВИМЫЕ»: Так же, как и вы, мы любим своих героев за смелость, находчивость и, главное, за преданность революции.

Валя Ярохович и Оля Мирошник со станции Рацевка Ворошиловградской области, Роза Базарбаева из Темиртау, Люда Золотаревская из Днепропетровска, Таня Акулова из села Михайловка Молдавской ССР, Л. Чурикова, Таня Еранская, Люда Ветрова из Иркутска: «Ксанка, что бы ты посоветовала девочкам, мечтающим стать актрисами?»

КСАНКА-ВАЛЯ: Девочки, не спешите стать актрисами сейчас, сегодня! Проверьте себя! Актрисой не становятся по мановению волшебной палочки. Эта профессия требует огромного ежедневного труда и мужества. Я снялась в трех сериях «Неуловимых», но не считаю себя актрисой. Я бы посоветовала будущим актрисам больше читать, и думать, и заниматься в театральном кружке. Ни в коем случае не советую писать на киностудии письма с просьбой взять сниматься в фильме. Ни один режиссер к таким посланиям серьезно не относится, и это справедливо.

Таня Пейчева из Запорожья, В. Лобыкин из Гурьева, Володя Булдаков из Камышлова, Витя Пантюхин из Куйбышева: «Если бы вы жили во

времена ваших героев, что бы вы делали?»

«НЕУЛОВИМЫЕ»: До встречи с «неуловимыми» каждый из нас, как, конечно, и вы, не раз представлял себя рядом с героями книг и фильмов о революции и гражданской войне. Если б мы жили в те времена, мы бы тоже сражались в красных отрядах.

Саша Кириллов из Шедока Краснодарского края: «Ребята, а в жизни вы похожи на „неуловимых“?»

«НЕУЛОВИМЫЕ»: Этот вопрос лучше бы задать нашим родным и друзьям. Конечно, мы очень бы хотели походить на наших героев!

Люда Полухина из Первомайска: «Помогаете ли вы друг другу? Дружите ли вы?»

«НЕУЛОВИМЫЕ»: Очень дружим! Всегда в курсе дел и забот друг друга. Думаем, это дружба на всю жизнь.

Миша Зеленский из села Кадыево Ворошиловградской области, Марина Коровина из села Поддубовка Липецкой области, Оля Лизунова из Челябинска: «Вы сами скачете на конях, прыгаете с высоких круч или это делают за вас дублеры?»

«НЕУЛОВИМЫЕ»: Старались сами делать как можно больше. Научились скакать на конях и получили первые разряды по конному спорту. Все, кроме Вали, имеем первые разряды по самбо. Валя же — мастер спорта по гимнастике, и это ей не раз помогало на съемках. Вася теперь умеет перелетать на полном скаку с одной лошади на другую. Валя — прыгать с макета самолета, поднятого выше десяти метров. Миша и Витя ходят по канату на большой высоте и с десяти метров прыгают... В одном эпизоде Миша в автомобиле на полном ходу врезается в стенку и на него сыплется град камней и стекла. Это рискованно, но Миша захотел сам играть этот эпизод.

Но бывают моменты, и мы хотим, чтобы вы поняли это, когда дублер необходим. Помимо того, что он страхует жизнь актера, он еще экономит

деньги и время съемочной группы. Потому что порой проще пригласить квалифицированного дублера, чем обучать актера сложному трюку. Как ни грустно вас разочаровывать, признаемся: прыгает на высоте двадцать пять метров с карниза одного дома на крышу другого не Валерка (хотя стоит на узком карнизе он сам), а его дублер Владимир Черкасов. Нырять в море с двадцатистиметровой скалы не Яшка, а Фирс Земцов. Преследуя штабс-капитана Овечкина, скачет с вагона на вагон идущего поезда не Ксанка, а загримированный под нее дублер Геннадий Афитуллин. Эти люди с блеском владеют редкой специальностью кинодублера.

Ребята из Сарапульского района Удмуртской АССР, Сережа Гриценко из Миллерова, Оля Долганова из поселка Троицкий Свердловской области: «Было ли вам страшно во время выполнения заданий?»

МИША: На карнизе четвертого этажа покосилась лестница, и я повис на руках. Страховки не было. Пришлось набраться мужества!

ВАЛЯ: А я однажды прыгала с макета самолета и после съемок узнала, что макет был поднят выше положенного. Вот тогда-то я испугалась!

«НЕУЛОВИМЫЕ»: Страшно бывает не тогда, когда выполняешь сложный трюк, а когда что-то не получается и надо принять решение на ходу и времени на раздумья совсем нет.

В. Дерун из села Сватово Ворошиловградской области: «Как выработать такой характер, как у „неуловимых мстителей“?»

«НЕУЛОВИМЫЕ»: Думаем, что нужны ежедневная тренировка и самовоспитание. Никто, кроме вас самих, не поможет вам стать ловкими и находчивыми. Поставь для себя в жизни большую цель, как у наших «неуловимых». Тогда будешь знать, ради чего воспитываешь свой характер.

Стать похожими на «неуловимых» могут все мальчики и девочки, если у них есть характер. Если есть желание становиться лучше!

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

ВЕСЕННЯЯ ПУТАНИЦА С ИМЕНАМИ И СЕМЕНАМИ, ИЛИ РАЗВЕЛ ОГОРОД — ТАК САЖАЙ РАССАДУ ВНИЗ КОРНЯМИ, А НЕ НАОБОРОТ.

Настал апрель, и ребята из квартиры 64: Нина, Никита, Юля, Сережа, Наташа, Олег, Лиза, Митя, Маша, Петя, Катя и Алеша занялись на пришкольном участке разведением огорода. Они задумали посадить горох, картофель, капусту, лук, морковь, помидоры, огурцы, редис, редьку, свеклу, сельдерей и укроп.

Договорились, что девочки будут выращивать те овощи, у которых съедобные «вершки», а мальчики — те овощи, у которых съедобные «корешки». Только Сережа и Юля решили за своими овощами ухаживать вместе и взяли две грядки, чтобы посадить такие овощи, у которых съедобны и корни и листья.

Затем каждый вскопал одну из грядок, обозначенных на плане номерами, и оставил на ней табличку с названием культуры, которая будет здесь посажена, или именем огородника. А кто не успел сделать табличку, просто воткнул кустик рассады или положил на грядку свои овощи.

Но к тому времени, когда солнце прогрело землю и настала пора посадки, только Сережа и Юля сразу вспомнили, где их грядки. Остальные, кто позабыл, где его грядка, кто забыл, что именно он должен сажать.

Нина помнила только, что ее семена самые крупные. Никита помнил только, что его грядка имеет двузначный номер.

Лиза помнила, что она должна сажать помидоры и что ее грядка рядом с Наташиной.

Митя помнил, что его грядка рядом с Алешиной и примыкает к Петиней.

Катя помнила только, что из ее семян не вырастет капуста.

Алеша в недоумении держал пакетик с неизвестными ему сырыми, комковатыми, довольно крупными семенами.

Зато Олег, сгибаясь под тяжестью мешка с посадочным материалом, все-таки не ошибся и поставил его на свою грядку.

Ребята, помогите скорей огородникам разобраться, кто из них где и что должен сажать, а то они могут пропустить драгоценное время и запоздать с огородом.

А кому не известно, что ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ ГОД КОРМИТ?

Свой огород ребята решили кругом обсадить цветами. Каждому выделили по клумбе площадью 1 кв. метр и хотели было уже выдать всем по одинаковому весу или количеству семян выбранного им цветка.

Но выяснилось, что дело не так просто. Мало того, что семена у всех цветов разной величины, но к тому же они и всходят по-разному, и требуется их на одинаковую площадь разное количество.

Пришлось составить таблицу и решать настоящую математическую задачу.

Цветок	Кол-во семян в грамме (штук)	Всхожесть в %	Кол-во экземпляров на 1 кв. метр
Львиный зев	8000	60	20
Астра	500	50	25
„Комета“	500	50	25
Гвоздика	600	60	20
„Шабоз“	600	60	20
Подсолнечник Калифорнийский	20	60	10
Дельфиниум	450	60	15
Левкой	600	60	20
Лобелия	36000	60	40
Люпин	5	80	20
Мак	4000	60	30
„Ширли“	9	60	45
Настурция	850	50	50
Сальвия	350	50	25
Василек	350	50	25

По сколько штук и граммов семян потребуется для каждой клумбы?

**ОТВЕТ
НА ЗАДАЧУ
«КОСТРА»
№ 3.**

Выбрав правильные названия и цифры, получаем: «ПОДАРОК К 8 МАРТА».

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов)

Только что получено известие об итогах прошлогоднего турнира двух тысяч рыцарей АРЧЕБЕКА.

Слава победителям! Вот они: шахматисты — Миша Бержанер (Ленинград), Саша Волков (Федосия), Витя Даценко (Енакиев), Толя Коц (Кизел), Юра Лавров (Краснодарский край), Саша Поташов (Тульская область), Витя Хащанский (Дзержинск), Андрей Яковлев (Пермь); шашкисты — Сережа Мальцев (Карагандинская обл.), Геннадий Романов (Ленинград).

Ни единого «холостого выстрела» не сделали эти архебековцы и, решив все 30 задач, набрали по 150 очков. Им присвоен 2-й спортивный разряд, они награждены дипломом «Костра» и памятным подарком — книгой по шахматам или шашкам.

Всего лишь на 5 очков от них отстали шахматисты — Рая Батракова, Андрей Гармаш, Виталий Ефремов, Коля Зиновьев, Павел Катеринич, Боря Ковалев, Коля Ковтун, Геннадий Курашко, Витя Козырев, Галя Королева, Люда Морщинина, Игорь Мушников, Петя Молдовян, Павел Макеев, Сережа Орлов, Сережа Пашковский, Валерий Перевертов, Ваня Руснак, Сережа Тихонов, Толя Юрочка, Володя Яковлев; шашкисты — Саша Белинский, Бисенгуль Бегдесенов, Виталий Каров, Миша Кусмарцев, Игорь Куклин, Сережа Масляков, Валерий Помещиков, Володя Пудиков, Коля Ребрищев, Володя Рыжков, Юра Страгис, Саша Терешонок, Валерий Хорин, Ваня Шихалев, Марк Шандалов.

Эти рыцари также стали второразрядниками и получили диплом и памятный подарок.

228 участников турнира выполнили нормы 3-го и 4-го разрядов, а 246 не умевших играть рыцарят постигли премудрости и красоте шахматного искусства и удостоены звания рыцаря.

Трижды салют всем верным воинам АРЧЕБЕКА!!!

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Сегодня — 4-й тур Олимпийского турнира. В нем каждый рыцарь может завоевать еще 10 очков, приближающих его к финалу.

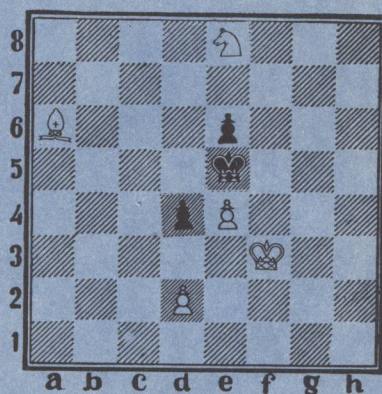
Шахматисты! Вас ждут задачи архебековцев.

Ваня Руснак (Закарпатье, с. Тересва) прислал такую позицию. А. Белые: Крd3, Фс7, Кс5, п.b2 (4); черные: Крb5, п.b7 (2). Мат в два хода.

АРЧЕБЕК

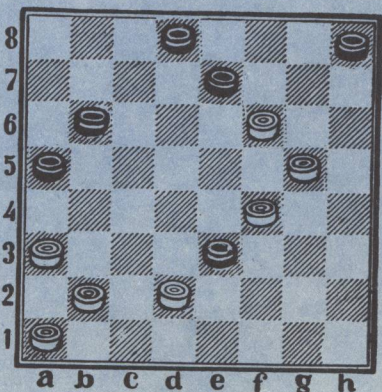
Автор задачи Б (см. диаграмму № 1) — Андрей Яковлев (Пермь). В ней — мат в три хода.

Шашкисты! Вам предлагает найти, как белые выигрывают в его концовках, неоднократный победитель в турнирах АРЧЕБЕКА — Сережа Мальцев (Карагандинская обл., пос. Токаревка).

В концовке А (см. диаграмму № 2) у белых на шашку больше, но черная простая прорывается в дамки. И все же неожиданная комбинация позволяет белым выиграть.

А вот концовка Б — белые: a3, c1, d4, f2, g1, h2 (6); черные: b2, c7, e7, g5, g7, h4 (6). В ней белые тоже проводят победную комбинацию, но (пусть это будет вам намеком)... не сразу.

Итак: к выполнению боевого задания — приступите!

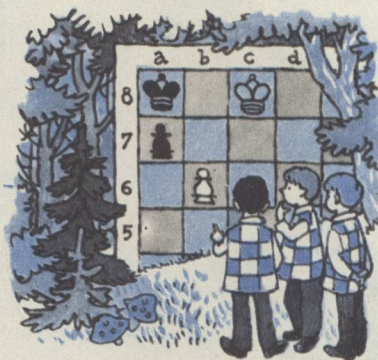
КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Трое неразлучных рыцарят — Знай, Незнай и Полужнай — гуляли в парке. Зашли, конечно, и в шахматный павильон. Свободен был лишь один столик, на котором, видно, партия только что закончилась.

— Сюда, ребята! Тут уже не играют: черные сдались, им спасения нет! — кричал (кто?).

— А я считаю, что белые сдались! — возразил (кто?).

— Сейчас уже не доказать, какие сдались! Знать бы, чей ход,

тогда другое дело, — сказал (кто?).

Боевое задание: установить, что утверждал Знай.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так:

Шахматы. А (на флажках). 1. Сb8! Кр:b8 2. Лc1. Б (на борту). 1. e7 Крb7 2. e8C!

Шашки. А. 1. hg5! 2. fg3! 3. fg5 4. de3X. Б. 1. ef6! e:g5 2. cb8 3. b:h6 4. ab2X.

Заведите листок учета и за каждую верно решенную вами задачу Олимпийского турнира вписывайте в него 5 очков.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-олимпиадам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 июня.

§ 2. На конверте (левый верхний угол) помечать: «АРЧЕБЕК, приказ № 4». В одном письме посылать только один рапорт.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Спросите человека, побывавшего в Австралии, что его там больше всего поразило, и услышите в ответ:

— Кенгуру, эвкалипты и... теннисисты.

В Австралии сотни тысяч поклонников этой благородной и динамичной игры. С ракеткой в руках можно встретить и девочку-дошкольницу и седобородого деда. В австралийском селении может не быть футбольного поля или волейбольной площадки, зато обязательно найдется дюжина тщательно ухоженных травяных кортов — площадок для игры в теннис.

Славятся австралийские теннисисты и на международной арене. Десятки

лет не покидал «зеленого континента» Кубок Дэвиса — приз за командное первенство мира. Не счесть побед австралийцев и в другом всемирном состязании — Уимблдонском турнире.

Иностранные игроки без особого желания приезжают в Австралию — кому охота проигрывать. Но всякое поражение — это урок. И поэтому прошлой зимой (а в южном полушарии в это время, разумеется, было лето) в теннисное царство направили советского чемпиона Александра Метревели.

— Поучись, Саша, наберись опыта, — напутствовали его.

Туго, однако, пришлось учителям. Словно студент из Тбилиси прихватил с собой старика Хоттабыча. Мячи от ракетки Александра летели в самые недостижимые для соперников углы площадки. От пушечных подач Метревели не было никакой защиты. Его расчетливая игра у задней линии и смелые выходы к сетке ставили в тупик самых опытных мастеров.

«Ураган над кортами!» — так местные спортивные обозреватели оценили австралийское турне Александра Метревели.

Ребятам, коллекционирующим почтовые марки, хорошо знакомы названия австралийских штатов: Виктория, Южная Австралия, Тасмания, Квинсленд. Чемпионом этих заморских территорий и стал Александр. А когда наступило лето в северном полушарии, он к своей коллекции прибавил титулы чемпиона СССР и Европы.

Ю. Ковров

Фото Н. Науменкова

СОДЕРЖАНИЕ

Рампа, академия и другое очерк Ф. Нафтульева фото О. Василевского . . .	1
Привет от Вернера повесть Ю. Коринца рисунки А. Слепкова	6
Товарищ трубача очерк О. Вейцмана и Л. Паршина	22
На „Фраме-2“ рассказ Е. Коковина рисунки Н. Куцова	24
Юные искровцы продолжают поиск рассказывает С. Рубанов . .	28
Рассказы наших читателей Веселые стихи Ж. Зимины рисунки И. Казаковой . . .	31
Я — инспектор манежа повесть Р. Балабановского рисунки Ю. Шабанова . . .	32
Переполох шутейная сказка С. Воронина рисунок Н. Чарушина . . .	34
Уголёк журнал для малышей	46
Стихи наших читателей рисунки М. Басмановой . . .	47
Ты с нами, Вела Пеева фотоочерк В. Мариковского и Л. Кролевецкой	49
Зеленые странички ведет писатель Н. Сладков оформление Т. Васильевой . .	50
Спорт	52
Уголок веселого архиваруса . .	54
Морская газета оформление Р. Попова . . .	55
Киноклуб оформление А. Януса	56
Квартира 64	58
Арчебек	62

На обложке рисунок С. Острова

На 4-й странице обложки „Боевой школьный карандаш“
рисунки Ф. Нелюбина,
стихи В. Лейкина

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахожов, Ю. Д. Поройков,
Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погудин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь),
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан
(зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлиньский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37,
телефон 14-57-76

М-36550. Подписано к печати 28/II 1972 г.
Формат 60×90/4. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 1793 Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Кронверкская ул., 7.

СДЕЛАЙ САМ

Корабль Христофора Колумба

«Санта-Мария» — один из трех знаменитых кораблей Колумба.

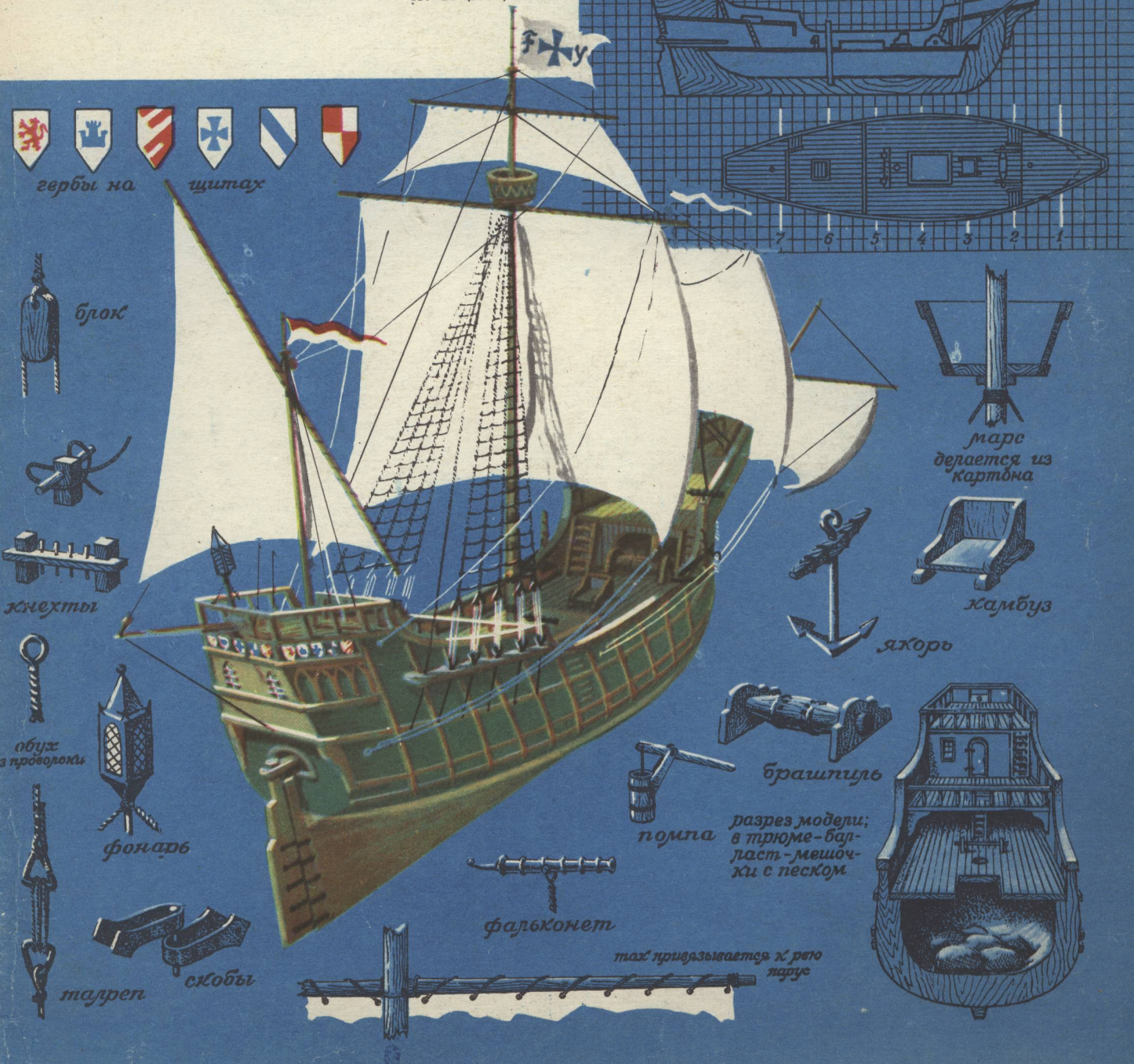
Модель «Санта-Марии» украсит кабинет истории в школе или полку с вашими любимыми книгами о путешествиях.

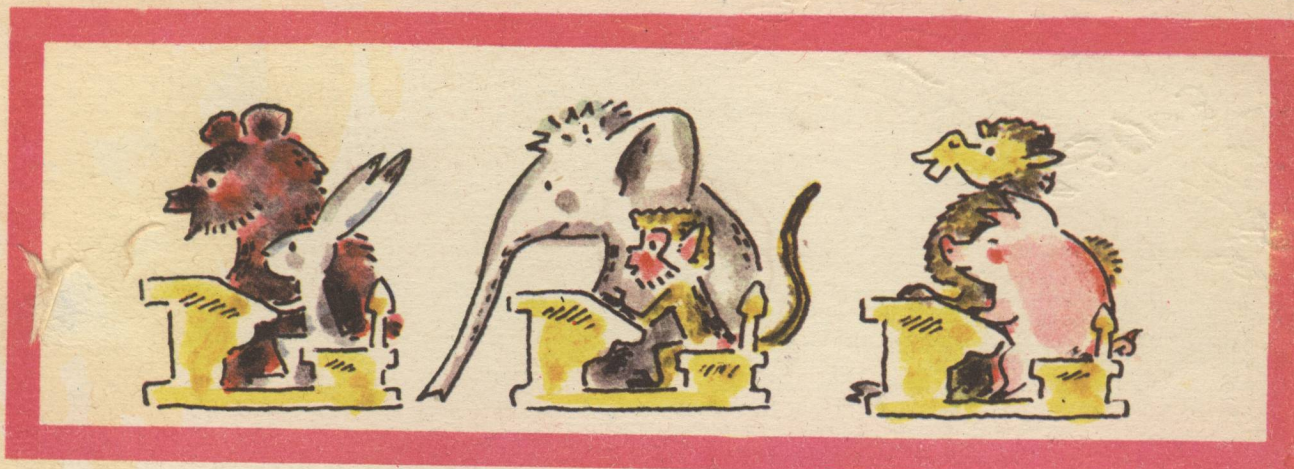
Модель изготавливается из бруска дерева по шаблонам и шпангоутам, которые даны в верхнем правом углу чертежа.

Если вы собираетесь сделать модель плавающей, считайте, что сторона клеточки сетки равна 2 см. Ну а если вы хотите сделать настольную модель — она должна быть меньше. Тогда сторону клеточки рекомендуем принять за 1 см.

Корпус плавающей модели должен быть внутри выдолблен, а когда вы начнете испытание на воде, в трюм положите мешочки с песком. Это придаст модели остойчивость, и в сильный ветер она не перевернется.

И. Секретарев

В чем дело? Нет звонка — прекрасный класс!
А перемена — пол дрожит и стены...

— Мы на уроках наших каждый раз
Сидим и ждем лишь новой перемены...

